

**ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»**

**КОНДАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ - IV
АНТИЧНОСТЬ – ВИЗАНТИЯ – ДРЕВНЯЯ РУСЬ**

**МАТЕРИАЛЫ IV МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

БЕЛГОРОД 2013

ББК 63.3 (0) 3
К 642

Ответственный редактор-составитель:
д.и.н. Н.Н. Болгов.

Печатается по решению кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения НИУ «БелГУ», протокол № 4 от 4 декабря 2013 г.

Кондаковские чтения IV: античность – Византия – Древняя Русь. – Белгород, 2013. – 150 с.

В настоящее издание вошли материалы научной конференции, проведенной 12-13 октября 2013 г. в Белгороде. В центре внимания авторов – идеи, жизнь и деятельность академика Н.П. Кондакова (1844-1925), одного из творцов византиноведения в России, уроженца современной Белгородчины. Материалы сборника призваны актуализировать наследие ученого на его родине и на всем научном пространстве, сложившемся на протяжении XIX-XX вв.

Книга может быть полезной всем, кто изучает проблемы археологии и истории искусства классического и восточно-христианского мира.

К 642

КОНДАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2013 г.

Первые Чтения состоялись в 2004 году. Они были задуманы прежде всего для актуализации имени и работ Н.П. Кондакова на его родине – Белгородчине. Кроме того, сама сфера занятий Кондакова позволила выстроить определенный «формат» конференции – античная классика, Византия, Древняя Русь (преимущественно, восточно-христианское искусство).

12–13 октября 2013 года в Белгороде прошла IV Международная научная конференция «Кондаковские чтения». Проект начался в 2004 году по инициативе кафедры всеобщей истории БелГУ. Конференция проводится раз в три года. На ней представлена разнообразная тематика научных исследований академика Н.П. Кондакова (1844–1925), уроженца совр. Белгородской области – история и археология античности, Византии, Древней Руси.

На конференции были представлены различные научные центры России (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Тула, Белгород), Украины (Киев, Львов, Харьков), Белоруссии (Минск), Израиля (Хайфа).

Пленарные доклады отражали основную тематику представленных на конференцию докладов и сообщений. Доклад заведующего кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения НИУ «БелГУ» Н.Н. Болгова был посвящен обзору деятельности научного направления «Классическая и византийская традиция» БелГУ в течение 2013 г. Д.Е. Богданов и М.И. Дорохов рассказали о молодежном крыле данного научного направления. Заглавной тематике – трудам Н.П. Кондакова – был посвящен доклад Д.С. Гордиенко (Киев), который остановился на оценке работ академика М.С. Грушевским.

Тематический блок докладов, посвященный проблемам классической античной истории, был представлен докладами А.А. Клейменова (Тула) об особенностях военного строя Спарты и Македонии; А.В. Клейменовой (Тула) о римских легионах Британии; К.И. Куйбиды (Львов) об изображении животных в гомеровском эпосе.

Северное Причерноморье и его материальная культура, изучением которой занимался Н.П. Кондаков в начале своей научной карьеры, привлекли внимание С.В. Ярцева (Тула) («Поход Филимера и проблема гибели Крымской Скифии»), М.В. Фомина (Харьков) («Царствие небесное» в раннехристианском искусстве Херсонеса»), И.А. Фомина (Харьков) («Иконографическая программа четырехапсидного храма Херсонеса»), А.Н. Домановского (Харьков) («Хлеб для папы»: сведения писем ссыльного Мартина I о характере торговли продовольствием в византийском Херсоне эпохи «темных веков»).

Центральное место на конференции, в соответствии с эволюцией научных интересов Кондакова, заняла секция, посвященная проблемам истории и культуры Византии. В докладе А.А. Торканевского (Минск) рассматривалась проблема «Вторых уз» апостола Павла». М.В. Грацианский (Москва) сделал доклад о позиции папства в обстоятельствах падения власти Византии в Средней Италии в VIII в. А.А. Роменский (Харьков) сообщил о сложных обстоятельствах борьбы

за власть в империи в конце 980-х гг. между Василием II и Вардой Фокой. Н.И. Быстрицкий (Москва) проинформировал об информационной базе «Византийского временника».

Не менее представительной стала секция истории и культуры Древней Руси и ее наследия. В.В. Корниенко (Киев) осветил в своем докладе «Святительский чин алтаря Георгиевского придела Софии Киевской по данным эпиграфики». Я.В. Литвиненко (Киев) сделал обобщающий обзор граффити пещер Киево-Печерской лавры, начиная с XII и заканчивая XX вв. Е.В. Питателева (Киев) сделала интересный «Экскурс в иконографию Святителей Кирилла и Мефодия (на примерах изобразительного искусства Восточной и Центральной Европы)».

Историографическая тематика была представлена М.Е. Домановской (Харьков) («Византийское искусство и археология на XII Археологическом съезде в Харькове») и А.А. Мавриным (Киев) («Вторая украино-армянская сессия 1962 г. в эпистолярии Я.Р. Дашкевича»).

П.С. Альбоций (Белгород) сделал обстоятельный доклад о Свято-Троицком соборе г. Белгорода и археологических раскопках последних лет на его территории.

На конференции состоялась презентация Аудитории имени академика Н.П. Кондакова, открытой в 2013 г. на историко-филологическом факультете НИУ «БелГУ».

Н.Б.

ПРАЦІ Н.П. КОНДАКОВА В ОЦІНЦІ М.С. ГРУШЕВСЬКОГО

Д.С. Гордієнко (Київ, Україна)

В історії російської та української науки особливе місце займає період другої половини XIX – початку XX ст. Саме в цей час російська гуманітаристика перестає бути східним відгалуженням західної – німецької, а українська відходить і від російської. На цей же час припадає і розвиток вітчизняних наукових центрів, до того ж, окрім офіційних, виникають і численні формальні та неформальні наукові товариства. Але незважаючи на всю інституціоналізацію наукового життя, цей період позначений цілою плеядою яскравих особистостей російської та української науки, що своїми працями зробили видатний внесок і у світову науку. Розквіт російської історико-філологічної науки насамперед пов'язаний з іменами М.С. Кутурги, Ф.Ф. Соколова, В.Г. Васильєвського, Ф.І. Успенського, О.О. Шахматова і, звісно, Никодима Павловича Кондакова. В той же час, розвиток і розквіт української гуманітаристики пов'язаний з іменами В.Б. Антоновича, М.І. Костомарова, М.П. Драгоманова, О.О. Потебні, А.Ю. Кримського, І.Я. Франка, але насамперед Михайла Сергійовича Грушевського.

Життєвий шлях Н.П. Кондакова та М.С. Грушевського багато в чому був різним, але має і цілу низку дотичних моментів. Насамперед їх ріднила улюблена ними наука: Н.П. Кондаков був академіком Російської Академії Наук і дійсним членом Академії художеств, членом-кореспондентом Сербської Академії наук та дійсним членом Болгарської Академії наук; М.С. Грушевський – академік Всеукраїнської Академії Наук та академік АН СРСР. Окрім того, обидва вчені були дійсними членами Чеської Академії Наук: Н.П. Кондаков – з 1898 р., М. С. Грушевський – з 1913 р. Вони обидва підготували власні школи видатних учнів, більшість з яких, проте, в 20-ті роки XX ст. опинилась в еміграції.

Н.П. Кондаков був старшим за М.С. Грушевського більш як на 20 років, і належав, таким чином, до дореформеного покоління. Натомість М.С. Грушевський – це уже нове покоління, що виросло в умовах нових паростків свободи, а тому і більш радикальне, більш заполітизоване, ніж покоління Кондакова. Політичні погляди останнього не були стабільними, як і взагалі громадська позиція вченого. Єдине, в чому він був вірним собі – це у визнанні єдиної великої і неподільної Росії, але без більшовиків. Негативно Н.П. Кондаков ставився і до українського політичного руху. За спогадами самого вченого: “В вопросах вековечного разлада хохлов и москалей стоял всегда на стороне первых, но всякое украинофильство, переходящее в политику, считал всегда диким безумием, лишённого смысла и стыда дикого варвара. В пору ранней молодости, будучи страстным любителем литературного чтения, знал почти наизусть Гоголя, и если мечтал, то во вкусе автора “Повестей Диканьки”. В настоящее время Гоголя, вне его таланта, презираю, наряду с другими романтическими русскими

писателями”¹. Цілком протилежною була позиція М.С. Грушевського. Ще в роки свого навчання в першій Тифліській гімназії він поставив собі мету життя – боротьбу за українську національну ідею і був вірним їй протягом усього життя. Кондаков після громадянської війни в Росії, Грушевський – після українських визвольних змагань 1917–1921 рр. опинились в еміграції, з часом обоє були в Празі, яка стала останнім місцем життя Кондакова, де він і похований, а для Грушевського – лише частиною емігрантського життя. В еміграції М.С. Грушевський створив Український соціологічний інститут – тим самим заклавши основи української соціології, а навколо Н.П. Кондакова організувалась російська емігрантська візантологічна група – знаменитий Кондаковський семінар. Чи вчені зустрічались у житті, однозначно відповісти на разі складно, але можна припустити, що так. Особливо така зустріч видається цілком вірогідною в празький період життя обох емігрантів. Прикметно, що й повернувшись з еміграції М.С. Грушевський продовжував цікавитись працями Кондакова і його семінарія, наприклад, на початку 1927 р. вчений звертався до Ю.П. Тищенка з проханням надіслати з Праги в Київ для історичної секції ВУАН примірник збірки пам’яті Н.П. Кондакова²: “Recueil d’études a N.P. Kondakov” (Прага, 1926).

Тут варто додати, що постаті Н.П. Кондакова і М.С. Грушевського поєднувались у житті і творчості ще одного видатного історика-емігранта Г.В. Вернадського. Ще в дореволюційний період Г.В. Вернадський був одним з тих, хто високо оцінив працю М.С. Грушевського “История украинского козачества”³, що фактично була дещо скороченим перекладом VII тому “Історії України-Руси”. У своїй рецензії Г.В. Вернадський наголосив, що праця М.С. Грушевського показує той складний симбіоз козацької, української культури, в якому сплелись елементи московської, середньоевропейської та східної культур. Саме в історії України, на думку рецензента, потрібно шукати “разгадку и начало многих культурных явлений Московского государства”⁴. Таким чином, на думку Г.В. Вернадського, значення праці М.С. Грушевського є безсумнівним і вона потрібна всім, хто цікавиться минулим “нашей родины”⁵. Так само Г.В. Вернадський залишався прихильником та популяризатором творчості М.С. Грушевського і будучи в еміграції, написавши передмову до англومовного перекладу його “Історії України” (1941 р.)⁶. З іншого боку, Г.В. Вернадський, попри те, що “стал поклонником таланта Н.П. Кондакова лишь в самые послед-

¹ Кондаков Н.П. Воспоминания и думы // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И. Л. Кызласовой. М.: Индрик, 2002. С. 35.

² Листування Михайла Грушевського. Т. 6: Листування Михайла Грушевського та Юрія Тищенка / Упоряд. О. Мельник; ред. Л. Винар, І. Гирич. К.; Нью-Йорк: УІТ, 2012. С. 384–386.

³ Грушевский М.С. История украинского козачества. До соединения с Московским государством. Том первый: До начала XVII века. К., 1913.

⁴ Вернадский Г. [Рец. на:] Проф. М. Грушевский. История украинского козачества. Том первый. СПб., 1913 // Русская мысль. 1913. № 12. С. 462.

⁵ Там же. С. 463.

⁶ Vernadsky, George. Preface // Michael Hrushevsky. History of Ukraine / Ed. by O.J. Frederiksen. Yale: Yale University, 1941. P. V–VI.

ние годы его жизни, но написал о нем больше тех, кто знал ученого в течение десятков лет”¹. І саме його праці², за висновком І.Л. Кизласової, “наряду с известной работой В.Н. Лазарева³, являются самыми существенными трудами среди тех, которые охватывают всю научную деятельность Н.П. Кондакова”⁴. Оцінка праць останнього Г.В. Вернадським абсолютна і висока: “В вопросах выбора тематики и методов работы, в своих великих достижениях и даже в своих недостатках Н.П. Кондаков проявлял себя как ученый глубоко русский, с теми особенностями и оригинальностью, какие свойственны русскому гению”⁵.

У сфері наукових інтересів Н.П. Кондакова була Візантії, точніше – історія візантійського мистецтва, і саме в цьому контексті вчений звертався до вітчизняного матеріалу. М.С. Грушевський навпаки – у центр своїх наукових інтересів поставив історію України, щодо середньовічного періоду якої і звертався до візантійської тематики⁶. Американський дослідник Дж. Томсон аналізуючи “Історію України-Руси” Грушевського, писав, що “Його дев’ятитомна історія, написана по-українськи, є монументом ерудиції, правдивою енциклопедією досліджень цілої генерації українських, російських та польських дослідників”⁷. Таким чином, рецепція праць Н.П. Кондакова у творчому спадку М.С. Грушевського особливо відобразилась у його “Історії України-Руси”, найбільше в 1⁸ і 3-му томі⁹. Численні цитати і посилання на праці Н.П. Кондакова зустрічаються і в інших, як дослідницьких¹⁰, так і критичних – особливо рецен-

¹ [Кизласова И.Л.] От составителя // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кизласовой. М.: Индрик, 2002. С. 15.

² Мається на увазі: Вернадский В.Г. О значении научной деятельности Н.П. Кондакова. К восьмидесятилетию со дня рождения. 1844–1924 // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кизласовой. М.: Индрик, 2002. С. 228–257; Он же. Никодим Павлович Кондаков / Пер. Е.А. Штофф // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кизласовой. М.: Индрик, 2002. С. 258–323.

³ Див.: Лазарев В.Н. Никодим Павлович Кондаков (1844–1925). М., 1925; 2-е изд.: Он же. Византийская живопись. М., 1971. С. 7–19.

⁴ [Кизласова И.Л.] От составителя... С. 15.

⁵ Вернадский В.Г. Никодим Павлович Кондаков. С. 258.

⁶ Див., наприклад, аналіз праць М.С. Грушевського з цього питання: Маврін О. Зовнішня політика княгині Ольги в “Історії України-Руси” Михайла Грушевського // Древнее Причерноморье. Выпуск IX / Глав. ред. И.В. Немченко. Одесса: ФЛП “Фридман А. С.”, 2011. С. 272–278.

⁷ Thompson J. A History of Historical Writing. Gloucester, Mass., 1967. Vol. 2. P. 627.

⁸ Грушевський М.С. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. / Редкол.: П.С. Сохань (голова) та ін. К.: Наукова думка, 1991. Т. I. С. 55, 57, 114, 115, 123, 266, 272, 280, 283, 300, 307, 509, 539, 542, 543, 567.

⁹ Грушевський М.С. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. / Редкол.: П.С. Сохань (голова) та ін. К.: Наукова думка, 1993. Т. III. С. 398, 399, 400, 430, 431, 434, 444, 445, 446, 447, 449, с450, 451, 452.

¹⁰ Див., наприклад: Грушевський М. Ковтки “київського типу” у сучасних кавказців // Грушевський М. С. Твори: У 50 т. / Редкол.: П. Сохань, Я. Дашкевич, І. Гирич та ін.; Голов. ред. П. Сохань. Львів: Світ, 2005. Т. 7: Серія “Історичні студії та розвідки (1900–1906)”. С. 319–321. Перше видання: Записки НТШ. Львів, 1900. Т. XXXVII. Кн. 5. С. 1–4; Он же. Молотовське срібло // Грушевський М.С. Твори: У 50 т. / Редкол.: П. Сохань, Я. Дашкевич, І. Гирич та ін.; Голов. ред. П. Сохань. Львів: Світ, 2004. Т. 6: Серія “Історичні студії та розвідки (1895–1900)”. С. 359–360. Перше видання: Записки НТШ. Львів, 1899. Т. XXXI–XXXII. С. 3–4; Он же. Молотовське срібло. Археологічна замі-

зійних працях¹ М.С. Грушевського. Найчисленніші посилання вчений робить на працю Н.П. Кондакова “Византийские эмали” та “Русские клады в памятниках искусства”. Відповідно, вони використовуються насамперед у розділах, присвячених мистецтву та побутовому життю Середньовічної України.

У львівський період М.С. Грушевський значну увагу у своїй діяльності зосереджував на праці в Науковому товаристві імені Т. Шевченка. З виданнями цього товариства була пов’язана і рецензійна діяльність вченого, яка й заклала

тка // *Грушевський М.С.* Твори: У 50 т. / Редкол.: П. Сохань, Я. Дашкевич, І. Гирич та ін.; Голов. ред. П. Сохань. Львів: Світ, 2004. Т. 6: Серія “Історичні студії та розвідки (1895–1900)”. С. 361–366. Перше видання: Записки НТШ. Львів, 1898. Т. XXV. С. 1–6 та ін.

¹ Див., наприклад: *Грушевський М.* [Рец. на:] *Věstník Slovanských starožitnosti. Indikateur des Travaux Relatifs à l’antiquité Slave, vidává dr. Lubor Nieberle*, кн. I, Прага, 1898, с. 135 // *Грушевський М.С.* Твори: У 50 т. / Редкол.: П. Сохань, І. Гирич та ін.; Голов. ред. П. Сохань. Львів: Світ, 2012. Т. 15: Серія “Рецензії та огляди (1898–1904)” / Упор. В. Шульга, В. Тельвак. С. 24–35. Перше видання: Записки НТШ. Львів, 1899. Т. XXVII. Кн. 1. С. 1–3; *Он же*. [Рец. на:] *Gustave Schlumberger. L’Épopée byzantine à la fin du Dixième siècle*, 1896, Париж, с. VI+799 // *Грушевський М.С.* Твори: У 50 т. / Редкол.: П. Сохань, І. Гирич та ін.; Голов. ред. П. Сохань. Львів: Світ, 2012. Т. 15: Серія “Рецензії та огляди (1898–1904)” / Упор. В. Шульга, В. Тельвак. С. 126–127. Перше видання: Записки НТШ. Львів, 1899. Т. XXVII. Кн. 1. С. 7–9; *Он же*. [Рец. на:] *O źródłach heraldyki ruskiej, skreślił dr. Franciszek Piekosiński (“Rozprawy akad[emi] umiejęt[osci]”). Wydział hist[oryczno]-fil[ozoficzny], XXXVIII* // *Грушевський М.С.* Твори: У 50 т. / Редкол.: П. Сохань, І. Гирич та ін.; Голов. ред. П. Сохань. Львів: Світ, 2012. Т. 15: Серія “Рецензії та огляди (1898–1904)” / Упор. В. Шульга, В. Тельвак. С. 162. Перше видання: Записки НТШ. Львів, 1901. Т. XLI. Кн. 3. С. 4–5; *Он же*. [Рец. на:] *Bibliografia historyi Polskiej, wspólnie z dr. Henrykiem Sawczyńskim i członkami kółka historycznego uczniów uniwersytetu Lwow. Zebrał i ułożył dr. Ludwik Finkel. Część. II*, Краків, 1895–1901, ст. 529–1144 // *Грушевський М.С.* Твори: У 50 т. / Редкол.: П. Сохань, І. Гирич та ін.; Голов. ред. П. Сохань. Львів: Світ, 2012. Т. 15: Серія “Рецензії та огляди (1898–1904)” / Упор. В. Шульга, В. Тельвак. С. 258–261. Перше видання: Записки НТШ. Львів, 1903. Т. LV. Кн. 5. С. 33–37; *Он же*. [Рец. на:] “Труды Владимирской ученой архивной комиссии”, книга I, Володимир-на-Клязьмі, 1899, ст. 172+48+34+26+22 рисунки // *Грушевський М.С.* Твори: У 50 т. / Редкол.: П. Сохань, І. Гирич та ін.; Голов. ред. П. Сохань. Львів: Світ, 2012. Т. 15: Серія “Рецензії та огляди (1898–1904)” / Упор. В. Шульга, В. Тельвак. С. 305. Перше видання: Записки НТШ. Львів, 1901. Т. XXXIX. Кн. 1. С. 29; *Он же*. [Рец. на:] *Радзивиловская или Кенигсбергская летопись, Т. I: фотомеханическое воспроизведение рукописи, Т. II: статьи о тексте и миниатюрах рукописи (издание общества любителей древней письменности, ч. CXVIII)*. СПб., 1902, т. I нумеров., т. II ст. 127, вел. 8°. В. И. Сизов. *Миниатюры Кенигсбергской летописи, археологический этюд (Известия отд[еления] рус[ского] языка [и словесности], 1905, [кн.] I, с. 1–50+2 табл[ици])* // *Грушевський М.С.* Твори: У 50 т. / Редкол.: П. Сохань, І. Гирич та ін.; Голов. ред. П. Сохань. Львів: Світ, 2012. Т. 16: Серія “Рецензії та огляди (1905–1913)” / Упор. М. Капраль, А. Фелонюк. С. 34–36. Перше видання: Записки НТШ. Львів, 1905. Т. LVII. Кн. 5. С. 8–10; *Он же*. [Рец. на:] Я. И. Смирнов. *Рисунки Киева 1651 года по копиям их конца XVIII века (Труды XIII археол[огического] съезда, II, с. 196+512+XIV табл[ици])* // *Грушевський М.С.* Твори: У 50 т. / Редкол.: П. Сохань, І. Гирич та ін.; Голов. ред. П. Сохань. Львів: Світ, 2012. Т. 16: Серія “Рецензії та огляди (1905–1913)” / Упор. М. Капраль, А. Фелонюк. С. 116–117. Перше видання: Записки НТШ. Львів, 1910. Т. XCV. Кн. 3. С. 199–200; *Он же*. [Рец. на:] *История русской архитектуры, сочинение академика А. М. Павлинова*. Москва, 1894, ст. 5+264+1 // *Грушевський М.С.* Твори: У 50 т. / Редкол.: П. Сохань, Я. Дашкевич, І. Гирич та ін.; Голов. ред. П. Сохань. Львів: Світ, 2008. Т. 14: Серія “Рецензії та огляди (1888–1897)”. С. 26–27. Перше видання: Записки НТШ. Львів, 1897. Т. XX. Кн. 6. С. 12–13.

підвалини української наукової історичної критики¹. Відтак роблячи етапний підсумок діяльності товариства з вивчення історії України, вчений згадав і свої праці, серед яких “давньоруського мистецтва стосуються також мої статті про праці академіка Кондакова, про мініатюри Трірської псалтири”².

Переходячи до розгляду критичних (рецензійних) праць М.С. Грушевського на дослідження Н.П. Кондакова, потрібно дещо зупинитись на вихідних засадах критики українського вченого. У вступній лекції у Львівському університеті, виголошеній на урочистому акті 30 вересня 1894 р. між іншим М.С. Грушевський наголосив:

“Нарешті я хотів би сказати кілька слів про свою професію методологічну, спеціально для тих, хто мають охоту студіювати зо мною історію *viribus unitis*. Я перейшов в своїм часі філологічну школу і з неї міцно витвердив принцип – *nemini credere*. Завше шукати і ніколи не задовольнятися, не сподіватись, що посів цілком усю істину, так що всякий інший погляд, інша вихідна точка в тій справі неможлива, абсурдна. *Πάντα δοκιμάζετε!* Наука – се неперестанний скептицизм. Не той недужий, немощний, що застається при самім аналізі, при самій руйнації, а той здоровий, плодотворящий скепсис, що веде за собою слідом роботу синтетичну. Через те всякий догматизм в своїй науці я уважаю непотрібним, всяке *juratio in verba magistri* – неможливим”³.

Безпосередньо працям Н.П. Кондакова М.С. Грушевський присвятив лише дві рецензії⁴, в якій розглянув такі дослідження: “Русские древности в па-

¹ Див.: *Гирич І.* Рецензійний жанр у творчості М. Грушевського // *Грушевський М.С.* Твори: У 50 т. / Редкол.: П. Сохань, Я. Дашкевич, І. Гирич та ін.; Голов. ред. П. Сохань. Львів: Світ, 2008. Т. 14: Серія “Рецензії та огляди (1888–1897)”. С. V–XIX; *Маслійчук В.* Ранні рецензії Михайла Грушевського // *Грушевський М.С.* Твори: У 50 т. / Редкол.: П. Сохань, Я. Дашкевич, І. Гирич та ін.; Голов. ред. П. Сохань. Львів: Світ, 2008. Т. 14: Серія “Рецензії та огляди (1888–1897)”. С. XX–XL; *Тельвак В.* Михайло Грушевський як історик у світлі своїх рецензій (кінець XIX – початок XX ст.) // *Грушевський М.С.* Твори: У 50 т. / Редкол.: П. Сохань, І. Гирич та ін.; Голов. ред. П. Сохань. Львів: Світ, 2012. Т. 15: Серія “Рецензії та огляди (1898–1904)” / Упор. В. Шульга, В. Тельвак. С. V–XXIV; *Капраль М., Фелонюк А.* Рецензійна діяльність Михайла Грушевського у 1905–1913 рр. // *Грушевський М.С.* Твори: У 50 т. / Редкол.: П. Сохань, І. Гирич та ін.; Голов. ред. П. Сохань. Львів: Світ, 2012. Т. 16: Серія “Рецензії та огляди (1905–1913)” / Упор. М. Капраль, А. Фелонюк. С. V–XXII.

² *Грушевський М.С.* Львівське наукове товариство імені Шевченка і його внески у вивчення Південної Русі // *Грушевський М.С.* Твори: У 50 т. / Редкол.: П. Сохань, Я. Дашкевич, І. Гирич та ін.; Голов. ред. П. Сохань. Львів: Світ, 2005. Т. 7: Серія “Історичні студії та розвідки (1900–1906)”. С. 511, також пок. 2.

³ *Грушевський М.* Вступний виклад з давньої історії Русі, виголошений у Львівському університеті 30 вересня 1894 р. // *Грушевський М.С.* Твори: У 50 т. / Редкол.: П. Сохань, Я. Дашкевич, І. Гирич та ін.; Голов. ред. П. Сохань. Львів: Світ, 2002. Т. 1: Серія “Суспільно-політичні твори (1894–1907)”. С. 74.

⁴ *Грушевський М.* Огляд праць Н. Кондакова з історії староруської штуки // *Грушевський М.С.* Твори: У 50 т. / Редкол.: П. Сохань, Я. Дашкевич, І. Гирич та ін.; Голов. ред. П. Сохань. Львів: Світ, 2005. Т. 7: Серія “Історичні студії та розвідки (1900–1906)”. С. 483–494. Перше видання: *Записки НТШ.* Львів, 1901. Т. XL. Кн. 2. С. 1–13; *Грушевський М.* [Рец. на:] Н. П. Кондаков. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб., 1906, ст. 123+2+6 табл.[иць] // *Грушевський М.С.* Твори: У 50 т. / Редкол.: П. Сохань, І. Гирич та ін.; Голов. ред. П. Сохань. Львів: Світ, 2012. Т. 16: Серія “Рецензії та огляди (1905–1913)” / Упор. М. Капраль, А. Фелонюк. С. 63–64. Перше видання: *Записки НТШ.* Львів, 1910. Т. XLV. Кн. 3. С. 196–198.

мятников искусства” вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева, вып. 5: Курганные древности и клады домонгольского периода и вып. 6: Памятники Владимира, Новгорода и Пскова; “Русские клады”. – Том I; “Византийские эмали, собрание А.В. Звенигородского”; “Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI века” и статья “О научных задачах истории древнерусского искусства”. Однак на “Русские древности” первісно рецензію мав написати М.Ф. Біляшівський, про це, принаймні, промовляють його листі до М.С. Грушевського. Так, 22.V.1897 з цього питання М. Біляшівський писав: “Чи не треба Вам рецензії на “Русские древности” Кон[дакова] і Толстого, т. V”¹. Очевидно адресат дав згоду, проте адресант, ймовірно, не зміг виконати обіцянки, принаймні у листі від 20 червня того самого року він писав, що “щодо Кондакова, то не знаю чи вспію. Там треба написати більше і глибше”². Таким чином М.С. Грушевському довелося самому критично опрацювати праці Н.П. Кондакова і підготувати відповідні рецензії для “Записок” Наукового товариства імені Т. Шевченка у Львові.

Насамперед М.С. Грушевський відмітив, що для його часу історія давньоруського мистецтва – була цілковито новою наукою. Все, що з’являлось раніше, на думку дослідника, “се були або зовсім дилетантські речі, або монографійки, присвячені одиночним явищам, предметам, а й таких було дуже небагато”³. В основу вітчизняної мистецтвознавства вчений ставить праці Буслаєва, що на сьогодні є загальноприйнятими⁴, а також Лашкарьова про архітектуру київських церков. Відмічає дослідник і “монументальне видання київських монет Толстого (1882)”, і збірку орнаментів Стасова (1884–1887)⁵. Далі М.С. Грушевський власне і переходить до огляду праць Н.П. Кондакова, відмічаючи, що поворот ученого до давньоруського мистецтва від візантійського відбувся в кінці 80-х років XIX століття і таким рубіжним дослідженням називає працю “О фресках лестниц Киево-Софийского собора”⁶, присвячену власне візантійсько-руській пам’ятці, як її часто називають у літературі.

Враховуючи, що візантійське мистецтво, дослідження якого блискуче проводив Н.П. Кондаков, мало визначальний вплив на розвиток давньоруського мистецтва, а також ґрунтовні дослідження вченого у сфері кавказького і західноєвропейського мистецтва, на думку М.С. Грушевського, зумовили те, що Н.П. Кондаков “мав все для успішних студій над староруською штукою, а його наукові здібності дали йому спромогу дійти в них до дуже важних результатів і

¹ Листування Михайла Грушевського. Т. II / Упор.: Р. Майборода, В. Наулко, Г. Бурлака, І. Гирич; ред. Л. Винар. К.; Нью-Йорк: УІТ, 2001. С. 53.

² Там же. С. 55.

³ Грушевський М. Огляд праць Н. Кондакова... С. 483.

⁴ Детальніше див.: Кызласова И.Л. История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф.И. Буслаев, Н.П. Кондаков: методы, идеи, теории). М.: Изд-во МГУ, 1985. С. 27–73.

⁵ Грушевський М. Огляд праць Н. Кондакова... С. 483.

⁶ Кондаков Н.П. О фресках лестниц Киево-Софийского собора // Записки императорского Русского археологического общества. СПб., 1888. Т. III. Вып. 3–4. С. 287–306.

зробили його праці підвалиною науки староруської штуки”¹. У цьому питанні Грушевський акцентує увагу, що вже праця Кондакова про фрески Києво-Софійського собору поставила дослідження цієї пам’ятки на цілком наукову основу: “Стаття ся позбавила всякого значіння всю попередню літературу сих фресків”, і разом з тим, у багатьох питаннях вичерпала наукову проблему дослідження фресок².

Переходячи до розбору “Русских древностей в памятниках искусства”³, виданих Н.П. Кондаковим разом з І.І. Толстим, М.С. Грушевський відмічає їх надзвичайну популярність, до того ж, не лише серед спеціалістів, а й серед досить широкої читацької публіки. Окрім наукової цінності видання, однією з причин такої популярності вчений називає і зовнішню привабливість видання, наповненого масою ілюстративного матеріалу, а також пояснює і відносно невеликою ціною книги. Однак за всього позитиву М.С. Грушевський відмічає і цілу низку, на його погляд, слабких боків видання, що, власне, і є найціннішим для сучасного як Кондаковознавства, так і мистецтвознавства загалом.

Насамперед, на думку Грушевського, Кондаков чітко не визначив, що він має на увазі під “руською” чи “староруською штукою”. Відтак, лише з 6 випуску та статті “О научных задачах истории древнерусского искусства” можна зробити висновок, що дослідження вченого стосуються історії великоросійського чи точніше суздальсько-московського мистецтва. Таким чином, змішується поняття етнографічне (старожитності російського мистецтва) і політичне – старожитності з території Російської імперії: “Тільки зрозумівши се основне непорозуміння, зміркуємо, чому автор, напр[иклад], так багато місця дав старинностям грузинсько-вірменським, котрих зв’язок з великоросійською штукою дуже проблематичний, а в усякім разі – дуже незначний, чому трактує рівнорядно штуку античну й т[ак] зв[ану] скитсько-сарматську чорноморського побережжя – з суздальською XII–XIII в., або чому так багато дає місця т[ак] зв[аному] готському стилю, хоч якраз підносить, що не можна вказати ніякої стичності його з штукою староруською: очевидно, сі всі партії зроблені у нього зі становища територіального – що всі сі культури розвивалися на території теперішньої Росії”⁴. Розвиваючи свою думку, Грушевський заперечує і погляд Кондакова на давній Київ,

¹ Грушевський М. Огляд праць Н. Кондакова... С. 484.

² Грушевський М. Огляд праць Н. Кондакова... С. 484. Тут М.С. Грушевський посилається на працю учнів Н.П. Кондакова: *Айналов Д.В., Редин Е.К.* Києво-Софійський собор: Исследование мозаической и фресковой живописи. СПб., 1889. С. 102.

³ Кондаков Н.П., Толстой И.И. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889. Вып. I: Классические древности южной России. 117 с.; илл.; *Они же.* Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889. Вып. II: Древности скифо-сарматские. 176 с.; ил.; *Они же.* Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1890. Вып. III: Древности времен переселения народов. 158 с.; ил.; *Они же.* Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1892. Вып. IV: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. 176 с.; ил.; *Они же.* Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1897. Вып. V: Курганные древности и клады домонгольского периода. 163 с.; ил.; *Они же.* Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1899. Вып. VI: Памятники Владимира, Новгорода и Пскова. 186 с.; ил. Однак текст усіх випусків належить Н.П. Кондакову.

⁴ Грушевський М. Огляд праць Н. Кондакова... С. 485.

як передове руське місто на заході. Для М.С. Грушевського Київ є центром середньовічної України, де культура, як і у Володимиро-суздальській Русі, розвивалась внутрішніми силами народу. Вчений задається питанням, яке місце, за такого розкладу, займає давньоруський період в історії українського мистецтва¹.

З іншого боку, М.С. Грушевський акцентує увагу і на нерівномірності подачі матеріалу в “Русских древностях”. Вчений відмічає, що Н.П. Кондаков має свої улюблені партії, на яких він зупиняється більше детально і широко, і ті, які він згадує між іншим або й взагалі опускає. Таким чином, його курс, на думку Грушевського, “зближається властиво до серії епізодів з історії штуки на території Росії”². Окрім того Грушевський досить різко критикує сам виклад матеріалу Кондаковим. На думку львівського дослідника, “уклад праці класично-примітивний; автор не знає ні глав, ні якихось розділів; переходів від одної часті до другої, від одного предмета до другого (хоч би зовсім осібно, далекого) дуже часто зовсім не уживає; взагалі якихось загальних поглядів, висновків, сумувань дає мінімально, хіба десь принагідно, в дорозі”. Грушевський акцентує увагу, що Кондаков часто відхиляється на різного роду деталі, не даючи при цьому якогось синтезу. Таким чином: “Треба великого завзяття, аби уважно прочитати том “Русских древностей” і не загубившись в деталях, виробити собі загальний суд на підставі поданого автором”³.

Досить критично розбирає М.С. Грушевський і окремі томи “Русских древностей”. Щодо першого тому, де розглядаються античні старожитності, рецензент відмічає, в праці Кондакова, з одного боку, не охоплює власне всіх античних пам’яток Північного Причорномор’я, а з другого, – відмічає змішання античних і варварських пам’яток, яким присвячений другий том⁴. Підбиваючи підсумки аналізу перший трьох книг (третій том присвячений періоду переселення народів), Грушевський вказує на розпливчастість структури всіх трьох томів. На його думку, “автору треба було – або триматися на становищі історика штуки й слідити генезу, розпросторення й впливи певного стилю, манери, течії, або виходити зі становища історика культури – триматися певних культурно-історичних явищ, скажім, керченських некрополів, середньодніпровських могил чи осетинських нахідок, і слідити їх елементи, впливи, зв’язки з іншими культурами; а так його книжки, хоч як цінні матеріалом і спостереженнями, своїм хаотизмом значно обнижають свою наукову вартість”⁵.

З 4 книгою Кондакова Грушевський входить у сферу власних пріоритетних наукових інтересів – середньовічну Україну, до того ж, “не тільки територіальну, а й етнографічну”⁶. При всьому позитиві цього тому для Грушевського, рецензент відмічає таке слабе місце, на його думку, як обмеження автора книги

---

¹ Там же. С. 486.

² Там же.

³ Там же. С. 487.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 488.

⁶ Там же.

у своєму викладі київським матеріалом, в якому основна увага зосереджена на Києво-Софійському соборі, що само по собі є цінним дослідженням, доповненням до якого є дослідження учнів Н.П. Кондакова – Д.В. Айналова та Є.К. Редіна¹. Однак, на жаль, як відмічає Грушевський, “ні сей епізод про Св. Софію, ані тих кілька побіжних заміток, доданих до нього, зовсім не вичерпують “пам’яток християнської штуки” Києва, чи властиво: його пам’яток монументальних, й історія візантійського будівництва на Україні-Русі зістається прогалиною в сім курсі д. Кондакова”. Таким чином, на думку Грушевського, і по виходу книги Кондакова головними працями у сфері київського мистецтва і далі залишаються дослідження Лашкар’єва, присвячені церковній архітектурі².

І лише переходячи до 6 книги, присвяченої пам’яткам Новгороду і Пскову, М.С. Грушевський відмічає її цілісний характер. В аналізі цієї праці, дослідник особливо відмічає розділ, присвячений церковному зодчеству Володимиро-Суздальської землі, який автор, на думку рецензента, явно проробив *con amore* – з любов’ю. Грушевський підсумовує, що в Суздальській архітектурі Кондаков вбачає місцеву роботу, яка лише копіювала романські зразки, додаючи до них місцеві елементи. Натомість Грушевський, вбачає аналогію Володимиро-Суздальської архітектури в Галицьких типах пам’яток XII–XIII ст.³, що в цілому відповідає сучасним поглядам на цю архітектуру. Проте відмічає і цікавий та новаторський підхід Кондакова у проведенні аналогій між архітектурою і взагалі мистецтвом Володимиро-Суздальської Русі і Кавказу. Щодо зв’язку архітектури Галицької і Володимиро-Суздальської, то в “Історії України-Руси”, Грушевський чітко наголошує, що ця подібність “знаходить зовсім природжене об’яснення в тісних династичних і політичних зв’язках, які лучать від середини XII в. (від шлюбу Ярослава Осмомисла) і до часів Романа суздальських князів з галицьким двором: суздальські церкви, дуже правдоподібно, були твором тоїж архітектурної школи, що і галицькі – галицьких майстрів”⁴.

Особливо цінними для науки називає М.С. Грушевський монографії Н.П. Кондакова про візантійські емалі і давньоруські скарби⁵, в яких дослідницьке питання розроблено “незвичайно основно”⁶. Високо оцінив цю працю Кондакова і його безпосередній учень Є.К. Редін у власній рецензії⁷. М.С. Грушевський у своїй рецензії основну увагу зосередив на останньому розділі книги про візантійські емалі, в якому подані руські і грузинські пам’ятки з колекції Звенигородського. Насамперед Грушевського цікавлять ковтки, виклад яких і висновки Кондакова видаються українському вченому цілком прав-

¹ *Айналов Д.В., Редин Е.К.* Указ. сочинение.

² *Грушевський М.* Огляд праць Н. Кондакова... С. 488.

³ Там же. С. 490.

⁴ *Грушевський М.С.* Історія України-Руси... Т. III. С. 430.

⁵ *Грушевський М.* Огляд праць Н. Кондакова... С. 490.

⁶ Там же. С. 493.

⁷ *Редин Е.К.* [Рец. на:] *Византийские эмали. Собрание А.В. Звенигородского. История и памятники византийской эмали.* Соч. Н. Кондакова. СПб., 1892. VIII+394 стр., с 28 таблицами. 4^о // *Византийский временник.* 1895. Т. 2. Вып. 1–2. С. 222–233.

доподібними. Однак Грушевський відмічає, що київські колти являють собою уже другий, на відміну від описаних Кондаковим, тип – срібний конічний, що “кидає світло на розмірно довгу еволюцію золотарської штуки на нашій ґрунті”¹. Це дослідження Н.П. Кондакова широко використано і в “Історії України-Руси” М.С. Грушевського, де вчений з праці колеги згадує “золоті гривни з низаних металічних обручок або галок, філігранових, ажурних або повних: коротші, що служили нашійниками, і довші, що пригадують літописні “золоті цепі” бояр”².

Але вказавши на цінність ретельного викладу матеріалу і опрацювання та представлення великої кількості пам’яток, Грушевський відмітив і негативні, на його думку, моменти книг. Так, на його думку, Н.П. Кондаков дуже стриманий у багатьох своїх висновках³, що, проте, на мою думку, радше можна віднести до позитивних моментів праць Кондакова, ніж негативних. Відмічає Грушевський і методологічне упущення Кондакова, коли наперед не вказані критерії виділення хронології емалей, що утруднює читачу сприйняття книги, особливо у питанні доказової сили віднесення тих чи тих пам’яток до певної епохи⁴.

Так само високо рецензентами було оцінено дослідження Н.П. Кондакова “Русские клады”⁵, одну з яких підготував його учень – Д.В. Айналов⁶. Стосовно цієї праці, М.С. Грушевський одразу помічає, що вже у “вступі автор зачіпається з археологами, що вони легковажать собі скарби, скуплюючи всю увагу на могильних розкопах, але чому сам д. Кондаков також односторонньо схотів обмежитися на скарбах – се лишається його секретом, тим більше, що в своїх дослідках у тексті він не раз мусить ввійти в сферу могильних находок”⁷. Однак Грушевським повністю пристає до думки Кондакова про вплив на давньоруське ювелірне мистецтво східного, корсунського і константинопольського, але, тут же відмічає, що в праці не розмежовані пам’ятки привозні і місцеві⁸. Не поділяє Грушевський і думку Кондакова, що царгородський вплив на давньоруське мистецтво з’явився лише з середини XI ст., а до того часу домінував Херсонський. На думку Грушевського, безпосередні відносини з Царгородом почались задовго до XI ст., до того ж, не відомо, у крайньому разі на його час, і власне корсунського окремого стилю в мистецтві. Таким чином, “поки що для нас Корсунь –

¹ Грушевський М. Огляд праць Н. Кондакова... С. 491.

² Грушевський М.С. Історія України-Руси... Т. III. С. 399.

³ Грушевський М. Огляд праць Н. Кондакова... С. 491.

⁴ Там же. С. 491.

⁵ Кондаков Н.П. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. СПб., 1896. Т. I. 213 с.; ил.

⁶ Айналов Д.В. [Рец. на:] Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода Н. Кондакова. Том первый. С 20 таблицами рисунков и 122 полнотипажами. СПб., 1896 // Журнал Министерства народного просвещения. 1897. Ч. 312, крит. и библиогр. С. 159–172.

⁷ Грушевський М. Огляд праць Н. Кондакова... С. 492.

⁸ Там же. С. 492–493.

тільки посередник між Руссю й штукою візантійською, сирійською, передньоазійською, і тому про якусь корсунську манеру, стиль”, говорити передчасно¹.

Відмічає Грушевський і такий прийом у викладі матеріалу, який, проте, притаманний більшості академіків, як ні чим неаргументовані твердження, як, наприклад, теза про те, що срібні ковтки мерянських могил були київського привозу²,

Окрему рецензію М.С. Грушевський присвятив праці Н.П. Кондакова “Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI века” (СПб., 1906)³. Як і в інших працях рецензент загально дуже високо оцінює дослідження Н.П. Кондакова, однак відмічає і дискусійність низки запропонованих дослідником тез. Так М.С. Грушевський акцентує увагу на недостатній обґрунтованості тези про походження мініатюр з Волині, а також про походження княжих головних уборів з візантійських, де рецензент припускає і можливість копіювання якихось візантійських художніх шаблонів. На думку Грушевського, “з огляду, що костюми княжі, як ми бачимо їх на мініатюрах “Ізборника” або софійської фрески, дають тільки досить далекі аналогії з візантійським костюмом деспота або патриціанки, то виникає питання, чи дійсно була тут повна і свідомо імітація візантійського костюма, чи були тільки запозичувані елементи його, які мішалися з елементами східними..., варязько-німецькими і свійськими?”⁴. Цілком слушно М.С. Грушевський наголошує і на помилковості проведення градації між уборами і вінчанням на княжіння великокняже і просте, позаяк офіційного терміна “великий князь” на Русі не існувало.

Однак, незважаючи на деякі розходження в думках, як висловився сам М.С. Грушевський, це “зовсім другорядні хиби в порівнянні з тим, що д. К[ондаков] дав і зробив”. Відтак, підбиваючи підсумки огляду праць російського колеги в сфері “староруської штуки” М.С. Грушевський підсумував, що Н.П. Кондаков “підніс значіння східних впливів в ній, при тім вказавши ріжні

¹ Там же. С. 493.

² Там же. С. 489.

³ *Грушевський М.* [Рец. на:] Н. П. Кондаков. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб., 1906, ст. 123+2+6 табл[иць] // *Грушевський М. С.* Твори: У 50 т. / Редкол.: П. Сохань, І. Гирич та ін.; Голов. ред. П. Сохань. Львів: Світ, 2012. Т. 16: Серія “Рецензії та огляди (1905–1913)” / Упор. М. Капраль, А. Фелонюк. С. 63–64. З цієї теми М. Грушевський прорецензував ще три дослідження: *Грушевський М.* Київські мініатюри при Трирській псалтирі. [Рец. на:] *Der Psalter Erzbischof Egberts von Trier – Codex Gertrudianus in Cividale – historisch-kritische Untersuchung* von H.V. Sauerland, kunstgeschichtliche Untersuchung von A. Haseloff (Festschrift der Gesellschaft für nützliche Forschungen zu Trier zur Feier ihres hundertjährigen Bestehens herausgegeben am 10 April 1901). Трир, 1901, т. I–II, ст. 4+215+62 таблиці, 4°; Гр[аф] Алексей Бобринский – Киевские миниатюры XI века и портрет князя Ярополка Изяславича в псалтыре Егберта архиепископа трирского (Записки имп[ераторского] археологического общества, новая серия, [1901], т. XII, I–II, с. 351–371; Wl. Abraham. – Sauerland H.V. und A. Haseloff. Der Psalter Erzbischof Egberts von Trier (Kwartalnik Historycus, 1902, I, с. 90–101 // *Грушевський М.С.* Твори: У 50 т. / Редкол.: П. Сохань, Я. Дашкевич, І. Гирич та ін.; Голов. ред. П. Сохань. Львів: Світ, 2005. Т. 7: Серія “Історичні студії та розвідки (1900–1906)”. С. 495–504.

⁴ *Грушевський М.* [Рец. на:] Н.П. Кондаков. Изображения русской княжеской семьи... С. 64.

джерела сього впливу – Середню Азію, Персію, Сирію; він виказав домашність різних виробів і взагалі розвій техніки на руськім ґрунті в таких розмірах, як ніхто перед тим; спеціально він вислідив незвичайно основно емалерську техніку на руськім ґрунті; з ще спеціальніших його дослідів важні й дуже щасливі його розсліди про софійські фрески сходів і про ковтки-мошонки.

В сумі проф. Кондаков зробив дотепер для історії староруської штуки більш ніж хто інший. Се підсуває кожному інтересованому бажання, аби він ще якнайдовше не кидав сього поля”¹.

Таким чином, попри критичність поглядів М.С. Грушевського на праці Н.П. Кондакова, окрім спірних, дискусійних питань, що само по собі вже є цінним для дальшого розвитку історії давньоруського мистецтва, учений акцентував увагу на постаті Кондакова як дослідника мистецтва Русі, а не Візантії, з історією мистецтва якої насамперед і пов’язується його ім’я. Тим самим і на сьогодні критичні праці Грушевського акцентують увагу на місці творчого спадку Кондакова в історії як російського, так і українського мистецтва. Саме критичні праці Грушевського на творчий доробок Кондакова з вітчизняної історії ввели праці видатного російського вченого в українську національну історіографію. З перевиданням творів Грушевського, ці його праці стали більш доступними для дослідників, ніж видання “Наукового товариства імені Шевченка”, де вони первісно були опубліковані. Однак залишається відкритим питання, чи був зворотній вплив праць М.С. Грушевського на праці Н.П. Кондакова.

ТРУДЫ Н.П. КОНДАКОВА В ОЦЕНКЕ М.С. ГРУШЕВСКОГО

Д.С. Гордиенко (Київ)

В статье анализируется оценка трудов Кондакова украинским ученым Грушевским. Рассматривается использование Грушевским трудов Кондакова в собственных как исследовательских, так и критических работах. Основное внимание сосредоточено на рецензиях Грушевского на труды Кондакова: Русские клады, Византийские эмали и миниатюрах кодекса Гертруды, из которых главное внимание украинский ученый сосредоточил на древнерусском материале. В статье акцентируется внимание, что именно труды Грушевского ввели работы Кондакова в украинскую национальную историографию, прежде всего в диаспоре.

Ключевые слова: Кондаков, Грушевский, искусствоведение, византистика, древняя Русь.

THE WORKS BY N.P. KONDAKOV IN M.S. HRUSHEVSKY'S EVALUATING

D. Gordiyenko (Kyiv)

Evaluation by Ukrainian scientist Grushevsky the Kondakov's works is analyzed on the article. The article considers the use by Grushevsky Kondakov's works in his own research as well as critical works. The main attention is focused on the reviews by Hrushevsky on the Kondakov's works: "Russian treasures", Byzantine enamels and miniatures of the Gertrude Code, among which the Ukrainian scholar is first of all concentrated on the Ancient Rus' material. The article accents exactly that the works by Hrushevsky entered the Kondakov's works in Ukrainian national historiography, especially in the Diaspora.

Keywords: N.P. Kondakov, M.S. Grushevsky, art studies, studies of Byzantium, Ancient Rus'.

¹ Грушевський М. Огляд праць Н. Кондакова... С. 494.

ЗОБРАЖЕННЯ ТВАРИН В ГОМЕРІВСЬКОМУ ЕПОСІ (У СВІТЛІ ХУДОЖНІХ ОЗНАЧЕНЬ).

Х.І. Куйбіда (Львів, Україна)

Тварини відігравали велику роль у житті древніх греків та вважалися невід'ємною складовою античного світу. Тогочасне суспільство звичайно ж експлуатувало тварин та використовувало в своїх цілях: одні служили транспортним засобом, для роботи на полі, так звані тяглові тварини (воли, мули, осли, коні)¹, інших використовували як продукт харчування і для пожертв богам. Та водночас тварин шанували, ототожнювали з людьми та міфологічними істотами, вважали священними символами в культурі богів. Прикладом цього можуть слугувати герби, емблеми давньогрецьких полісів, зображення на камені, посуді та ін. Худоба розглядалася як основна форма багатства і як мірило вартості², слугувала обмінною одиницею, коли ще не було монетарних одиниць (це в основному бики). З тваринами порівнювали деякі людські риси, зокрема античні поети оспівували коня як уособлення сили, дельфіна як символ відданої любові до людей.

Особливе зацікавлення викликає зображення тварин у художніх творах, адже з допомогою художніх описів читач може не лише отримати інформацію про основні ознаки тварини, але й створити в уяві певний її образ. Такого ефекту автор досягає добором відповідних мовних засобів, з яких найпоширенішими є художні означення³.

В поемах Гомера “Іліада” та “Одіссея” знаходимо велику кількість номінацій тварин, зокрема тих, яким належала провідна роль у житті древніх греків. Широке застосування епітетів у їх зображенні вважається невід'ємною особливістю поетичної мови автора.

Метою дослідження, таким чином, є розгляд основних ознак тварин, охарактеризованих прикметниками-епітетами, в поемах Гомера.

Тварини, які найчастіше згадуються в “Іліаді” та “Одіссеї”, можна поділити на свійські, дикі та морські.

Серед свійських тварин знаходимо такі номінації: *ὁ ἵπλος* – кінь (включно з *ἡ ἵπλος* – кобила), *ὁ βοῦς* / *ὁ ταῦρος* – бик, *ὁ κύων* – собака, *ἡ ἡμίονος* – мул (чи напівосел), *ὁ ἀρνεῖός* – баран, *ἡ οἴς* – вівця, *ἡ αἴξ* – коза, *τὸ μῆλον* (збірне поняття для позначення малої рогатої худоби), *ἡ σῦς* – свиня, *ὁ σῖλλος* – кнур.

З диких тварин – номінації: *ὁ σῦς* – кабан, *ὁ κάπρος* – ведір, *ὁ λέων* / *ὁ λίς* – лев, *ὁ λύκος* – вовк, *ὁ ἔλαφος* – олень, *ὁ, ἡ νεβρός* – олень.

З морських тварин в поемах згадуються: *ὁ δελφίς* – дельфін, *ὁ ἰχθύς* – риба, *ἡ φάκη* – тюлень, *τὸ κῆτος* – чудовисько та інші.

¹ Winniczuk, Lidia. Ludzie, zwyczaj i obyczaj Starożytnej Grecji i Rzymu. Warszawa: Wydawnictwo naukowe pwn. 2006. S. 69.

² Ставнюк В.В. Становлення афінського поліса. К.: Аквілон-Плюс, 2005. С. 43.

³ Художні означення ототожнюємо з прикметниками в ролі постійних (метафоричних) епітетів.

Тварини в гомерівському епосі характеризуються цілою низкою прикметників-епітетів, що підкреслюють їх основні ознаки. Значним стилістичним ефектом вирізняються складні прикметники (*ᾠκύπους* – *прудконогий*, *πενταέτηρος* – *п'ятирічний*, *καρχαρόδους* – *гострозубий*), значення яких визначається пересіканням двох смислових одиниць: перша основа (або слово) вказує на ознаку (якісну або кількісну), друга – на віднесеність її (ознаки) до певного явища дійсності.

Найчастіше, слід зазначити, у творах Гомера описуються номінації свійських тварин. Автор поем характеризує їх:

1. За зовнішніми ознаками: *οἶες δασύμαλλοι* (О 9, 425) – *густорунні вівці*. При цьому Гомер використовує також прикметники-синоніми, наприклад, *ζατρεφής* і *ἀπάλοτρεφής*: *ζατρεφῶν αἰγῶν* (О 14, 106) – *відгодованих кіз*, *ἀπάλοτρεφῆος σιάλοιο* (І 21, 363) – *відгодованого кнура*. В описі зовнішності автор звертає увагу на колір тварин: *βόε οἴνοπε* (О 13, 32) – *гніді бики*, *ταύρους παμμέλανας* (О 3, 6) – *чорних биків*, *ἄϊν ἄργυρον* (І 24, 621) – *білорунну вівцю*, на частини їх тіла: *βόας εὐρυμετώπους* (І 20, 495) – *широколобих биків*, *καρχαρόδοντε κύνη*¹ (І 10, 360) – *гострозубі собаки*, *μῆλα ταναύποδα* (О 9, 464) – *довгонога мала рогата худоба*, *βοῶν ὀρθόκραϊράων* (І 8, 231) – *круторогих биків*. Прикметник “*круторогий*” – *ὀρθόκραϊρος* у поетичній мові Гомера є особисто-постійним епітетом⁵ биків (корів), і вказує на властивість, яка найперше впадає в очі. Звинувачуючи аргів'ян у боягузтві, Атрід згадує той час, коли вони перебували на Лемносі: *ἔσθοντες κρέα πολλὰ βοῶν ὀρθόκραϊράων* (І 8, 231) – *поїдаючи багато м'яса круторогих биків*.

З усіх тварин, однак, Гомер найчастіше звертає увагу на зовнішність коней, підкреслюючи їх окремі риси та характерні ознаки. В результаті виникає так званий пластичний образ⁶ коня, що охоплює тварину з голови до ніг, а саме: *καλλίτριχες ἵπποι* (І 10, 491) – *коні з красивою гривною*, *ἐριαύχενας ἵππους* (І 10, 305) – *коней з вигнутою шиєю*, *χρυσάμπυκας ἵππους* (І 5, 358) – *коней з золотими налобникам*, *ἐΰτριχας ἵππους* (І 23, 13) – *шиногривих коней*, *κρατερώνυχας ἵππους* (І 5, 329) – *коней з міцними копитами*, *ἵππους ᾠκύποδας* (І 5, 732) – *швидконогих коней*, *μόνυχας ἵπποι* (І 9, 127) – *однокопитні коні*, *χαλκόποδ' ἵππο* (І 8, 41) – *мідноногому (невтомному) коню*, *ἵπποι ἀερσίποδες* (І 3, 327) – *коні, які високо піднімають ноги*.

2. За фізичними властивостями: *ἰσοφόροι βόες* (О 18, 373) – *однаково сильні бики*, *βουσὶν εἰλιπόδεσσι*⁷ (І 6, 424) – *коровам, які волочать ноги (повільно плетуться)*, *ἀργίποδας κύνας* (І 24, 211) – *прудконогих собак*, *ἡμίονους κρατερώνυχας*⁸ (І 24, 277) – *мулів з міцними копитами*, *ἡμίονον ταλαεργόν*⁹ (І 23,

¹ Інші приклади: І 13,198;

⁵ Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. Т. 1: А–Λ. 1028 с.; Т. 2: Μ–Ω. 1905 с.

⁶ Сахарный Н.Л. Гомеровский эпос. М.: Художественная литература, 1976. С. 189.

⁷ Інші приклади: І 9,466, І 15,547, І 16,488, І 21,448, І 23,166, О 1,92, О 4,320, І 8,60, О 9,46;

⁸ Інші приклади: О 6,253, О 4,636, О 21,23;

654) – витривалого мула. Фізичні дані свійських тварин були вкрай важливими, адже саме ці тварини відігравали основну роль у веденні господарства: *ζεῦξαν δ' ἡμίονους κρατερώνυχας ἐντεσιεργούς* (I 24, 277) – запрягли мулів з міцними копитами, упряжених.

Коням теж приділялась особлива увага в античному суспільстві, в основному заможних господарів. Вони використовувались в упряжі для військових колісниць. Коні брали участь у спортивних змаганнях та культових процесіях. Тому в цих тварин епічні герої найбільше цінували “швидкість”, “швидконогість”, “міцність”, а отже – “переможність”: *κρατερώνυχας ἵππους*¹⁰ (I 5, 329) – коней з міцними копитами, *εἰσκαρθητοὶ ἵπποι* (I 13, 31) – прудкі коні (коні Зевса); *ἵππους ἀκύποδας*¹¹ (I 5, 732) – прудконогих коней (мовиться про коней Гери); *ἀθλοφόροι ἵπποι*¹² (I 11, 699) – переможні коні (дослівно – які отримують нагороду).

В розмові зі старцем Нестором Агамемнон описує свої дари для Ахілла, серед яких згадує коней: ... *δώδεκα δ' ἵππους / πηγούς ἀθλοφόρους, οἱ ἀέθλια ποσσὶν ἄροντο* (I 9, 124) – дванадцять коней міцних переможних, які ногами здобували перемоги (стійко витримували змагання).

У сполученні з деякими складними прикметниками, як наприклад, *χαλκόπους* характеристика коня набуває також і переносного значення. Цей прикметник, як показують дані словників¹³ первісно означав “з мідними ногами”. В прямому значенні вказаний складний прикметник вживається переважно для характеристики неживих предметів або людей. В мові Гомера, проте, – це один з перших випадків вживання індивідуально-авторського епітета. Його суть полягає у розвитку метафоричного значення, що виникає лише у випадку сполучення з новими контекстними партнерами. Оскільки мідь – це метал – а метал – це міцний і стійкий матеріал, прикметник *χαλκόπους* в сполученні з лексемою “кінь” отримав переносне значення – “з міцними ногами”, тобто “невтомний”. Так в “Іліаді” Гомер описав коней, якими мчав всемогутній Зевс на Іду після розмови з Трітонією: *Ὡς εἶπὸν ὑλ' ὄχεσφι τίτσκετο χαλκόποδ' ἵππω* (I 8, 41) – так сказавши, запряг в колісницю коней невтомних.

3. За вдачею: *ζαχρηεῖς ἵπποι* (I 13, 684) – буїні коні, *κῶων ὀλοφώια* (O 17, 248) – підступна собака, *κυνὸς κακομηχάνου* (I 6, 344) – підступної собаки. Се-

⁹ Інші приклади: I 23,662, I 23,666;

¹⁰ Інші приклади: I 16,724, I 16,732, I 24,277, O 21,30;

¹¹ Інші приклади: I 2,383, I 5,296, I 5,732, I 8,803, I 8,129, I 8,315, I 10,535, I 10,569, I 12,51, I 16,368, I 23,304, I 23,504, O 18,263, O 23,245;

¹² Інші приклади: I 9,124, I 9,266.

¹³ Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. 1370 с. (Репринт V-го издания 1899 г.). Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. Т. 1: А–Л. 1028 с.; Т. 2: М–Ω. 1905 с. Słownik Grecko-Polski / Pod red. Zofii Abramowiczówny. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958. Т. 1: А–Δ. 631 с.; Т. 2: Е–Κ. 747 с.; Т. 3: Λ–Π. 778 с.; Т. 4: Ρ–Ω. 733 с. Słownik Grecko-Polski / Na podstawie słownika Zygmunta Węclewskiego; opracował Oktawiusz Jurewicz. Warszawa : Wydawnictwo Szkolne PWN Sp. z o.o., 2001. Т. 1: А–Κ. 570 с.; Т. 2: Λ–Ω. 543 с.

ред синонімічних означень собаки також знаходимо індивідуально-авторський епітет – *κάκοιήχῃνος*. Згідно з даними словників¹⁴, він слугував для позначення людини або абстрактного поняття, в “Іліаді” ж Гомер вперше вживає цей композит у сполученні з номінацією представника тваринного світу.

Мули – невід’ємна частина господарського життя, їх використовують як тяглову силу (запрягаючи і до військової колісниці, і до плуга), мули високо ціняться і вважаються дорогим подарунком, проте ці тварини, що видно з характеристики за вдачею, не є домашніми тваринами, і їх потрібно привчати до ярма¹⁵: *ἤμιόνοι ἀδμήτες*¹⁶ (I 4, 637) – *неприборкані мули*.

4. За віком: *ἵππον ἐξέτε’ ἀδμήτην* (I 23, 266) – *шестилітню неприборкану кобилу*; *βοῦν πενταέτηρον*¹⁷ (O 19, 420) – *п’ятирічного бика*, *βοῶς ἐννεώροιο* (O 10, 19) – *дев’ятирічного бика*, *σιάλοισιν ἐννεώροισιν* (O 10, 390) – *дев’ятирічним кнурам*. Вік свійської тварини очевидно є важливим з огляду на загальний стан тіла, фізичних можливостей, чи харчових якостей.

5. За численними іншими ознаками, як наприклад, за способом використання чи способом харчування: *ἤμιόνους ἐντεσιεργούς* (I 24, 277) – *упряжних мулів*, *κεντηνεκέας ἵππους*¹⁸ (I 8, 396) – *пришпорюваних коней*, *ἐρυσάρματας ἵππους*¹⁹ (I 15, 354) – *упряжних (колісничних) коней*, *κύνες ἀμῆσταί* (I 22, 67) – *собаки, які харчуються сирим м’ясом*.

Значно меншою кількістю епітетів характеризуються номінації диких тварин. Виходячи з самої назви “дикі”, підкреслюється найперше вдача тварин. Так номінації *ὁ λέων* (лев), *ὁ σῦς* (кабан), *ὁ κάπρος* (вепр) об’єднують навколо себе прикметники, які вказують на типові для диких тварин ознаки: *ἐμμεμαῶς λέων* (I 5, 142) – *несамовитий лев*, *λέων ὀλοβφρων* (I 15, 630) – *лютий лев*, *σῦν ἀκάμαντα* (I 16, 823) – *невтомного кабана*, *κάπρου ὀλοβφρονος* (I 17, 21) – *лютого вепра*.

За фізичними даними характеризуються вовки: *λύκοι κρατερώνυχες* (O 10, 218) – *вовки з міцними кігтями*.

Знаходимо також опис зовнішності диких тварин: *ἀργιόδοντος ὄς*²⁰ (I 10, 264) – *вепра з білими іклами*, *σῦες ἀργιόδοντες*²¹ (I 11, 413) – *кабани з білими іклами*, *ὕψικερον ἔλαφον* (O 10, 157) – *високорогого оленя*.

¹⁴ Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. Т. 1: А–Λ. 1028 с.; Т. 2: Μ–Ω. 1905 с. Słownik Grecko-Polski / Pod red. Zofii Abramowiczówny. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958. Т. 1: А–Δ. 631 с.; Т. 2: Ε–Κ. 747 с.; Т. 3: Λ–Π. 778 с.; Т. 4: Ρ–Ω. 733 с.

¹⁵ Левинская О.Л. О мулах и “полуослах” в древнегреческом эпосе // Вестник древней истории. 2004. №3. С. 126.

¹⁶ Інші приклади: I 23,655, O 4,637;

¹⁷ Інші приклади: I 2,403, I 7,315;

¹⁸ Інші приклади: I 5,752;

¹⁹ Інші приклади: I 16,370;

²⁰ Інші приклади: I 23,32, O 8,60, O 8,476, O 14,416, O 14,423, O 14,438;

²¹ Інші приклади: I 9,539, O 14,532;

За місцем проживання характеризується лев: *λέων ὀρεσίτροφος*²² (I 12, 299) – гірський лев, а за віком – кабани: *ὄν πενταέτηρον* (O 14, 419) – п'ятирічного кабана та оленя: *ἔλαφος ...νεβρούς κοιμήσασα νεηγενέας γαλαθηνούς*²³ (O 4, 336) – вклав спати олень новонароджених грудних оленят.

Група номінацій морських тварин в епосі Гомера об'єднує найменшу кількість епітетів. Так, за розміром характеризується лексема *ὁ δελφίς* – дельфін: *δελφίνος μεγακήτεος* (I 21, 22) – величезного дельфіна; за способом харчування – лексема *ὁ ἰχθύς* (риба): *ὀμηστῆσιν ἰχθύσι* (I 24, 82) – риbam, які харчуються сири́м м'ясом; за місцем проживання – лексема *τὸ κῆτος*: *εἰναλίῳ κῆτει* (O 4, 443) – морському чудовиську.

Лексема *ἡ φάκη* – тюлень характеризується більшою кількістю означень, проте вони вказують здебільшого на зовнішній вигляд тварини: *φάκας ζατρεφέας* (O 4, 451) – відгодованих тюленів, *φάκαι νέποδες* (O 4, 404) – ластоногі тюлені, на їх походження: *φακῶν ἀλιτρεφέων* (O 4, 442) – тюленів вигодуваних морем.

У 4 книзі “Одіссеї” міститься розповідь богині Ейдофеї про те, як морський старець Протей лягає спати в печері: *ἀμφὶ δέ μιν φάκαι νέποδες [...] ἄθροα εὔδουσιν* (O 4, 405) – навколо ж тюлені ластоногі [...] зібрані разом, сплять.

В поемах Гомера знаходимо багато випадків, коли один і той самий прикметник характеризує тварин різних розрядів (свійських, диких та морських), наприклад, за такими ознаками:

- за зовнішнім виглядом: *ζατρεφέων αἰγῶν* (O 14, 106) – відгодованих кіз,

ζατρεφέων σιάλων (O 14, 19) – відгодованих кнурів, *φάκας ζατρεφέας* (O 4, 451) – відгодовані тюлені, включно з позначенням кольору окремих частин тіла: *κύνας ἀργιόδοντας* (I 11, 292) – собак з білими іклами, *ἀργιόδοντος ὕδς* (I 10, 264) – вепра з білими іклами, *σύες ἀργιόδοντες* (I 11, 413) – кабани з білими іклами;

- за фізичними властивостями: *κρατερώνυχας ἵππους* (I 5, 329) – коней з міцними копитами, *ἡμιόνους κρατερώνυχας* (I 24, 277) – мулів з міцними копитами, *λύκοι κρατερώνυχες* (O 10, 218) – вовки з міцними кігтями;

- за способом харчування: *κύνες ὀμησταί* (I 22, 67) – собаки, які харчуються сири́м м'ясом, *ὀμηστῆσιν ἰχθύσι* (I 24, 82) – риба, яка харчується сири́м м'ясом.

Аналізуючи образи тварин в гомерівському епосі, слід згадати такий стилістичний засіб, характерний для мови художніх творів, як порівняння. Гомерівські порівняльні конструкції привертають увагу до особливо цікавих моментів в характеристиці тварин, збагачуючи їх художнє зображення детальними образними та динамічними картинами. Прикметники-епітети як компоненти порівнянь більше увиразнюють об'єкт зображення.

Порівнюючи людські риси з внутрішніми та фізичними властивостями тварин, наприклад, Гомер найчастіше звертається до образу лева.

²² Інші приклади: (I 17,61), (O6,130), (O9,292);

²³ Інші приклади: (O17,127);

Так, в “Іліаді” автор порівнює впевненого у своїх діях Менелая з гірським левом: *τοῖον Πάνθου υἱὸν εὐμμελίην Εὐφορβον / Ἄτρεΐδης Μενέλαος ἐπεὶ κτάνε τεύχε' ἐσύλα. / Ὡς δ' ὅτε τίς τε λέων ὄρεσίτροφος ἀλκί πεποιθὼς* (I 17, 61) – після того, як вбив сина Пантоя, озброєного міцним ясеневим списом, *Ἄτρεΐδ Менелай* зняв [з нього] обладунки, *наче виходуваний в горах лев, упевнений у своїй силі*. Епітетом *ὄρεσίτροφος* поет наголошує на тому, що тварина, яка виросла в горах, зазвичай дика та сувора, адже постійно перебуває в умовах жорстокої боротьби за виживання.

Силу духу та відвагу троянців, які завзято кинулись до ахейських кораблів, автор епічних поем порівнює також із внутрішніми якостями лева: *Τρώες δ' ἄλειουσιν εἰοκότες ὀμοφάγοισι / νηυσὶν ἐπεσσεύοντο* (I 15, 592–593) – *троянці ж, подібні до левів, які харчуються сирим м'ясом, кинулися до кораблів*. У порівнянні з левом, який сам добуває собі їжу, полюючи на інших тварин, що відображається означенням *ὀμοφάγος*, Гомер підкреслює мужність троянців.

Внаслідок здійсненого дослідження можемо зробити такі висновки.

Художній світ гомерівських поем відзначається складністю, детальністю та різноманітністю образів, створених словом. На формування особливої художньо-образної атмосфери в епічних поемах значною мірою вплинуло використання автором великої різноманітності прикметників. Естетичне значення прикметника у мові художніх творів полягає у функції епітета. Завдяки своїй можливості характеризувати об'єкт, епітет виділяє в іменнику особливі ознаки, часто при цьому висловлюючи оцінку зображуваного. Значною кількістю представлені епітети виражені складними прикметниками, які позначають ознаки більш емоційно, аніж прості, в результаті чого досягається більша глибинність образу та експресивність зображення.

Тваринний світ гомерівського епосу багатий художніми образами, побудованими на основі номінацій різних видів тварин. Найчастіше у поемах “Іліада” та “Одіссея” згадуються свійські тварини. Епітети, які характеризують їх, вказують переважно на їх зовнішні риси, фізичні властивості, вдачу та вік, рідше на спосіб використання та інші ознаки. Кількісно менше представлені номінації диких тварин. Поет найчастіше описує їх за вдачею та зовнішністю. Найслабше представленою в гомерівському епосі є група назв морських тварин. Прикметники-епітети вказують на їх зовнішній вигляд та місце проживання. Всі групи тварин, як видно, поет характеризує за зовнішніми ознаками. Найбільша кількість прикметників об'єднується навколо лексеми *ὁ ἵππος* (кінь). Образ лева найповніше розкривається у порівняльних конструкціях. Автор використовує означення-синоніми, які служать для вираження однієї і тієї ж ознаки (*ζατρεφής, ἀλαοτρεφής*), а також одним і тим самим прикметником підкреслює спільні ознаки у різних видів тварин (*βοῦν πενταέτηρον – ὕν πενταέτηρον*). Більшість складних прикметників є характерними для епічного стилю, однак знаходимо індивідуально-авторські епітети (*κακομήχανος, χαλκόπους*).

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖИВОТНЫХ В ГОМЕРОВСКОМ ЭПОСЕ (В СВЕТЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ)

К.И. Куйбида (Львов, Украина)

В статье проанализированы основные образы животных в поэмах Гомера “Илиада” и “Одиссея”, созданные с помощью художественных определений. Номинации упомянутых в эпосе животных разделены на домашних, диких и морских. Прилагательные классифицированы за семантикой определяемых ими признаков. Мы пришли к выводам, что самым большим количеством эпитетов характеризуются домашние животные, в частности номинация коня, а наименее – названия морских животных. Использованы автором сложные прилагательные-эпитеты полнее всего раскрывают основные признаки животных.

Ключевые слова: эпос, художественное определение, эпитет, признак, образ.

AN IMAGE OF ANIMALS IN HOMERIC EPOS (IN THE LIGHT OF ARTISTIC DETERMINATIONS)

Khrystyna Kuibida (Lviv)

The main images of animals in the poems of Homer “The Iliad” and “The Odyssey” created by means of artistic determinations are analyzed in the article. The nominations of the animals mentioned in an epos are divided into domestic, wild and sea animals. Adjectives are classified according to their semantics. We came to conclusions, that domestic animals, in particular nomination of horse, are characterized by the majority of epithets, nominations of sea animals – by the smallest number of epithets. Composite adjectives-epithets used by author the most completely describe main features of animals.

Key words: epos, artistic determination, epithet, feature, image.

СПАРТАНСКАЯ МОРА И МОРА МАКЕДОНСКАЯ: АНАЛИЗ ОДНОЙ ГИПОТЕЗЫ

А.А. Клейменов (Тула)

В статье рассматривается выдвинутая Н. Секундой гипотеза о разделении македонской армии эпохи Александра Великого на моры. Мора была основной структурной единицей спартанской армии в первой половине IV в. до н.э., используемой также для самостоятельного решения боевых задач. Выделение экспедиционных корпусов в армии Александра происходило на принципиально иной, по сравнению со спартанским военным искусством, основе. Определяется, что предположение Н. Секунды о наличии разделения македонской армии на моры является необоснованной попыткой искусственно перенести на войско Александра реалии другой военной системы.

Ключевые слова: Александр Македонский, Спарта, мора, таксис, гиппархия.

Полководческая карьера Александра Македонского, относительно недолгая по продолжительности, чрезвычайно насыщена разнообразными военными событиями, изученными крайне неравномерно. В период Восточного похода, помимо генеральных сражений при Гранике, Иссе, Гавгамелах и Гидаспе, Александр провел большое количество отдельных военных операций силами экспедиционных корпусов и мобильных ударных групп. Как представляется, во многом благодаря своей полководческой активности великий македонянин вызвал восхищение даже у Демосфена, заклятого врага Филиппа II и его сына. Так, в своем письме, написанном уже после смерти завоевателя, афинский оратор, объясняя причину военных успехов македонского царя, замечает, что Александр был удачлив не сидя на месте, а действовал, проявлял отвагу, переносил труды (Dem. Epist., I, 13). Македонская система использования экспедиционных корпу-

сов изучена на данный момент явно недостаточно. Наиболее полно в новейшей историографии этот аспект македонского военного искусства рассмотрел Р. Гейбел, отмечающий, что в течении длительных перерывов между генеральными сражениями Александр решал многочисленные боевые задачи, используя специально созданные для этого отряды. Исследователь, основываясь исключительно на данных Арриана, насчитывает 27 операций подобного рода, не включая в это число действия отрядов, выполнявших сугубо разведывательные миссии¹. Заметим, что эта цифра не в полной мере отражает ту роль, которую занимали автономно действующие боевые соединения в полководческом искусстве Александра. Арриан заслуженно воспринимается большинством специалистов как наиболее компетентный в военных вопросах автор, благодаря его личному опыту и использованию данных Птолемея², однако в интересующем нас случае обращение исключительно к его сочинению оставляет без внимания те боевые эпизоды, которые описаны другими античными историками. В качестве примера можно упомянуть действия македонских кавалерийских отрядов против разорванных местность персов накануне битвы при Гавгамелах (Curt., IV, 10, 11-15; Polyae., IV, 3, 18) и весеннюю кампанию 330 г. до н.э. во внутренних районах Персиды, проведенную Александром силами подвижного корпуса (Curt, V, 6, 11-19; Diod., XVII, 73, 1).

Как же было организовано выделение частей македонской армии для автономного решения боевых задач? Попытку ответить на этот вопрос предпринял Н. Секунда. Этот исследователь, характеризуя тактическое членение армии Александра, указывает, что она была разделена на «моры» (μοῖραι), причем это было особенно выражено во время последних кампаний завоевателя³. Указанный древнегреческий термин в примененной латинской транслитерации с одной стороны может быть переведен как «часть чего-либо» (μοῖρα), с другой стороны – как «мора» (μοῖρα/μοῖρα) – подразделение спартанской армии, название которого этимологически восходит все к той же категории «часть»⁴. В английском издании работы для характеристики этих «мор» используется слово divisions⁵. Англоязычный термин division также допускает неоднозначное толкование, под ним может скрываться в равной степени как «часть чего-либо», так и отдельное подразделение армии – корпус, бригада и т.п.⁶ В русском переводе книги, выполненном Я. Зверевым, двусмысленность этой фразы обойдена, указано лишь, что слово «мойры» переводится на русский язык как «части»⁷. В оригинальном англоязычном издании комплексной работы «Alexander the Great at War» в

¹ Gaebel R.E. Cavalry Operations in the Ancient Greek World. Norman, 2002. P. 194-195.

² Milns R.D. Arrian's Accuracy in Troop Details: A Note // Historia. № 27. 1978. P. 374.

³ Sekunda N. The Army of Alexander the Great. Oxford, 1984. P. 12.

⁴ Beekes R. Etymological Dictionary of Greek. Vol. 2. Leiden – Boston, 2010. P. 922.

⁵ Sekunda N. The Army of Alexander the Great. P. 12.

⁶ Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / Edited by S. Wehmeier. Oxford, 2008. P. 447.

⁷ Секунда Н. Армия Александра Македонского / Пер. с англ. Я. Зверева. М., 2004. С. 14.

неизменном виде приводятся указанный выше отрывок труда Н. Секунды¹. В русском переводе этой книги термин *divisions* трактуется как «корпус» – формирование, возглавляемое полководцем (стратегом)². Видимо, последний вариант перевода гораздо ближе к смыслу, заложенному в данном фрагменте самим автором. Если бы Н. Секунда подразумевал в тексте упомянутой работы просто понятие «часть войска», то ему было бы незачем прибегать к транслитерированному термину *moira*. Применяя его, исследователь пытается выделить новую структурную единицу в македонской армии, причем в античной военной истории этот термин присутствовал и ранее.

Ксенофонт, описывая события 403 г. до н.э., впервые упоминает мору (*μόρα*) как подразделение спартанской армии (Hell., II, 4, 31). Согласно его «Лаконской политии», на шесть мор были разделены и конники, и гоплиты, в каждой из мор был один полемарх, четыре лохага, восемь пентеконтеров и шестнадцать эномотархов (Xen. Lac., 11, 4). Из сведений Ксенофонта также можно сделать вывод о том, что каждой море пехоты придавался отряд конницы, называемый также морой и возглавляемый гиппармостом (Hell., IV, 5, 11-12). Число самих мор, видимо, всегда равнялось шести, так как, судя по тексту Византийской Суды, Аристотель в своей ныне утраченной «Лаконской политии» отмечал, что все лакедемоняне разделены между шестью морями (Suda, 1259).

Какова же была роль моры в спартанской военной системе? По мнению советских специалистов, подразделения спартанской армии не являлись еще тактическими единицами и не могли действовать в бою самостоятельно³. Иными словами, моры характеризуются лишь как единицы армейской структуры. Данный вывод следует признать поверхностным. Безусловно, разделение спартанской армии на моры делало войско более гибким, так как его отдельные части со своими командирами могли самостоятельно маневрировать на поле боя⁴. Тем не менее, необходимо отметить, что введение моры как основной единицы спартанской армии не случайно по времени совпадает с эпохой спартанской гегемонии в Элладе, так как о морах умалчивает Фукидид, но периодически упоминают Ксенофонт и авторы более позднего времени. Спартанское военное господство в Греции базировалась на системе гарнизонов, возглавляемых гармостами. Согласимся с теми исследователями, которые указывают на взаимосвязь между введением новой военной единицы и участившейся практикой размещения гарнизонов за пределами Лаконики⁵. Как справедливо подчеркивает Л.Г. Печатнова, уже в период Пелопонесской войны пространственное расширение ареала

¹ Alexander the Great at War: His army. His battles. His enemies / Edited by R. Sheppard. Oxford, 2008. P. 78.

² Шеннард Р. Александр Великий: Армия, походы, враги / Пер. с англ. А. Колина. М., 2010. С. 78.

³ Шофман А.С. История античной Македонии. Ч. I. Казань, 1960. С. 183; Разин Е.А. История военного искусства. Т 1. СПб, 1999. С. 528.

⁴ Lee J.W. Warfare in the Classical Age // A Companion to the Classical Greek World / Edited by K. H. Kinzl. Oxford., 2006. P. 484.

⁵ Anderson J. K. Military theory and practice in the age of Xenophon. Berkeley – Los Angeles, 1970. P. 231; Секунда Н. Армия Спарты / Пер. с англ. А.В. Красулиной. М., 2004. С. 15.

военных действий и одновременное проведение операций в разных местах потребовали от спартанцев нового подхода к военному руководству¹. Большой интерес представляет предположение Дж. Андерсона о том, что увеличение командных функций полемархов, а, возможно, и введение моря в качестве основного подразделения спартанской армии имели место уже в ходе Пелопонесской войны, но остались незамеченными Фукидидом².

Моря выступали не только как структурный элемент больших полевых армий, но и как самостоятельно действующие боевые подразделения, чем и обусловлена относительно большая частота их упоминания в источниках³. В этой связи особое значение приобретает вопрос о численном составе мор. В источниках можно встретить цифры в 500, 576, 700 и 900 бойцов (Diod., XV, 32, 1; Xen. Hell., IV, 5, 12; VI, 4, 12; Plut. Pelop., 16-17), что породило среди современных исследователей дискуссию о численности пехоты в морях. Если одни специалисты полностью доверяют сведениям Ксенофонта и определяют мору как подразделение из 576-600 воинов⁴, то Дж. Лазенби, сравнивая данные античных авторов, приходит к выводу о наличии фактической ошибки у Ксенофонта и определяет штатную численность пехотной моря в 1280 солдат, разделенных на 32 эномотии (вместо 16, указанных античным автором)⁵. Это мнение разделяет и Ф. Рей⁶. Использование мор как автономных боевых соединений заставляет согласиться именно с последними цифрами, так как сомнительной представляется способность отряда из шести сотен пехотинцев самостоятельно решать боевые задачи, пусть и в масштабах межполитической политики. Также необходимо отметить, что «минималистский» подход к определению численности моря вынуждает установить размер всего спартанского войска (напомним, что оно делилось на 6 мор) в 3400 – 3600 пехотинцев. Это цифра выглядит явно заниженной, особенно учитывая тот факт, что комплектовались моря как гражданами Спарты, так и периэками. Во всяком случае, назревшую необходимость объединения в единой стройной военной структуре всех лакедемонян – и спартиатов, и периэков – называют одной из причин введения моря как основной единицы спартанской армии⁷. Подтверждение этого имеется в «Греческой истории» Ксенофонта, упоминающей, что в Фокиду был отправлен царь Клеомброт с четырьмя морями и частью союзников (Hell., VI, 1, 1). Описывая потери армии Клеомброта в результате печально известного для Спарты сражения при Левктрах, тот же автор замечает, что всего в бою погибло около тысячи лакедемонян, а из спартиатов, которых в битве было около семисот, пало приблизительно четыре сотни (Hell., VI, 1, 15). Видимо, 576 воинов, упомянутых Ксенофонтом, были морей в

¹ Печатнова Л.Г. Спартанские цари. М., 2007. С. 226.

² Anderson J. K. Op.cit. P. 230-231.

³ Anderson J. K. Op.cit. P. 225.

⁴ Anderson J. K. Op.cit. P. 225-226; Секунда Н. Армия Спарты. С. 15.

⁵ Lazenby J. F. The Spartan Army. Mechanicsburg, 2012. P. 11-12.

⁶ Ray F.E. Greek and Macedonian Land Battles of the 4th Century. Jefferson, 2012. P. 65.

⁷ Campbell D.B. Spartan Warrior 735–331 BC. Oxford, 2012. P. 46; Секунда Н. Армия Спарты. С. 15.

ее минимальной комплектации. Известно, что численность каждой из шести мор могла меняться в зависимости от количества возрастных разрядов воинов, мобилизуемых в ее ряды (Hell., VI, 1, 17). Возможность смешанного возрастного и сословного комплектования спартанской моря позволяет объяснить большой разброс данных античных авторов о численности этого подразделения. В «штатном режиме» при автономном выполнении боевых задач моря была достаточно крупным соединением, включающим около одной тысячи гоплитов, что делало ее вполне заметной силой. Самостоятельность моря заметно возростала, благодаря наличию собственного кавалерийского сопровождения¹. По разным оценкам исследователей, численность конной моря достигала 60, 100 или 120 всадников². На наличие у моря статуса самостоятельной тактической единицы указывает и то, что командир каждой из шести мор спартанской армии назывался полемархом (πολέμαρχος), что можно перевести как «военачальник» или «военный вождь». Для сравнения следует отметить, что в Афинах периода архаики этим словом обозначался главнокомандующий всего полисного войска³.

Система использования мор как структурных и боевых единиц возникла в конкретных исторических условиях и была связана с необходимостью военными методами обеспечивать спартанскую гегемонию в разных регионах Эллады. С изменением обстановки в Греции, вызванным поражением Спарты в Беотийских войнах, нужда в подобной структуре войска отпала. Как отмечает Н. Секунда, последнее упоминание моря относится к «Лаконской политике» Ксенофонта (около 370 г. до н.э.), более поздних сведений об использовании спартанцами этих боевых подразделений нет⁴. Также нет данных о наличии моря как структурной единицы в войсках других греческих полисов.

Н. Секунда использовал термин «моря» для характеристики военного дела македонян эпохи великих завоеваний, подчеркивая тем самым близость спартанской практики применения мор как самостоятельных боевых единиц и македонской системы использования экспедиционных корпусов. Проанализируем обоснованность этого предположения. Как уже было показано выше, спартанская моря была не только автономно действующим боевым соединением, но основной структурной единицей спартанской армии в 403–370 гг. до н.э., организационно объединяющей пехоту и кавалерию лакедемонян. Основой «македонской моря» Н. Секунда считает таксисы фаланги, чьи командиры назывались стратегами, а не таксиархами, в связи с тем, что, возглавляя «морья», сохраняли и командование над своими полками⁵. Действительно, таксисы македонской фаланги являлись подразделениями, численность которых была достаточно

¹ Секунда Н. Армия Спарты. С. 63-65.

² Секунда Н. Армия Спарты. С. 15; Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории / Пер. с англ. С. Лопуховой, А. Хромовой. М., 2000. С. 40; Lazenby J.F. Op.cit. P. 16.

³ Hunt P. Archaic and Classical Greece: Military Forces // Cambridge history of Greek and Roman Warfare. Vol. I / P. Sabin, N. Van Wees, M. Whitby. Cambridge, 2007. P. 128.

⁴ Секунда Н. Армия Спарты. С. 15.

⁵ Sekunda N. The Army of Alexander the Great. P. 12.

велика для того, чтобы в случае необходимости они могли действовать независимо от других частей армии¹. Р. Гейбел указывает, что фалангиты в количестве от одного до четырех таксисов чаще других подразделений пехоты входили в состав экспедиционных корпусов (19 эпизодов из 27 им зафиксированных)².

Тем не менее, при обращении к античной письменной традиции становится очевидным, что до зимы 331-330 г. до н.э. командование экспедиционными корпусами в армии Александра осуществляли в подавляющем большинстве случаев два человека – либо сам македонский царь, либо Парменион. Этот факт не вызывает удивления – в тот период времени лучший военачальник Филиппа был вторым после Александра человеком в войске³. После фактического отстранения Пармениона от командования и его убийства место «первого маршала» занял Кратер. До 328 г. до н.э. Кратер был единственным командиром таксиса, которому Александр доверял самостоятельное командование экспедиционными корпусами. Начиная с весенней кампании 328 г. до н.э. в роли командиров корпусов чаще всех выступают Кратер, Гефестион, Пердикка и Кен. Трое последних к этому времени, судя по всему, уже занимали должности гиппархов⁴. Видимо, в то же время на пост командира гиппархии был переведен и Кратер: известно, что он командовал соединением этого типа в сражении при Гидаспе (Arr. Anab., V, 11, 3), а в кампании 328 г. до н.э. уже выступал как командир чисто кавалерийского отряда (Curt., VIII, 1, 6). Гиппархии, крупные кавалерийские подразделения, и были созданы, прежде всего, для самостоятельных действий в составе экспедиционных корпусов при тесном взаимодействии с легкой конницей и пехотой⁵. Именно гиппархам Александр, как правило, доверял командование автономно действующими соединениями. Командиры таксисов выступали в роли самостоятельных командующих экспедиционными корпусами лишь время от времени (Arr. Anab., IV, 15, 7; IV, 27, 5; VI, 7, 1-6; Curt., VIII, 5, 2) и отнюдь не чаще гиппархов или других лиц. Ставить знак равенства между командиром крупного подразделения пехоты и командующим экспедиционным корпусом в македонской армии эпохи Александра III по аналогии со спартанской морой нельзя.

Не вполне удачным является и сам выбранный Н. Секундой термин. В сочинении Арриана – наиболее информативном по интересующему нас вопросу античном источнике – отсутствует общее обозначение автономно действующих соединений македонской армии. Понятие *μοῖρα/μῆρος* весьма широко применяется Аррианом, однако автор либо помещает его рядом с обозначением разделяемого (часть армии, воинов и т.д.) (Anab., I, 26, 1; IV, 24, 9; IV, 28, 7; V, 20, 2; V, 21, 5; VI, 2, 2; VI, 5, 6; VI, 20, 5; VI, 28, 7; VII, 15, 3), либо использует в сочета-

¹ Эдкок Ф.Э. Военное искусство греков, римлян, македонцев. М., 2012. С. 146.

² Gaebel R.E. Op. cit. P. 194-195.

³ Badian E. The Death of Parmenio // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. Vol. 91. 1960. P. 328.

⁴ Heckel W. The marshals of Alexander's empire. London – New York, 1992. P. 52, 63, 127.

⁵ Нефедкин А.К. Конница эпохи эллинизма: дисс.,... докт. ист. наук. Ставрополь, 2007. С. 107.

нии с числительным («первая часть», «вторая часть» и т.д.) (Anab., IV, 16, 2; IV, 24, 9-10; IV, 25, 3). Не менее широко автор применяет для обозначения корпусов такие термины как «войско» (στράτος/στρατεία), значительно реже – δύναμις), «солдаты/войско кого-либо» (ἄμφι), иногда просто перечисляет отправившиеся в поход с царем или с одним из его военачальников подразделения, не давая общего обозначения соединению. Термин μόρα в его ксенофоновом написании и значении отсутствует. Это более чем показательно, если учесть, что Арриан использовал труды Ксенофонта в качестве образца, однако не скатывался до их мелочного копирования¹. Уроженец Никомедии не только не обнаружил использования этого понятия в своих источниках, но и не нашел оснований для его самостоятельного применения при описании военных событий эпохи Александра. Учитывая все вышеизложенное, следует констатировать, что гипотеза о наличии разделения македонской армии эпохи великих завоеваний на моры необоснованна и является попыткой искусственно перенести на войско Александра реалии принципиально иной военной системы.

SPARTAN MORA AND MACEDONIAN MORA: THE ANALYSIS OF ONE HYPOTHESIS

A.A. Kleymeonov

The article is investigated N. Sekunda's hypothesis of Macedonian army dividing into moras during Alexander's the Great time. The mora was the base unit of Spartan army in the first half of the fourth century BC using to execute some military missions. Alexander's army task groups were separated on another ground. The author believes that Sekunda's guess is an artificial effort to apply to Alexander's army another military system.

Key words: Alexander the Great, Sparta, mora, taxis, hipparchy.

БИТВА ПРИ ИССЕ (333 Г. ДО Н.Э.) В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ²

А.К. Нефёдкин (Санкт-Петербург)

Литература, рассматривающая различные кампании Александра Македонского, огромна, и это в полной мере относится ко второй битве Восточного похода, к сражению при Иссе, состоявшееся в конце октября — начале ноября 333 г. до н. э. Данная тема рассматривается в курсах истории, развития военного дела, многочисленных биографиях царя и т. д. Необходимо ввести определенные критерии отбора работ. Целесообразным казалось отбирать работы, исходя из их главной темы. Если для автора военные сюжеты были важными и он вынес их на титул или в подзаголовок, то данные работы вошли в настоящий обзор, ведь именно в таких работах выдвигаются новые или опровергаются старые гипотезы и предположения. Другие работы были опущены, хотя, естественно, и среди них существует немало ценных и важных.

¹ Bosworth A.B. From Arrian to Alexander: Studies in Historical Interpretation. Oxford, 1988. P. 26.

² Работа выполнена при поддержке Alexander von Humboldt-Stiftung.

Для введения в историографические проблемы стоит кратко рассмотреть сам ход сражения. Битва произошла на Юго-Востоке Малой Азии на древней реке Пинар между армиями Александра III и Дария III. Численность македонян и персов, включая греческих наемников, служит предметом дискуссии. Полибий (XII, 19, 3), по крайней мере, насчитывает у Александра в Киликии 42 000 пехоты и 5000 конницы. Во время маршей по горной местности армии противников оказались друг у друга в тылу и выстроились у Пинара с перевернутыми фронтами: персы развернулись на северном берегу, а македоняне — на южном. Дарий построил пехоту в четыре линии, по правому фланге поставив конницу. Александр приказал греческим конным союзникам и фессалийцам встать на левом фланге; в центре, как обычно, разместилась фаланга, а на правом фланге — гетайры. В начале боя последние успешно атаковали противника, тогда как на левом крыле конница Пармениона были потеснены азиатскими всадниками; греческие наемники в центре храбро контратаковали македонских фалангитов. Решила дело атака Александра, разметавшего вражескую пехоту и затем телохранителей Дария, нервы которого не выдержали и он обратился в бегство. За Дарием последовало и все его войско. Поражение персов было полным.

Поскольку местность, на которой происходила битва, должна пояснить как особенности хода боя, так и особенности построения войск, то первое, к чему обратились исследователи — к топографии местности. Много споров вызвала локализация древней реки Пинар, которая атрибутировалась как современная река Дели-Чай, Пайяс, или даже Куру-Чай. В 1884 г. британский полковник Чарльз Вильсон настаивал на своем предположении о том, что древний Пинар — это Пайяс¹. На основании своего путешествия в Турцию в 1902 г. германский полковник Артур Йанке обосновал в отдельной книге, что Пинар — это Дели-Чай, а Граник — Бига-Чай². Споря с полковником, доктор Альберт Грун рассматривал Пинар как Пайяс на основании расчет количества войск, участвовавших в битве, и длины их боевой линии³. Однако А. Йанке остался при своем мнении, как на основании стратегии и тактики Александра в Киликии, так и исходя из географических данных, отстаивая свою атрибутиацию Пинара как Дели-Чай⁴. Т. Шир из Лейпцига, хотя и поддержал данное мнение, на основании раз-

¹ *Wilson Ch. W.* The Identification of the Pinarus with the River Payas // *Proceedings of the Royal Geographical Society*. Vol. 6. 1884. № 9. P. 540–541.

² *Janke A.* Auf Alexanders des Grossen Pfaden: Eine Reise durch Kleinasien. Berlin, 1904. S. 5–136 (топография Исса), 136–149 (топография Граника). Подробный критический разбор работы, пересмотр маневров македонской армии и планов Александра, см.: *Lammert E.* [Rec. in] *Janke A.* Auf Alexanders des Grossen Pfaden: Eine Reise durch Kleinasien. Berlin, 1904. // *Berliner philologische Wochenschrift*. Jg. 25. 1905. № 31/ 2. Col. 999–1010; № 33/ 4. Col. 1063–1074.

³ *Gruhn A.* Das Schlachtfeld von Issus: Eine Widerlegung der Ansicht Jankes. Jena, 1910. Критику атрибутиации реки А. Груна и указание на необходимость рассмотрения событий не только с филологическо-исторической, но и с военной точки зрения см. в рецензии: *Lammert E.* [Rec. in] *Gruhn A.* Das Schlachtfeld von Issus: Eine Widerlegung der Ansicht Jankes. Jena, 1910 // *Berliner philologische Wochenschrift*. Jg. 25. 1905. № 50. Col. 1596–1604.

⁴ *Janke A.* Die Schlacht bei Issus // *Klio*. Bd. 10. 1910. S. 137–177.

бора источников, но указывал при этом на то, что с тех пор берега реки изменились¹. К этой же атрибуции на основании подробного рассмотрения топографии местности, движения армий в соответствии со временем суток и количеством развертывавших войск пришел французский майор Буржуа в своей обширной (679 страниц) неопубликованной рукописи, содержание которой со своими комментариями пересказал Марсель Дьёлафуа². В 1980 г. английский военный историк Альберт Дивайн посвятил отдельную статью проблеме локализации поля боя; в работе на основании дальности преследования Дария Александром (200 стадий) автор доказывает, что Пинар — это все же река Пайяс³.

Другим способом поиска места сражения должна стать точная локализация самого города Исса. Западногерманский археолог-медиевист Гансгерд Хелленкемпер на основании старых карт и античных и средневековых арабских свидетельств доказывает, что город Исс — это современный холм Кинет-Гуок, к северу от реки Дели-Чай⁴.

Естественно, проблема топография местности — это всего лишь один из вопросов, обсуждаемых в историографии. Другая группа работ рассматривает различные вопросы хода кампании и сражения. В 1899 г. профессор древней истории из Университета Граца Адольф Бауэр посвятил свою статью анализу состава войск и маневров Александра в ходе битвы, описание которой, впрочем, дано в кратком обзоре (с. 127–128). Автор на основании количества войск и способа их развертывания доказывает, что битва произошла у современной реки Дели-Чай, где Александр победил благодаря своему военному мастерству⁵.

Докторская диссертация Вальтера Диттбернера, защищенная в Университете Фридриха-Вильгельма в Берлине, также рассматривала битву. В опубликованной части (78 страниц), анализируется топографию местности (с. 1–31), диспозиция противников (с. 32–48) и маршрут Александра (с. 42–73); о ходе битвы почти ничего не говорится⁶.

Вторую часть своей статьи доктор Йозеф Кайл из Вены посвятил стратегическим предпосылкам битвы при Иссе, отметив, что Александр во время своего движения в горах Киликии не знал истинного положения дел в течение 4–5

¹ Schier T. Zur Lage des Schlachtfeldes von Issus und des Pinarus // Wiener Studien. Jg. 31. 1909. Hf. 1. S. 153–168.

² Dieulafoy M. La bataille d'Issus, analyse critique d'un travail manuscrit du commandant Bourgeois // Mémoires de l'Institut National de France. Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. T. 39. 1914. P. 41–76.

³ Devine A.M. The Location of the Battlefield of Issus // Liverpool Classical Monthly. Vol. 5. 1980. № 1. P. 3–10.

⁴ Hellenkemper H. Das wiedergefundene Issos // Aus dem Osten des Alexanderreiches: Völker und Kulturen zwischen Orient und Okzident. Köln, 1984. S. 43–50.

⁵ Bauer A. Die Schlacht bei Issos // Jahreshefte des österreichischen archäologischen Institutes in Wien. Bd. 2. 1899. S. 105–128.

⁶ Dittberner W.O.K. Issos: Ein Beitrag zur Geschichte Alexanders des Großen: Inaugural-Dissertation. Berlin, 1907.

дней и о том, что противник его уже поджидает¹. В небольшой статье венский исследователь Франц Мильтнер рассмотрел стратегию Александра в кампании, в частности пути обоих противников и их маневры в Киликии и в ходе сражения, делая акцент на продуманности плана битвы македонским царем². В 1972 г. канадский историк Чарльз Мьюрисон также посвятил свою работу объяснению причин передвижения войск обоих царей, но при этом автор отмечал и стратегические способности Дария, который показал себя тогда себя неплохим стратегом. Топографически автор считал, что битва произошла на реке Дели-Чай, а хронологически он пометил ее традиционно — конец октября — начало ноября 333 г. до н. э.³ Немецкий антиковед Герхарт Вирт проанализировал маршрут противников перед битвой и показал, зачем обоим сторонам было необходимо сражение, в частности, Александру — для подавления оппозиции своим завоевательным планам⁴.

Наиболее тщательный анализ источников произвел тот же А. Дивайн, который рассмотрел битву в двух пространственных статьях, в первой из которых автор проанализировал местоположение поля боя у реки Пайяс; отдавая предпочтение Арриану как источнику, исследователь рассматривал персидский и македонский боевой порядок, сам ход битвы и потери сторон; во второй же статье речь шла о топографии Киликии и движении по ней войск на основании описания Кв. Курция Руфа. Можно отметить, что А. Дивайн оспаривает предположения своих предшественников, Ф. Мильтнером и Мьюрисоном⁵.

Несколько работ посвящено конкретным вопросам, связанным с битвой. Известный английский антиковед Николас Хаммонд, склонившись к атрибуции Пинара как Пайяс, полагает, что Александр перешел реку «бегом» во главе пешей гвардии⁶, а не конной, как обычно и достаточно убедительно считается — дело в лексике, используемой древним автором. Петербургские авторы А. И. Кицула и А. К. Нефёдкин на основании динамики численности армии, упоминавшейся в источниках, определили численность македонской полевой армии Александра в битве при Иссе в 15 700 пехоты и 5300 конницы⁷, хотя численность войск могла быть и большей, если успели прибыть дополнительные подразделения.

¹ *Keil J.* Der Kampf um den Granikosübergang und das strategische Problem der Issoschlacht // *Mitteilungen des Vereines klassischer Philologen in Wien*. Jg. 1. 1924. S. 15–19.

² *Miltner F.* Alexanders Strategie bei Issos // *Jahreshefte des österreichischen archäologischen Institutes in Wien*. Bd. 28. 1933. Hf. 1. S. 69–78.

³ *Murison C.L.* Darius III and the Battle of Issus // *Historia*. Bd. 21. 1972. Hf. 2. P. 399–423.

⁴ *Wirth G.* Anmerkungen zur Schlacht von Issos // *Studia in honorem Veselini Beševliev*. Sofia, 1978. S. 435–449.

⁵ *Devine A.M.* Grand Tactics at the Battle of Issus // *The Ancient World*. Vol. 12. 1985. № 1–2. P. 39–59; *Idem.* The Strategies of Alexander the Great and Darius III in the Issus Campaign (333 B. C.) // *Ibidem*. P. 25–38.

⁶ *Hammond N.G.L.* Alexander's Charge at the Battle of Issus in 333 B. C. // *Historia*. Bd. 41. 1992. Hf. 4. P. 395–404.

⁷ *Кицула А.И., Нефёдкин А.К.* Численность и состав македонской армии в битве при Иссе // *Античный мир: Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород, 1999. С. 8–20.*

В общем, из описанной выше библиографии ясно видно, что на рубеже XIX–XX вв. интерес исследователей был направлен на выяснение места битвы, были предложены два основных варианта атрибуции древней реки Пинар. Для понимания хода и битвы важно было проанализировать причины маневров в горах Киликии обеих сторон, что также явилось темой части работ, с одной стороны, делавшие акцент на полководческом таланте Александра, а, с другой, — показавшие, что в ходе маневров в горах Александр не проявил достаточной предусмотрительности. И, конечно, разбору подверглись конкретные вопросы, связанные с битвой, в частности, численность и тактика сторон. Можно констатировать, что на сегодняшний день остаются нерешенными ряд вопросов, касающихся сражения (проблемы численного соотношения противников, развертывания в боевую линию и т. д.). Даже локализация поля битвы, несмотря на дискуссию, длящуюся более века, остается неясной: на реке Пайяс или Дели-Чай. Стоит добавить, что особый интерес к битве проявила западная историографии, в отечественной — сражению уделено куда как меньше внимания.

THE BATTLE OF ISSUS (333 BC) IN MODERN HISTORIOGRAPHY

Alexander Nefedkin

The article deals with the Western historiography of the battle of Issus (the autumn of the 333 BC) from the later 19th c. up to the later 20th c. Firstly the scholars focused on researching battlefield on the ancient Pinarus river (modern Deli-Chay or Paias), later they studied various problems of the campaign and battle, especially manoeuvres of the both armies in Cilicia, their strengths, arrays, etc.

ИЗОБРАЖЕНИЕ БОСПОРЯН В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНТИЧНОЙ ТОРЕВТИКИ

А.Л. Ермолин (Хайфа, Израиль)

Ровно сто лет назад, в ходе археологических раскопок кургана Солоха, была сделана находка уникального произведения античной торевтики – золотого гребня (рис. 1. 1), украшенного изображением сцены битвы. За это время написаны десятки научных статей, где рассмотрены вопросы, связанные с анализом этого произведения искусства: история создания; тематика, проблематика; пафос; жанровое своеобразие; центральные персонажи; сюжет и особенности строения конфликта; портретные особенности, специфика одежды, предметы вооружения и защиты, обстановка действия; композиция сюжета и отдельных образов; место произведения в мировой культуре. Казалось бы, что уже все сказано, но с возникновением новых и не совсем традиционных взглядов на развитие событий на Боспоре в древности, появилось и новое видение сюжетной линии, показанной в данном произведении.

Традиционно сюжет трактовался как бой скифов. В.И. Гуляев пишет о гребне из кургана Солоха: «С первого же взгляда не остается сомнения в том,

что это скифы»¹. Изображение на гребне трактовалось как сцены из преданий о Таргитае – нападение братьев на Колаксия (?)² или как убийство Скила.

Эти версии не выдерживают критики, так как в первом случае битва между братьями не описана, а во втором, Октамасад приказал отрубить голову Скилу, что тоже далеко не является битвой. Есть предположение, что здесь изображена какая-то неизвестная битва между скифскими племенами, что тоже не очень убедительно.

По нашему мнению стоит еще раз обратиться к Геродоту, где описан исход киммерийцев: «С приближением скифов киммерийцы стали держать совет, что им делать пред лицом многочисленного вражеского войска. И вот на совете мнения разделились. Хотя обе стороны упорно стояли на своем, но победило предложение царей. Народ был за отступление, полагая ненужным сражаться с таким множеством врагов. Цари же, напротив, считали необходимым упорно защищать родную землю от захватчиков. И так, народ не внял совету царей, а цари не желали подчиниться народу. Народ решил покинуть родину и отдать захватчикам свою землю без боя; цари же, напротив, предпочли скорее лечь костьми в родной земле, чем спастись бегством вместе с народом. Ведь царям было понятно, какое великое счастье они извели в родной земле, и какие беды ожидают изгнанников, лишенных родины. Приняв такое решение, киммерийцы разделились на две равные части и начали между собой борьбу. Всех павших в братоубийственной войне народ киммерийский похоронил у реки Тираса (могилу царей там можно видеть еще и поныне). После этого киммерийцы покинули свою землю, а пришедшие скифы завладели безлюдной страной» (Herodot. IV. 11).

Здесь Геродот называет военно-племенную верхушку киммерийцев царями и только здесь описана битва между царями, что мы и видим на гребне из кургана Солоха. О том, что в битве участвуют именно цари, можно судить и по изображению львов, являющихся в античной торевишке символом царской власти. По количеству изображений львов можно судить о том, что царей было больше, чем изображено в сцене.

Предположение о том, что на гребне изображены не скифы, высказывала еще в прошлом веке А.П. Манцевич³, по ее мнению на гребне изображены фракийцы. А.П. Манцевич пишет: «Судя по одежде, причёскам и вооружению, войны принадлежат к «варварским», как их называли греки, племенам Причерноморья, вероятно фракийским. Внешний облик этих «варваров» воспроизведён на

¹ Гуляев В.И. Скифы: расцвет и падение великого царства. СПб., 2005. Раздел «Солоха». http://historylib.org/historybooks/Valeriy-Ivanovich-Gulyaev_Skify-rastsvet-i-padenie-velikogo-tsarstva/1

² Раевский Д.С. Мир скифской культуры. СПб., 2006. С. 124.

³ Манцевич А.П. Курган Солоха. Л., 1987. С. 57-60; она же. Горит из кургана Солоха // ТГЭ. Л., 1962. [Т.] 7. С. 114; она же. О пластине из кургана Карагодеуаш. К толкованию сюжета // АСГЭ. Л., 1964. [Вып.] 6. С. 130; она же. К вопросу об изображениях «варваров» на предметах торевишки из курганов Северного Причерноморья // Studia Thracica. Vol. I. Sofia, 1975. P. 115-116, 121-122; она же. Изображения «скифов» в ювелирном искусстве античной эпохи // Archeologia. Vol. 26. 1975. Warszawa, 1976. P. 1-45.

гребне с такими подробностями, как это мог сделать только художник, хорошо знакомый с их средой и близкий к ней». Но где могли художники – ювелиры найти подобный типаж?

Давно идет дискуссия о месте производства «скифского золота», в Греции или на Боспоре, в Пантикапее, в одном сходятся все исследователи – все подобные изделия сделаны греческими мастерами. О том, что в Пантикапее существовали ювелирные мастерские, можно судить по матрицам, найденным при раскопках в Пантикапее и Тиритаки¹. М.Ю. Трейстер доказывает, на основании археологического материала, что производство ювелирных изделий имело место именно в Пантикапее, что же касается высокохудожественных изделий, их изготавливали приезжие мастера из Греции. Эту версию поддерживает М.В. Скржинская². Она пишет: «Нет сомнений, что изображения скифов сделаны с натуры, и художники явно работали в Северном Причерноморье. Это противоречие можно объяснить следующим образом. Античные художники и ремесленники высокого класса редко трудились все время на одном месте. Города, особенно не очень большие, какими были колонии в Северном Причерноморье, не могли обеспечить их постоянной работой. В то же время, когда в городе предпринималась какая-нибудь значительная общественная постройка, собственных сил не хватало. Каждый полис время от времени строил или обновлял храмы, и для этого приглашал не только профессиональных архитекторов и скульпторов, но и опытных каменщиков, плотников и других мастеров».

Не соглашаясь с А.П. Манцевич в версии о фракийском происхождении изображенных на гребне воинов, М.В. Скржинская с уверенностью говорит о месте производства подобных изделий – Пантикапее.

К сторонникам производства шедевров торевтики в Пантикапее относятся и Э.В. Яковенко³.

Итак, в Пантикапее работали высококлассные мастера – ювелиры и по заказу, а заказчиками являлись цари Боспора. Так производились шедевры торевтики, впоследствии найденные в скифских курганах. В своей работе в качестве моделей мастера, скорее всего, использовали жителей Пантикапея, и есть большая вероятность того, что это были приближенные боспорского царя. Не исключено, что для изображения царей мог позировать и сам ... Сатир I, если датировка гребня верна, или Левкон I, если гребень сделан во время его правления.

Все вышесказанное касается не только гребня из кургана Солоха, но и остальных изделий торевтики, найденных археологами при раскопках курганов, т.е. моделями для всех изображений «скифов» были боспоряне, а это значит, в

¹ Трейстер М.Ю. Матрицы из Пантикапея (к вопросу о боспорской торевтике IV вв. до н.э.) // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Материалы 2-го археологического семинара. Новочеркасск. 1989. С. 89-102.

² Скржинская М.В. Скифия глазами эллинов. СПб., 2001. С. 257.

³ Яковенко Э.В. К вопросу о происхождении шедевров торевтики из скифских курганов IV-III вв. до н.э. // Античная цивилизация и варварский мир. (Тезисы докладов IV археологического семинара). Новочеркасск. 1994. С. 10-11.

изделиях античной торевтики мы имеем не изображение скифов, а изображение боспорян. И действительно, зачем для изготовления электрового сосуда (рис. 1. 2), принадлежащего боспорскому царю (или богатому боспорянину), сцены из какой то далекой скифской жизни? Закрадываются большие сомнения, что для его изготовления специально приглашали скифов. Ну а для самих скифов, видимо, не имело большого значения, что было изображено на подаренных им вещах: на горитах, как правило, изображены сцены из греческих легенд (за исключением горита из кургана Солоха).

Рис. 1. 1 - золотой гребень из кургана Солоха. 2 - электрова ваза из кургана Куль Оба.

РИМСКИЕ ЛЕГИОНЫ В БРИТАНИИ В I – II ВВ. Н.Э.

А.В. Клейменова (Тула)

В статье рассмотрена специфика размещения римских легионов в Британии. Определено, что всего на острове находилось четыре легиона, среди которых в разное время были II Августов, XIV Сдвоенный, XX Валериев Победоносный, IX Испанский, II Вспомогательный и VI Победоносный. Место их дислокации менялось на протяжении I-II вв. н.э. в зависимости от направлений римской экспансии. Количественный состав британских легионов зависел от необходимости решения более важных для империи военно-политических задач на континенте.

Ключевые слова: Римская империя, Британия, Адрианов вал, легион.

Впервые Британия попала в сферу римских интересов при Цезаре. Посвятив себя завоеванию Галлии, он не мог не обратить внимания на территорию, постоянно оказывавшую помощь его противникам. С целью предотвратить всякие отношения между союзниками, он организовал две экспедиции на остров, которые состоялись в 55 и 54 гг. до н.э.¹ Однако, обе экспедиции имели весьма ограниченный успех. Наверно, главное достижение Цезаря и его походов в Британию заключается в том, что он открыл эту территорию для последующего освоения римлянами.

Подлинным завоевателем Британии, с именем которого мы можем связать формирование провинции на острове, был Клавдий. Весной 43 г. н.э. он начинает вторжение в южную Британию силами четырех легионов. Это были II Августов, ранее расквартированный в Аргенторате (Страсбурге) на верхнем Рейне, XIV Сдвоенный, также приведенный с верхнего Рейна, XX легион, ранее располагавшийся в Новезии (Нейссе) и IX Испанский легион из Паннонии².

Точное место высадки римских войск до сих пор не установлено, скорее всего, это событие произошло в Ричбурге³, который представлял собой единственное удобное для этого место⁴. Хотя, по описанию Диона Кассия, легионы были разделены на три части (Dio. LX, 19).

После высадки в Британии IX Испанский легион остался на месте для обеспечения безопасности тыла, а остальные легионы отправились вглубь острова, где вступили в соприкосновение с местными племенами, оказавшими сопротивление римскому вторжению. Скорее всего, первым с войсками бриттов столкнулся II Августов легион под командованием Веспасиана. Бриттам, возглавляемым Каратаком, пришлось отступить. Не смог исправить ситуацию при-

---

¹ Широкова Н.С. Экспедиция Цезаря в Британию // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. № 17. С. 112-125.

² Дандо-Коллинз С. Легионы Рима. М., 2013. С. 312; Todd M. The Claudian Conquest and its Consequences // A Companion to Roman Britain / M Todd. Oxford, 2006. P. 45.

³ Hanson W.S. Roman Britain: The military dimension // The archaeology of Britain: An introduction from the upper Palaeolithic to the industria Revolution / J. Hunter, I. Ralston. London, 1999. P. 145.

⁴ Todd M. Op. cit. P. 46.

шедший и вступивший в сражение Тогодунн¹. Продолжив свое движение на юго-восток, II легион к концу осени 43 г. н.э. покорил южное побережье острова, которое стало для него местом постоянной дислокации.

К концу 43 г. н.э. все четыре легиона, принимавшие участие в покорении острова, выстроили свои крепости в южной Британии. Что происходило с легионами в период между 44–48 гг. н.э. до сих пор остается неясным. Известно, что к 50 г. н.э. XIV и XX легионы вместе с их вспомогательными частями появляются в Роксетере на дороге Уотлинг Стрит. IX легион, по всей видимости, был расположен севернее Камулодуна к Кэмбриджу и Глосманчестеру, и целью его продвижения становился Линд (современный Линкольн). Считается, что легион находился там до конца правления Клавдия или как минимум до тех пор, пока Плавт не покинул Британию², то есть до 47 г. н.э.

Таким образом, в 47 г. н.э., когда первый наместник Авл Плавт покинул Британию, римские войска были сосредоточены на юге, о чем говорит и создание там дружественного государства Бригантия, находившегося под римским контролем. Покорение же юго-западной части острова, по всей видимости, не было еще окончательно завершено³. Однако за первые четыре года пребывания в Британии римлянам удалось подчинить себе значительные территории низменностей южной Англии, выйдя к границе, очерченной дорогой Фосс Уэй.

Наиболее известной для нас является деятельность II Августова легиона периода нахождения там легатом Веспасиана. Легион под руководством будущего императора принял участие более чем в тридцати сражениях с кельтами на территории Британии (Suet. Vesp., 5) и предпринял кампанию по завоеванию острова Уайт, которая, возможно, длилась 3–4 года. При раскопках в Фишборне были обнаружены форты и военные сооружения, которые вполне могли служить базой для такого вторжения⁴. Исторически сложилось, что легионом Веспасиана и, соответственно, главными силами вторжения на остров, считают II легион, хотя П. Солуэй в своей работе отмечает, что наравне с легионом в операции могла принимать участие и группа сил, заранее высадившаяся в Хэмпшире и составляющая одну из трех группировок римских войск, прибывших, согласно Диону Кассию, для покорения Британии (Dio., LX, 19), хотя исследователь не отрицает, что основу войска составлял II Августов легион.⁵

По мнению Ш. Фрера, II легион был разбит на несколько частей, которые находились на территории небольших крепостей, таких как Лейк Фарм, Северный Таутон и, возможно, в Дорчестере⁶, хотя этот период длился не очень долго и вскоре, выстроив свой лагерь в Иске (современный Эксетер), в землях племени думнониев, около 55 г. н.э. легион был там объединен. Здесь он находился

¹ Frere S. *Britannia: A history of Roman Britain*. London – New York, 1987. P. 50.

² Lindsay J. *The Romans were here*. New York, 1969. P. 64.

³ Manning W. *The conquest of Wales // A Companion to Roman Britain* / Ed. M. Todd. Oxford, 2006. P. 61.

⁴ Frere S. *Op. cit.* P. 58; Salway P. *Op. cit.* P. 93.

⁵ Salway P. *Op. cit.* P. 92.

⁶ Frere S. *Op. cit.* P. 59.

вплоть до 67 г. н.э., когда основные его части были переведены в Глеев (Глостер), хотя лагерь в Иске продолжал существовать. Окончательно он был покинут только в 75 г. н.э.¹ Именно тогда весь легион был переведен в Иску (Карлеон) в Уэльсе, где главной его задачей стало подавление сопротивления валлийцев². Печальным событием в жизни легиона стало восстание Боудикки. Не уделив должного внимания приказу оказать помощь наместнику провинции Светонию Паулину, легион поставил все римские войска под угрозу. II Августов легион также принимал участие и в строительстве Адрианова вала в 122–136 гг.

IX Испанский легион после вторжения в Британию был расположен в Линде (Линкольн)³. До сих пор не выясненным до конца остается вопрос о времени основания данной крепости. Существуют две надписи на могильных камнях, которые используются для подтверждения факта освоения этой территории до 60 г. н.э. (RIB, 255). Однако на основании других свидетельств можно говорить лишь о том, что римляне пришли в Линкольн незадолго до 60 г. н.э. Археологический материал позволяет сделать вывод, что вероятнее всего IX легион в Британии не действовал как единая сила, а был разделен на несколько частей в течение достаточно долгого времени. В период с 47 по 60 гг. н.э. существовали две крепости, где археологически зафиксировано присутствие частей IX легиона: Лонгторп, недалеко от Питерборо, и Ньютон-он-Трент западу от Линкольна. Третья крепость, по всей видимости, находилась в двух километрах южнее Линкольна⁴. Территория этих крепостей невелика, она составляет всего лишь 10–11 га. Трудно представить себе, чтобы целый легион со вспомогательными войсками мог разместиться здесь, учитывая тот факт, что в среднем крепость для легиона имела площадь около 20 га. Например, в Глостере площадь крепостных сооружений составляла 18,6 га, в Карлеоне – 19,8 га, а в Инчутхиле – 21,74. Очевидно, что и в самом Линкольне позднее находился не весь легион, так как крепость там занимала площадь всего в 1,68 га. По предположению Ш. Фрера, IX Испанский легион был объединен только после восстания Боудикки. Свое предположение он строит на том факте, что выстроенная для IX Испанского легиона крепость в Йорке занимала площадь в 20,2 га.

Практически с самого начала легион подвергался сложнейшим испытаниям. При восстании Боудикки в 60 г. н.э. он был почти полностью уничтожен, попав в засаду, устроенную бриттами⁵. Для поддержания этого легиона и обеспечения его боеспособности с Рейна по приказу императора были переведены две тысячи человек⁶. Позднее IX Испанский легион был переведен в Эборак

¹ Salway P. Op. cit. P. 93.

² Дандо-Коллинз С. Указ. соч. С. 120.

³ Salway P. Op. cit. P. 95.

⁴ Frere S. Op. cit. P. 56.

⁵ Appleby G.A. The Boudican Revolt: Countdown to Defeat // Hertfordshire Archaeology and History. Vol. 16. 2009. P. 59; Тинебекова М.Н. Восстание бриттов под руководством Боудикки в Римской Британии // Московский областной педагогический институт им. Н.К. Крупской: Ученые записки. Т. 189, вып. 9. М., 1967. С.127–128.

⁶ Дандо-Коллинз С. Указ. соч. С. 165.

(Йорк), а после 108 г. н.э. в Карлайл, где и зафиксированы последние упоминания о легионе. Дальнейшая его судьба абсолютно неизвестна.

Не менее важным в истории римской Британии оказался и XIV Сдвоенный легион, хотя сведений о нем сохранилось не так много. Известно, что этот легион должен был продвигаться до центральной части Англии. Несмотря на то, что при продвижении в этот район страны вполне могли использоваться местные пути сообщения, но все же можно проследить ряд подготовительных мер, которыми сопровождалось движение XIV легиона. В первую очередь, это сооружение дорог. Такой дорогой-индикатором стала Уотлинг Стрит. По данным археологических изысканий, эта дорога первоначально доходила до Хай Кросс, также как и Фосс Уэй, заканчиваясь юго-западной Лестера¹. Хорошо известны военные сооружения, расположенные вдоль этой дороги и которые можно связать в деятельность XIV легиона – Веруламии и Дропшот². В итоге легион разместился в крепости Роксетер в Шропшире. Посредством этого римское командование создало базу для последующего освоения территории катувелланов. Легион находился здесь до второй половины 60-х гг. н.э.³ В 60 г. н.э. XIV Сдвоенный легион принимал участие в завоевании острова Англси, но в результате вспыхнувшего восстания Боудикки он был отозван и, именно благодаря действиям командира этого легиона, восставшим было нанесено поражение. К 67 г. н.э. легион был выведен из Британии в Карнунт в Паннонию, так как планировалась использовать его силу для наступления на персов⁴.

XX Валериев Победоносный легион сыграл важную роль в истории провинции. Существует несколько точек зрения по поводу того, какие части римской армии играли роль основных сил, а какие являлись резервом. По версии британского специалиста Ш. Фрера, которая является также одной из наиболее распространенных в современной британской историографии, резерв в Британии составлял как раз XX легион и некоторые силы ауксилариев, расположенные в Колчестере, ставшим столицей новой колонии «Камулодуна»⁵. Скорее всего, завоевание Уэльса было начато именно силами XX легиона, хотя Тацит при описании данных событий не дает точных указаний ни на один из легионов, боровшихся против возглавляемых Каратаком племен ордовиков и силуров в войне 48–49 гг. н.э. В Колчестере легион остается в качестве резервной силы. По мнению У. Мэннинга, XX легион был единственным из присутствующих в Британии легионов, который имел свою собственную крепость достаточную по размерам, чтобы разместить там целый легион, тогда как остальные таких крепостей не имели, а легионеры и ауксиларии этих легионов располагались в не-

---

¹ Frere S. Op. cit. P. 57.

² Ibid.

³ Manning W. Op. cit. P. 63.

⁴ Дандо-Коллинз С. Указ. соч. С. 188.

⁵ Frere S. Op. cit. P. 57; Wachter J. Britain 43 B.C. to A.D. 69 // The Cambridge Ancient History. Vol. X. / A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott. Cambridge, 2008. P. 508.

скольких крепостях небольшого размера¹. В 60–61 гг. н.э. XX легион принимал участие в подавлении восстания Боудикки, в том числе в битве на Уотлинг Стрит, закончившейся сокрушительным поражением восставших².

Такое расположение военных сил в Британии сохранялось вплоть до второй половины 60-х гг. н.э. В результате войны за императорский престол и изменения внешнеполитической ситуации в империи пришлось в 67 г. н.э. вывести XIV легион из Британии. В связи с этим произошло перераспределение сил. XX легион был переведен в Рохетер, заменив отозванный XIV. Это привело к тому, что в достаточно неспокойной зоне племени силуров возникла нехватка войск. Для обеспечения контроля над регионом в период с 64 по 66 гг. н.э. в Глостере строится крепость для легионеров. По всей видимости, сюда из Эксетера был переведен XX легион³. Неизвестным до конца остается перераспределение легионов после возвращения в 69 г. н.э. XIV легиона обратно в Британию. П. Солуэй делает предположение, что, доставлявший определенные трудности XIV легион был переформирован и, возможно, его силы были разделены по разным гарнизонам. Так же исследователь выдвигает предположение о возможности перевода ядра легиона в крепость в Малтон, которая была построена специально для того, чтобы в большей степени контролировать находившиеся к востоку от территории племени паризи, земли племени бригантов⁴.

В это же время на территории Британии появляется еще одна новая военная сила – легион, который ранее не принимал участие в покорении острова. Это был II Вспомогательный легион. Он был сформирован из личного состава сил флота в период войны за императорский престол, и скорее всего, был послан в Британию в качестве резерва в условиях обострившейся борьбы за северные территории острова⁵. Существует мнение, что этот легион заменил собой IX в Линкольне (сам IX Испанский легион был переведен в Йорк)⁶. Таким образом, после проведенной перегруппировки открылись возможности для расширения экспансии в Британии. Обеспечив себе относительную безопасность в землях бригантов, IX легион мог продолжить продвижение на север, что и последовало, а XX легион, под руководством Агриколы, тогда еще не правителя Британии, а лишь военачальника, начал свое продвижение на запад острова. Есть археологические свидетельства, подтверждающие такое продвижение. В первую очередь, это крепости и походные лагеря, сосредоточенные в этих двух направлениях.

Интересная судьба связывает между собой XX и II Вспомогательный легионы. Агриколе пришлось применить к XX легиону дисциплинарные меры⁷.

¹ Manning W. Op. cit. P. 62–63.

² Gilliver C. The Augustan Reform and the Structure of the Imperial Army // A Companion to the Roman Army / Erdkamp. Oxford, 2007. P. 189.

³ Salway P. Op. cit. P. 135.

⁴ Salway P. Op. cit. P. 135–136.

⁵ Salway P. Op. cit. P. 136.

⁶ Ibid.

⁷ Дандо-Коллинз С. Указ. соч. С. 199.

Причины этого кроются в том, что в период войны за императорский трон 68–69 гг. н.э. легион «стал буйным» (Тас. Агр., 7). В связи с этим Гней Агрикола вынужден был перевести беспокойных солдат из XX во II Вспомогательный легион. Освободившиеся места в XX легионе были заняты солдатами из II Вспомогательного легиона. По подсчетам известного австралийского историка С. Дандо-Коллинза в результате произошедших перестановок личный состав был поменян на 36 %¹.

После своего прибытия в Британию II Вспомогательный легион принял активное участие в покорении племени бригантов, которые занимали территорию современного Йоркшира, считавшегося, по свидетельствам Тацита, самым многочисленным (Тас. Агр., 17). В дальнейшем совместно с другими легионами II Вспомогательный под командованием нового наместника Юлия Фронтинуса участвовал в подчинении племени силуров в Уэльсе. Под командованием Агриколы этот легион должен был принимать участие и в римских завоеваниях Шотландии. Легион был выведен из Британии в 87 г. н.э. и послан в Сингидун (совр. Белград)². Впрочем, точная дата вывода легиона из Британии до сих пор не ясна. Видные британские ученые, в качестве возможных сроков называют и 86, и 87, но не позже 92 гг. н.э.³

После того как Гней Юлий Агрикола покинул Британию, войска снова поменяли свое расположение, что было связано в первую очередь с отводом войск с севера острова и из Уэльса. После вывода II Вспомогательного легиона отвод XX легиона из ранее занимаемой им крепости Инчтутхил на юг стал необходимостью⁴. XX легион был переведен в Честер. Конечно, военное присутствие Рима в северной Шотландии сократилось, хотя нельзя сказать, что этот регион был полностью оставлен римскими войсками. Ряд крепостей сохранили свое значение, и даже Инчтутхил продолжал осуществлять свои функции, в первую очередь в качестве поста наблюдения за беспокойными северными соседями.

Таким образом, к концу I в. н.э. основные перемещения войск были закончены и окончательно оформлены три постоянно действующие крепости для военных сил, расположенных на территории Британии. Такими крепостями стали Честер, занятый XX легионом, Карлеон, где сосредоточились войска II Августова легиона, и Йорк с войсками IX легиона. К последним десятилетиям I в. н.э. относится и еще одно нововведение – создание колоний, что свидетельствует об уменьшении военного влияния в управлении провинцией и создании гражданской администрации, на которую и перекладывались основные задачи управления присоединенными территориями.

Новое перераспределение сил в Британии произошло с начала правления в Риме императора Адриана. Адриан стал первым создателем реально суще-

¹ Дандо-Коллинз С. Указ. соч. С. 117.

² Там же.

³ Frere S. Op. cit. P. 106; Salway P. Op. cit. P. 150.

⁴ Salway P. Op. cit. P. 150.

ствующей и действующей системы северных укреплений, получившей название Адрианова вала. Доподлинно известно, что Адриан привел в Британию новый легион – VI Победоносный. Не выясненной остается цель был привлечения данного легиона в Британию. Одним из мнений является то, что он непосредственно осуществлял строительство вала¹. Согласно другой версии перевод легиона в Британию был связан с желанием поощрить Платория Непота². Учитывая тот факт, что последние упоминания о IX легионе в Британии относятся к 107–108 гг. н.э., после чего он бесследно исчезает³, есть все основания предположить, что VI легион должен был дополнить собой ослабленные силы римских войск на острове. Таким образом, появившийся в Британии VI легион занял крепость в Эбораке (современный Йорк). В строительстве вала Адриана также принимали участие II и XX легионы. Таким образом, основные военные силы Рима сосредоточились на валу Адриана, по линии Тайн – Солуэй. Гарнизон этой линии укреплений составляли отряды II, VI и XX легионов. Легионы действовали в рамках вала по отдельности, хотя частыми были и совместные операции. В Ньюкасле – на Тайне, на участках вала Бенуэлл – Родчестер, Халтон – Честер, Хаузестиц – Грей Честер, Кэрворан и Бердсволд – Кастелстидс встречаются надписи всех трех легионов. В результате анализа эпиграфических материалов, проведенного М.С. Садовской, было выявлено, что силы II и VI легионов были расположены во всех основных укреплениях с востока на запад по валу, а силы XX легиона в основном сосредоточены на западе⁴. Последнее перемещение римских войск в исследуемый период было связано с созданием новой линии укреплений – валом Антонина, а затем последовал обратный отвод войск к валу Адриана.

Таким образом, влияние Рима в Британии удерживалось силами четырех легионов, между которыми проходила определенная ротация. Рассматривая их перемещения можно проследить расширение зоны влияния Рима на острове и распространение власти римской администрации на новые племена. Начав покорение острова с южной его части, уже в течение I в. н.э. под римским контролем оказалась значительная часть острова вплоть до Шотландии. Еще одной тенденцией использования британских легионов был проводившийся время от времени отвод части войск на континент, связанный, в первую очередь, с необходимостью решения более важных для империи военно-политических задач в других провинциях.

---

¹ *Salway P.* Op. cit. P. 174.

² *Birley A.R.* Hadrian to Antonines // *The Cambridge Ancient History. Vol. XI / A.K. Bowman, P. Garnsey, D. Rathbone.* New York, 2007. P. 137.

³ *Birley A.R.* Op. cit. P. 158; *Дандо-Коллинз С.* Указ. соч. С. 156; *Садовская М.С.* IX Испанский легион в Британии // Из истории античного общества. Вып. 2. Горький, 1979. С. 65–85.

⁴ *Садовская М.С.* Дислокация и этнический состав римских войск на территории вала Адриана в Британии (по данным эпиграфики) // Из истории античного общества: Межвузовский сборник. Вып. I. Горький, 1975. С. 106.

ROMAN LEGIONS IN BRITAIN I – II AD

A. V. Kleymenova

The problem of the Roman legions allocation in Britain is under consideration in the article. There were four different legions such as II Augusta, XIV Gemina, IX Hispania, XX Valeria Victrix, II Auditrix, VI Victrix in Britain. Their allocation was changing according to the direction of Roman expansion in I – II AD. The number of soldiers in British legions were connected with solving different problems on the Continent.

Key words: Roman empire, Britain, Hadrian Wall, legions.

АНТИЧНЫЕ СТРАТЕГЕМЫ В «ЗАПИСКАХ» МОНТЕКУККОЛИ¹

Е.С. Данилов (Ярославль)

В статье рассматривается влияние греко-римской военной традиции на литературное творчество Раймондо Монтекукколи, полководца императоров Фердинанда III и Леопольда I из династии Габсбургов. Отмечается антиклизированное восприятие известным тактиком военных реалий XVII века, проводятся параллели с описанием классических стратегем Никколо Макиавелли.

Ключевые слова: Античность, военное искусство, Монтекукколи, рецепция.

Раймондо Монтекукколи (1609-1680 гг.) был одним из самых прославленных полководцев Священной Римской империи германской нации. В ходе многочисленных кампаний против шведов, французов и турок итальянский аристократ по праву заслужил репутацию выдающегося практика военного дела². Теоретические изыскания генералиссимуса изложены в его «Записках», которые были опубликованы в Венеции только в 1703 г³. Первый русский перевод появился в 1760 г. Его выполнил секретарь Петербургской академии наук Сергей Саввич Волчков⁴. Новейшее издание Монтекукколи подготовил в 2012 г. московский историк Ян Семёнович Семченков⁵. Первая часть, или книга, «Записок» называется «Общие принципы военного искусства». В шести главах излагаются основы ведения боевых действий, даются определения различных армейских терминов. Вторая книга - «Воспоминания о недавних войнах в Венгрии» из че-

¹ Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки РФ, проект «Междисциплинарные исследования публично-правовых систем и политической культуры античных социумов с применением информационных технологий», темплан ЯрГУ (ЗН-1094).

² Подробнее см.: *Barker T.M.* The Military Intellectual and Battle: Raimondo Montecucoli and the Thirty Years' War. Albany, N.Y., 1975; *Tommasini L.* Raimondo Montecucoli capitano e scrittore. Roma, 1978; *Schreiber G.* Raimondo Montecucoli. Feldherr, Schriftsteller und Kavalier. Ein Lebensbild aus dem Barock. Graz, Wien, Köln. 2000.

³ *Montecucoli R.* Memorie della guerra ed instruzione d'un generale. Venezia, 1703.

⁴ Записки Раимунда графа Монтекукули генералиссима царских фойск генерала-фельдцейгмейстера и ковалера Златаго руна или Главныя правила военной науки: Вообще разделены на три книги / С французского на российской язык переведены С[ергеем] В[олчковым] 1753 Году. [Москва], 1760. См.: *Дутов С.Ю.* От «Учения ратного...» до «Науки побеждать». Военная книга в России в XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 43.

⁵ Записки Монтекукколи, генералиссимуса императорских войск, или Общие принципы военного искусства в трёх книгах / Пер. Я.С. Семченкова. Монреаль, 2012. За основу переводчиком взят французский текст 1712 г., сверенный с критическим итальянским изданием 1852 г.

тырёх глав - более автобиографична. В ней подробно описываются перепетии противостояния европейских монархов и османского султана Мехмеда IV. 1 августа 1664 г. христианская армия во главе с Монтекукколи одержала блестящую победу над турками в битве при Сентготтхарде в Западной Венгрии¹. В третьей книге - «Принципы вероятной войны с турками в Венгрии» - Монтекукколи предстаёт в роли наблюдательного аналитика: в шести главах оценивается военный потенциал Османской империи и прогнозируется ход будущих конфликтов².

Трёхчастные «Записки» князя Монтекукколи содержат множество отсылок к боевому опыту греческих и римских стратегов. Античность в глазах образованных людей Средневековья и Нового времени была предметом учёных занятий и источником образцов для воспитания молодёжи³. Как эрудит и литератор Монтекукколи не избежал увлечённости древней историей. Он проявляет знакомство с античной мифологией (I. 72, II. 21, III. 20. 1), поэмами Гомера (III. 68. 1), сочинениями Геродота (I. 44. 1; III. 7. 2), Фукидида (III. 7. 1), Аристотеля (I. 52), комедиями Плавта (II. 3).

С первых же строчек имперский военачальник обнаруживает знание трактата Флавия Вегеция Рената. Его рекомендация о вербовке в армию сельских жителей (I. 9) и запасах провианта (I. 42) напоминает соответствующие места из «*Eritoma rei militaris*» (I. 3, III. 3). Рассуждения Монтекукколи о врождённых и приобретённых качествах генералов (I. 12) аналогичны наставлениям Онасандра (I). Определение универсальной диспозиции, *constituendo statu belli* (I. 47. 1), он заимствует у Секста Юлия Фронтинна (I. 3). Мемуарист цитирует «Тактику» Льва VI Мудрого (III. 7. 2, ср. *Leo. Tact. XI. 11*) и вспоминает грекоязычного военного теоретика Элиана (III. 22. 3). Когда автор останавливается на особенностях боевого строя эллинов и римлян, то не вдаётся в подробности. Он пишет, что свидетельства о военных учреждениях Античности были собраны воедино задолго до него, и потому повторять их «представляется скучным и никчёмным» (I. 13). Тем не менее, количество отступлений в тексте «Записок» довольно значительно, хотя они и не представляют отдельного раздела.

Монтекукколи признаёт, что в вооружении XVII века есть множество подражаний древним приспособлениям для нападения и защиты (I. 15), а упражнения для новобранцев «позаимствованы современностью у греков и римлян» (I. 18). Мушкетёров он сравнивает с велитами (I. 21), пикинёров с сариссофорами (I. 23), учителей фехтования с греческими тактиками (III. 22. 1), мельчайшее армейское подразделение называет декурией (I. 11. 3). Тактические приёмы Александра Великого и Гая Юлия Цезаря (I. 48. 2, 63. 3) для Монтекукколи

¹ См., например: *Wagner G. Das Türkenjahr 1664. Eine Europäische Bewährung. Raimund Montecuccoli, die Schlacht von St. Gotthard-Mogersdorf und der Friede von Eisenburg. Eisenstadt, 1964.*

² См. подробный разбор содержания «Записок» по изданию Волчкова: *Разин Е.А. История военного искусства XVI-XVII вв. СПб., 1999. С. 527-544.*

³ См., например: *Ревякина Н.В. Античные источники итальянской гуманистической педагогики XV века // Античное наследие в культуре Возрождения / Отв. ред. В.И. Рутенбург. М., 1984. С. 68.*

также актуальны, как военные хитрости шведского короля Густава II Адольфа (I. 47. 2) или фельдмаршала Матиаса Галласа (I. 68. 3). Особое внимание военачальник Габсбургов уделил стратегемам диктатора Фабия Максима. Пятикратный консул привлёк его своей выжидательной тактикой, принципами партизанской войны и приёмами постепенного изматывания противника (I. 48. 2). Не был обойден вниманием и мастер диверсий Сципион Африканский Старший (I. 50). Из тридцати трёх античных деятелей, зафиксированных в «Записках» Монтекукколи, военный опыт только этих двух полководцев был подвергнут тщательному анализу. Лидером же по частоте упоминаний оказался Ганнибал Барка (см. Таблицу 1). Безусловно, герцога Мельфи привлекали больше римляне (I. 15. 4; III. 27. 1, 55. 3, 60. 2), чем афиняне, македоняне или уроженцы Карфагена¹. Он восхищался историей их войн, кратковременных и с большими последствиями (III. 74. 2).

Следование классической традиции проявляется также в сравнении турок с «варварами». Как кельты или германцы, османы пытаются испугать противника во время боя криком и воем; они чаще всего плохо вооружены и представляют собой неорганизованную толпу; чванливы; могут похвастаться численностью и натиском, но не дисциплиной; всё опустошают на своём пути (II. 53. 9, 60, 71; III. 1, 70. 3). Этим набором отрицательные характеристики исчерпываются и далее идут более любопытные сопоставления. Например, турецкий земельный лен, тимар, Монтекукколи сравнивает с римским колонатом (III. 5. 1), янычар и сипахов, посвятивших жизнь военному делу, с лакедемонянами (III. 6. 4), многочисленные турецкие батальоны и эскадроны с греческими фалангами (III. 72. 2). Турки, как некогда римляне, стараются не вести двух войн одновременно (II. 41) и по их же примеру осуществляют осадные действия (III. 67. 7). Герой Четвёртой австро-турецкой войны писал следующее: «Презрение к туркам было главной причиной наших поражений: пренебрегая из-за бравады или безрассудства разумным соотношением сил, выступая малым числом против превосходящего, мы сами вручали победу варварам» (III. 26. 2).

Обращаясь к военному опыту древних, Монтекукколи преследует несколько целей. Во-первых, таким способом он объясняет причины отказа от того или иного архаичного вида вооружения (I. 15. 3, 17. 1). Во-вторых, подводит к мысли о необходимости реформ в разношёрстных вооружённых силах Священной Римской империи (III. 18. 3). В-третьих, путём аналогий знакомит читателей с военными обычаями народов, малоизвестных для Западной Европы (III. 13). В тоже время Монтекукколи подчёркивает значение современного опыта и практических навыков, ибо одно только знание античных военных трактатов не делает из дилетанта полководца (III. 20. 1).

¹ «Когда читаешь Монтекукколи... становится совершенно очевидно, что мы ушли от его методов дальше, чем он от методов римлян» (*Мориц Саксонский*. Теория военного искусства. М., 2009. С. 27).

Интересно сравнить «Записки» Монтекукколи с сочинением «О военном искусстве» Никколо Макиавелли. «Dell'arte della guerra» было закончено в 1520 г. Его автор, также как и Монтекукколи, ратовал за повсеместное введение регулярной армии. Оба итальянца идеализировали легионы древнего Рима. Оба активно заимствовали античные стратегемы, особенно из «Истории» Тита Ливия. Впрочем, есть и существенные различия. Скажем, флорентиец основой войска считал пехоту и недооценивал огнестрельное оружие. У Монтекукколи инфантерия, кавалерия и артиллерия – равнозначные участники битвы. Макиавелли, желая воскресить военную доблесть предков, часто давал волю воображению. Например, он не видел никакой разницы между македонской фалангой и бригадой швейцарцев¹. Выходец из Модены не позволял себе фантазий. Он был военным до мозга костей и доказал это полувековой службой на полях сражений. Но главное – это манера изложения. Рассуждения Макиавелли о войне имеют форму диалога без чёткой структуры и деления на главы. «Записки» Монтекукколи – это свод правил и прописных истин. Они структурированы и актуальны. Милиционное ополчение, созданное Макиавелли, было с лёгкостью разогнано испанцами. Монтекукколи, в качестве президента гофкригсрата, успешно провёл ряд важных преобразований в австрийской армии².

Итак, «Записки» Раймондо Монтекукколи могут считаться оригинальным практическим руководством, учитывающим вневременные достижения античного военно-теоретического наследия. Древние хитрости и уловки во многом персонафицированы, отражают жизнь ушедших поколений. Монтекукколи тоже стал персонажем стратегем. Наполеон Бонапарт отдавал ему должное как противнику знаменитого маршала Тюренна³. Карл фон Клаузевиц считал его знатоком стратегического маневрирования⁴. У историков Второй мировой войны имя Монтекукколи ассоциируется с лёгкими крейсерами итальянского флота.

Таблица 1. Военные деятели классической древности
на страницах «Memoires de Montecuculi»

Персоналия	Упоминание	Вероятные источники
Авл Вителлий (15-69 гг.)	III.49.1	Tac. Hist. II.11
Авл Алиен Цецина (I в.)	III.49.1	Tac. Hist. II.11
Александр III Македонский (356-323 гг. до н.э.)	I.48.2, 63.3; III.12.1, 26.1	Curt. IV.12.21, VIII.5.4
Амбиорикс	III.13	Caes. B.G. V.34

¹ Макиавелли Н. О военном искусстве / Пер. с итал. Вступ. ст. и примеч. Р.В. Светлова. СПб., 1999. С. 53.

² Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М., 2002. С. 168.

³ Бонапарт Н. Войны Цезаря, Тюренна, Фридриха Великого / Пер. с фр. Комментар. В.Е. Климанова и Е.Ф. Морозова. М., 2005. С. 263-265, 279-284.

⁴ Клаузевиц К. фон. О войне. В 2 т. Т. II / Пер. с нем. М., СПб., 2002. С. 290.

(I в. до н.э.)		
Антиох III Великий (241-187 гг. до н.э.)	III.20.1	Liv. XXXVII
Априй (VI в. до н.э.)	I.90	Herod. II. 161
Аристид (530-468 гг. до н.э.)	III.20.2	Plut. Arist. 5
Гай Юлий Цезарь (100-44 гг. до н.э.)	I.48.2, 57.1, 63.3; III.12.1, 20.1	Suet. Caes. 57; Plut. Caes. 17; Dio Cass. XLII.49
Гай Юлий Цезарь Август (63 г. до н.э. – 14 г. н.э.)	III.11.1	Dio Cass. LV.24.9, 25.5
Ганнибал Барка (247-183 гг. до н.э.)	I.48.2,3, 50.1; II.6, 41, 65; III.8.2, 12.1, 35.2	Liv. XII.1.3; XXIV.20.15; XXV.19.9-17; XXX.
Гасдрубал Гискон (III в. до н.э.)	I.50.1	App. Lib. 24, 29, 36, 38
Гней Домиций Корбулон (7-67 гг.)	III.20.1	Tac. Ann. XIV.24
Гней Помпей Магн (106-48 гг. до н.э.)	III.35.2	App. B.C. II.
Квинт Фабий Максим (275-203 гг. до н.э.)	I.48.2; II.72; III.20.1, 45.3	Liv. XXII-XVII; Plut. Fab. Max.; App. Hann.
Луций Лициний Лукулл (118-56 гг. до н.э.)	II.22	Plut. Luc. 27
Луций Эмилий Павел (229-160 гг. до н.э.)	III.20.1	Liv. XLIV. 22
Марк Ульпий Нерва Траян (53-117 гг.)	III.20.1	Plin. Pan. XV
Марк Лициний Красс (115-53 гг. до н.э.)	III.27.2	Plut. Crass. 17-33
Марк Клавдий Марцелл (270-208 гг. до н.э.)	I.50.1	Liv. XXX
Марк Сальвий Отон (32-69 гг.)	III.49.1	Tac. Hist. II.11
Марк Центений Пенула (III в. до н.э.)	II.41	Liv. XXV.19.9-17
Мильтиад (550-489 гг. до н.э.)	III.20.2	Plut. Arist. 5
Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (235-183 гг. до н.э.)	I.48.3,50; III.8.1, 20.1, 35.2	Liv. XXX, XXXVII- XXXVIII
Публий Лициний Красс Дивит (240-183 гг. до н.э.)	I.50.1	Liv. XXX
Публий Сульпиций Гальба (III-II вв. до н.э.)	III.49.1	Liv. XXXI. 6
Сифакс	I.50.1	Liv. XXX

(III в. до н.э.)		
Тиберий Семпроний Гракх (220-154 гг. до н.э.)	III.8.1	Front. Strat. II.5.3, 14; III.5.2
Тиберий Друз Клавдий Юлий Цезарь Нерон (13 г. до н.э. – 23 г. н.э.)	III.20.1	Tac. Ann. II. 44
Тигран II Великий (140-55 гг. до н.э.)	II.22	Plut. Luc. 27
Тиридат I (I в.)	III.13	Tac. Ann. XIII. 40
Тит Флавий Домициан (51-96 гг.)	I.49.2	Front. Strat. I.3.10
Фабий Валент (I в.)	III.26	Tac. Hist. II.30
Филипп II Македонский (382-336 гг. до н.э.)	I.48.3; II.48; III.4.1	Front. Strat. I.3.4

CLASSICAL STRATEGEMS IN MONTECUCCOLI'S "MEMOIRS"

E.S. Danilov (Yaroslavl')

Raimondo Montecuccoli was one of the famous military leaders that served to the House of Gabsburg in the 17th century. During the numerous military campaigns against the Swedes, the French and the Turkish the Italian aristocrat fairly showed himself as a prominent practical man in military affairs. Generalissimo's theoretical reflections are expounded in his "Memorie della guerra" that was firstly published in 1703. The author of the report has a purpose to underline the Greek and Roman influence on Montecuccoli's tactical ideas.

«ВТОРЫЕ УЗЫ» АПОСТОЛА ПАВЛА

А.А. Торканевский (Минск, Беларусь)

Статья посвящена проблеме так называемых «вторых уз» апостола Павла. Странники данной теории используют предание о путешествии Павла в Испанию для ее подтверждения. В статье рассматриваются свидетельства источников, касающиеся посещения апостолом Испании. Основными и наиболее ранними письменными свидетельствами об этом являются документы I в. н.э. – «Послание к римлянам» апостола Павла и «Первое послание к коринфянам» Климента Римского. Анализируя данные этих источников, автор приходит к выводу о невозможности доказательства путешествия Павла в Испанию. Следовательно, легенда о путешествии Павла в Испанию не может служить надежным аргументом в пользу теории о «вторых уз» апостола.

Ключевые слова: христианство, апостол Павел, Испания, вторые узы, Климент Римский, Послание к римлянам, Первое послание к коринфянам.

Как известно, новозаветная книга «Деяния Апостолов», авторство которой приписывается евангелисту Луке, оканчивается на том месте, где говорится, что апостол Павел был доставлен в Рим для судебного разбирательства и два года жил в Риме, «проповедуя... и уча о Господе Иисусе Христе... невозбранно» (Деян., XXVIII, 30–31). Что произошло с Павлом дальше, и как закончился для него судебный процесс? Об этом Лука, к сожалению, умалчивает.

В целом, по поводу дальнейшей судьбы апостола Павла мнения историков расходятся. Дело в том, что мученичество Павла традиция связывает с гонением на христиан при Нероне, вызванным пожаром 64 года (Евсевий. Ц. И., II, 25). Поэтому те ученые, которые склонны считать, что гонение ограничилось стенами Рима и 64 годом, относят гибель Павла к этому году¹. А те исследователи, которые думают, что гонение продолжалось несколько лет, датируют мученичество Павла 67–68 гг.² Вторая группа авторов, таким образом, принимает версию о двукратных узак Павла. Исключение, пожалуй, составляет В. Болотов³, который не связывает гибель Павла с нероновскими гонениями. При этом ученый основывает свою гипотезу на том, что, согласно традиции, Павел был казнен мечом, как римский гражданин, а во время гонений вряд ли стали бы учитывать римское гражданство⁴. Трудно не согласиться с этим предположением.

На чем же основывают свою теорию защитники «вторых уз» Павла? И что, по их мнению, происходило с Павлом после освобождения из «первых уз»? Ответы на эти вопросы можно получить, рассмотрев следующие источники.

Во-первых, это известное место из «Послания к римлянам» (XV, 24, 28), где апостол Павел сообщает о намерении посетить Испанию. Аргументация в данном случае сводится к тому, что Павел не мог посетить Испанию до заключения в Риме, так как «Послание к римлянам», согласно распространенной датировке⁵, было написано в 58 г., до заключения апостола в узы. Поэтому Павел мог посетить Испанию только после освобождения из первых уз, т.е. в промежутке времени между первыми и вторыми узами. Другой вопрос, смог ли апостол вообще посетить Испанию?

Во-вторых, это отрывок из «Первого послания к коринфянам» Климента Римского, где сообщается о достижении Павлом «границы Запада» (1 Клим., 5). Традиционно этот источник датируют серединой 90-х гг. I в. н.э.⁶

¹ Куртц И. Очерки церковной истории. СПб., 1868. С. 19; Покровский И. Записки по истории христианской церкви: в 2 ч. СПб., 1864. Ч. 1. С. 81; Гарнак А. Сущность христианства // Общая история европейской культуры: в 5 т. СПб., 1908. Т. 5. С. 110; Юлихер А. Религия Иисуса и начало христианства до Никейского собора // Общая история европейской культуры: в 5 т. СПб., 1908. Т. 5. С. 191.

² Горский А. История евангельская и церкви апостольской. М., 1883. С. 530; Лорци Й. История церкви. М., 1999. С. 48; Поснов М. История христианской церкви (до разделения церквей – 1054 г.). Киев, 1991. С. 69; Норт Дж. История христианской церкви от дня пятидесятницы до наших дней. М., 1993. С. 27; Смирнов Е. История христианской церкви. СПб., 1886. С. 29, 31; Функ Ф. История христианской церкви. М., 1911. С. 25.

³ Болотов В. Лекции по истории древней церкви: в 3 т. СПб., 1913. Т. 3. С. 55.

⁴ Там же.

⁵ Аллар П. Христианство и Римская Империя от Нерона до Феодосия. СПб., 1898. С. 11; Бароний Ц. Деяния церковные и гражданские. М., 1913. С. 51; Гетте В. История церкви от рождения Господа нашего Иисуса Христа до наших дней: в 2 т. СПб., 1872. Т. 1. С. 246, 248; Дюшен Л. История древней церкви: в 2 т. М., 1912. Т. 1. С. 37; Ковальский Я. Папы и папство. М., 1991. С. 6; Ренан Э. Антихрист. М., 1991. С. 412; Фаррар Ф. Жизнь и труды апостола Павла. СПб., 1887. С. 544.

⁶ Aland K. A History of Christianity. Vol. 1. From the Beginnings to the Threshold of the Reformation. Philadelphia: Fortress Press, 1985. P. 147; Barnard L.W. Studies in church history and patristics. Thessaloniki: Patriarchal Institute for Patristic studies, 1978. P. 132; Daniel-Rops H. The Church of the Apostles and Martyrs. London: J. M. Dent & Sons Ltd., 1960. P. 94; Finegan J. Light from the ancient past. The Archeo-

Из первого источника действительно следует, что апостол намеревался посетить после Рима Испанию. Кроме того, о серьезности данного намерения говорит двукратное его упоминание Павлом в послании. Но смог ли апостол осуществить свои планы относительно Испании? Новозаветные книги об этом умалчивают. Ничего не говорит Новый завет и об испанских христианах. Примечательно, что римская община – самая западная из всех христианских общин, упоминаемых в Новом завете. Поэтому было бы слишком смелым утверждать факт посещения Павлом Испании, основываясь только на намерениях апостола. Очевидно, что этого мало для установления достоверности этого события.

В то же время на возможность осуществления Павлом своего намерения посетить Испанию намекает в «Первом послании к коринфянам» римский епископ Климент. Согласно церковной традиции (Ириней. Против ересей, III, 3, 3; Евсевий. Ц. И., III, 4; III, 21; Иероним. О знаменитых мужах, 15), Климент был третьим епископом Рима после апостола Петра.

Поводом к написанию послания послужили раздоры, расколовшие коринфских христиан по вине «дерзких и высокомерных людей» (1 Клим., 1). Укоряя коринфян в зависти и раздорах, автор послания на примере судьбы апостолов (Петра и Павла) показывает, к чему могут привести эти самые раздоры (этим самым автор дает понять, какая опасность грозит коринфской церкви): «По ревности и зависти величайшие и праведные апостолы церкви подверглись гонению и смерти... Петр от беззаконной зависти понес... многие страдания.. Павел, по причине зависти, получил награду за терпение: он был в узах семь раз, был изгоняем, побиваем камнями. Будучи проповедником на Востоке и Западе, он приобрел благородную славу за свою веру, так как научил весь мир правде, и доходил до границы Запада, и мученически засвидетельствовал истину перед правителями» (1 Клим., 5). Именно этот отрывок используется для доказательства путешествия апостола Павла в Испанию¹. Однако тут возникает ряд вопросов.

Во-первых, надо заметить, что ни в этом отрывке, ни в каком-либо другом месте «Первого послания к коринфянам» автор не упоминает само слово Испания.

Во-вторых, что надо понимать под выражением «граница Запада»? Очевидно, что в данном случае возможно двоякое понимание: либо это граница Запада с Востоком, либо это самая западная граница (крайний запад). При этом в первом случае надо понимать, что Павел доходил до Рима, а во втором случае, наверняка, до Испании. К сожалению, у нас нет каких-либо значительных аргу-

---

logical background of the Hebrew-Christian religion. New Jersey: Princeton University Press, 1947. P. 297; Ramsay W. The Church in the Roman Empire before A. D. 170. London: Hodder and Stoughton, 1892. P. 309; Salamito J.M. Clement I // The Papacy: an encyclopedia / Philippe Levillain, general editor; John W. O'Malley, English language edition editor. Vol. 1. New York, London: Routledge, 2002. P. 327; Schatz K. La Primauté Du Pape. Son histoire des origines à nous jours. Paris: Les Éditions du Cerf, 1992. P. 16.

¹ Циркин Ю.Б. Распространение христианства в Испании до Миланского эдикта // Iberica: культура народов Пиренейского полуострова. Л., 1983. С. 25-26.

ментов в пользу первого или второго толкования. С одной стороны, нет никаких следов пребывания Павла в Испании, нет и предания в испанской церкви о проповеди Павла на Пиренейском полуострове (что, вероятно, было бы в случае пребывания там этого апостола). Примечательно, что и никакого особого культа этого святого в Испании нет (покровителем Испании, как известно, считается святой Иаков). Более того, предание о проповеди Павла в Испании сначала было не очень широко распространено. Только с IV в. эта легенда получает распространение в трудах греческих церковных писателей¹. В то же время, ни Евсевий, ни Иероним не упоминают о путешествии Павла в Испанию.

Впрочем, тот же Иероним пишет, что «когда власть Нерона еще не утвердилась, а его порок еще не проявился до такой степени, как это описывается в истории, Нерон отпустил Павла, и Евангелие Христа могло проповедоваться на Западе» (О знаменитых мужах, 5). Таким образом, Иероним допускает возможность освобождения Павла из первых уз и говорит о его проповеди на Западе, как и Климент Римский. Но и Иероним не упоминает, что он имеет в виду под Западом. По-видимому, слово Запад у этого автора использовано в широком смысле слова, когда под Западом можно понимать и Рим, что вполне согласуется с историческими данными. Впрочем, трудно однозначно установить, что понимает под Западом Иероним.

С другой стороны, если под сообщением Климента Римского понимать крайнюю западную границу, а не границу востока с западом, то в этом случае надо, несомненно, иметь в виду Испанию. Именно Испания в те времена считалась самой крайней границей обитаемого западного мира, о чем свидетельствует знаменитый античный географ и историк Страбон (ок. 64 г. до н.э. – ок. 23 г. н.э.). В своем труде «География» он приводит следующие сведения об Испании (Иберии): «Как я уже сказал, первая часть Европы – западная, именно Иберия... Это самый западный пункт не только Европы, но и всего обитаемого мира, ведь обитаемый мир кончается на западе этими двумя материками (именно мысами Европы и крайними оконечностями Ливии; одну из этих областей занимают иберийцы, другую – маврусии)...» (География. III, 1).

Итак, Страбон совершенно определенно и однозначно говорит об Испании, как о самом западном обитаемом регионе. Э. Ренан, кстати, также замечает, что Испания считалась в древности границей запада². И.С. Свенцицкая же склонна видеть в словах Климента прямое указание на Испанию³. С ней согласен ряд авторов⁴. Это мнение поддерживает также З. Косидовский, который замечает, что у Климента есть намек на то, что Павел был приговорен к изгнанию⁵. Впрочем, такой приговор можно вывести из Послания с натяжкой («был

¹ Там же. С. 24.

² Ренан Э. Апостол Павел. М.: Терра, 1991. С. 209.

³ Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории. М., 1989. С. 83.

⁴ Горский А. Указ. соч. С. 520; Кассиан (*Безобразов*) еп. Христос и первое христианское поколение. Париж–М., 1996. С. 177.

⁵ Косидовский З. Сказания евангелистов. М., 1981. С. 142.

изгоняем»). Тем не менее, продолжает З. Косидовский, изгнание как вид наказания применялось в Риме очень широко, а одним из мест ссылки была именно Испания¹. А тот факт, что в Испании не сохранились следы деятельности Павла, ученый объясняет бурным характером истории Пиренейского полуострова (набеги варваров и мавров), уничтожившим эти следы. Шаткость данной аргументации очевидна, поскольку она основана на намеке, вернее, на двух намеках: первый, когда под Западом Климента надо понимать только Испанию, второй – намек на приговор к изгнанию. А ведь изгнать могли не только в Испанию, но и, например, на Крымский полуостров, что часто и делали в таком случае (Крым с его «суровым» для римлян климатом был идеальным и излюбленным местом для ссылки преступников и христиан в том числе).

Итак, свидетельство Климента Римского ставит нас в трудное положение. Проблема заключается в неоднозначном намеке Климента, дающем повод к двойному толкованию его слов. Поэтому нелегко однозначно сказать, что значит Запад Климента. Такая ситуация может быть либо отражением хорошей осведомленности коринфян о судьбе Павла (в таком случае им достаточен был лишь намек (Запад), и они понимали, о чем идет речь), либо, скорее, отражением неуверенности Климента в судьбе Павла. По словам И.С. Свенцицкой, «такая неопределенность в самой христианской традиции как раз и может быть связана с тем, что в конце своей проповеднической деятельности Павел действительно был одинок, и поэтому следы его затерялись»². З. Косидовский тоже обращает внимание на то, что перед казнью Павел остался одинок, так как друзья и ученики покинули его³. Действительно, по словам самого Павла (2 Тим., 1, 5; 4, 10; 16, 20), многие оставили его, кроме Луки (но, судя по посланию, с Павлом все-таки были еще Еввул, Пуд, Лин и Клавдия).

Отсюда неудивительно, что Климент Римский действительно мог не знать о путешествии Павла в Испанию. А если он и подразумевал под Западом Испанию, то мог сделать вывод о посещении Павлом Испании на основании известных слов самого Павла в «Послании к римлянам». И, таким образом, высказанная мысль апостола Павла о намерении отправиться на Пиренейский полуостров через несколько десятилетий породила уверенность в его осуществлении.

Итак, на основании неясного сообщения Климента мы не можем с уверенностью утверждать, что апостол Павел побывал в Испании. Более того, мы не можем этого сделать и на основании слов самого Павла в «Послании к римлянам», когда он пишет всего лишь о намерении посетить Испанию. Поэтому посещение Павлом Испании как один из аргументов в пользу теории о «вторых узак» апостола придется исключить.

SECOND IMPRISONMENT OF THE APOSTLE PAUL

A. Torkanevskiy (Minsk, Belarus)

¹ Там же.

² Свенцицкая И.С. Указ. соч. С. 83.

³ Косидовский З. Указ. соч. С. 138-139.

The article deals with the problem of so-called second imprisonment of Paul the Apostle. Proponents of this theory turn to the legend of Paul's journey to Spain for its confirmation. The article discusses evidence of sources relating to Paul's visit to Spain. The main and the earliest written evidence of this are the documents of I century B.C. - "Epistle to the Romans" of Paul the Apostle and "First Epistle to the Corinthians" by Clement of Rome. By analyzing data from these sources, the author concludes the impossibility of Paul's journey to Spain. Thus, the legend of Paul's journey to Spain can't serve as a reliable argument in favor of the theory of the second imprisonment of the apostle.

Key words: Christianity, Paul the Apostle, Spain, second imprisonment, Clement of Rome, Epistle to the Romans, First Epistle to the Corinthians.

ПОХОД ФИЛИМЕРА И ПРОБЛЕМА ГИБЕЛИ КРЫМСКОЙ СКИФИИ

С.В. Ярцев (Тула)

В статье исследуются обстоятельства похода готского войска Филимера на спалов, известного из сочинения Иордана. По мнению автора, речь в тексте идет о разгроме Крымской Скифии, царский род которой - палеи - в очередной раз восстал против римлян и боспорян. Действуя в рамках договора с римлянами, готы разгромили скифов и получили за это землю для расселения.

Ключевые слова: Римская империя, Крымская Скифия, готы, сатархи, палеи.

Еще недавно разгром Крымской Скифии представлялся финалом позднескифской истории и не вызывал особых вопросов. Десятки убитых и непогребенных людей со следами насильственной смерти, обнаруженных в верхних слоях позднескифских городищ Усть-Альма, Альма-Кермен и Неаполь, красноречиво свидетельствовали о разразившейся здесь в первой половине III в. трагедии¹. Однако исследования последнего времени вызывают необходимость вновь обратиться к рассмотрению указанных событий.

Подводя итоги многолетним раскопкам поселения в Барабановской балке, И.Н. Храпунов приходит к выводу о наличии позднескифской культуры у жителей этого пока единственного варварского поселения IV в., известного на территории Крыма за пределами античных государств². Однако если часть поздних скифов смогла пережить разгром Крымской Скифии, то непонятно, почему ими не были захоронены погибшие соотечественники на указанных выше поселениях. Странно также и то, что напавшие враги вместе с указанными скифами не тронули и некоторых сармат, могильники которых (Дружное, Нейзац, Черноре-

¹ *Высотская Т.Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972. С. 36. 60-61, 187; *Она же.* Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979. С. 200-204; *Пуздровский А.Е.* Мегароны позднескифского поселения у с. Доброе // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 161; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 36; *Зайцев Ю.П.* Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь, 2003. С. 45; *Храпунов И.Н.* Этническая история Крыма в раннем железном веке / Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2004. Вып. VI. С. 122-123.

² *Храпунов И.Н., Власов В.П., Смокотина А.В.* Поселение в Барабановской балке (по результатам раскопок 2004-2006 гг.). Симферополь, 2007. С. 19-20; *Храпунов И.Н., Власов В.П., Смокотина А.В., Шапцев М.С.* Поселение в Барабановской балке (по результатам раскопок 2007 и 2008 гг.). Симферополь, 2009. С. 38-39.

ченский, Севастопольский и др.) продолжали функционировать в позднеантичное время¹. Возможно, это объясняется тем, что многие из переселенцев не вступали в тесные контакты с погибшей впоследствии группой скифов, что наглядно прослеживается по археологическому материалу могильника Нейзац². Это при том, что многие сарматы уже давно мирно проживали вместе со скифами³, образуя этнографические группы промежуточного скифо-сарматского облика⁴.

Указанные особенности нападения врагов на территорию Таврики в первой половине III в. косвенно подтверждают выводы ученых о наличии многочисленных племенных группировок Предгорного Крыма, только на время объединенных в одно государство аристократическим родом Скилура и его сына Палака⁵. После разгрома скифов Диофантом Крымская Скифия вновь распалась на ряд областей⁶, управляемых своими правителями или династами, названными в античной традиции «сыновьями» Скилура⁷. Косвенно это подтверждают данные археологии⁸ и наименования скифских городищ Напит (Steph. Byz., s.v. Ναλίτης; НЭПХ, I, 1), Палакий (Strabo, VII, 4,7; Plin. NH. IV, 86) и Хабеи (Strabo, VII, 4,7; IOSPE, I², 353), в которых определенно отразились названия наиболее значительных скифских племенных или этнических групп⁹. Благодаря Диодору Сицилийскому, до нас дошел один из вариантов генеалогической скифской легенды о братьях Пале и Напе и народах, названных их именами – «палеев» и

¹ Храпунов И.Н. Этническая история ... С. 134-154.

² Например, здесь отсутствует практика довольно распространенного в Таврике скифского обычая заваливать входные ямы могил камнями (Там же. С. 136).

³ Следов военных действий на позднескифских поселениях времени расселения в Крыму сарматских переселенцев (I-II вв. н.э.) не обнаружено (Храпунов И.Н. Сарматизация предгорного Крыма (до середины III в. н.э.) // МАИЭТ. Симферополь, 2003. Вып. X. С. 45).

⁴ Ушаков С.В. Варвары горной Таврики на рубеже эпох: Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III – середина VI вв. н.э.) Опыт реконструкции // Археологический альманах. Донецк, 2010. Вып. 23. С. 138.

⁵ Зубарь В.М. Еще раз по поводу позднескифской государственности // МАИЭТ. Симферополь, 2002. Вып. IX. С. 509.

⁶ Улусы по А.М. Хазанову (Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975. С. 198).

⁷ Зубарь В.М. Еще раз по поводу ... С. 509, 513. Плиний упоминал о 23 племенах и 6 городах «Оргокины, Харакены, Ассираны, Стактары, Акисалиты, Калиорды», расположенных «внутри» Таврики (Plin. NH. IV, 85) и отождествляемых В.Г. Зубаревым с варварскими поселениями (убежищами-акрополями) в Предгорном Крыму (Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005. С. 228-230).

⁸ На основании археологических исследований делается вывод о наличии у поздних скифов территориальных общин, базировавшихся на определенной форме земельной собственности и являвшихся более менее самостоятельными экономическими единицами (Пуздоровский А.Е. Очерк этносоциальной истории Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. 1999. №3. С. 114, 118; Зубарь В.М. Еще раз по поводу... С. 514).

⁹ Щеглов А.Н. Еще раз о позднескифской культуре в Крыму (к проблеме происхождения) // История и культура древних и средневековых обществ. Проблемы археологии. СПб., 1998. Вып. 4. С. 147-148; Пуздоровский А.Е. Этническая история крымской Скифии (II в. до н.э. – III в. н.э.) // ХСб. Севастополь, 1999. Вып. X. С. 211; Храпунов И.Н. Этническая история ... С. 88; Зубарь В.М. Еще раз по поводу ... С. 513.

«напеев» (Diod. II, 43, 2,4). При этом известно и то, что изначально отношения между этими двумя главными этническими группами скифов были враждебными. По словам Плиния, в свое время напеи даже были уничтожены палеями (Plin. NH. VI, 50)¹, что, конечно, говорит не о полной ликвидации последних, а о насильственном подчинении их более могущественному роду.

Судя по имени сына Скилура – Палака, именно к палеям принадлежал царский род Скифии, который и претендовал на верховную власть над всеми скифами. На то, что в позднескифское время сохранялась легенда о происхождении скифов, свидетельствует и возведение крепости с этим же названием: «...в Херсонесе существовали и укрепления, которые построил Скилур и его сыновья, и которые служили для них опорными пунктами в военных действиях против митридатовых военачальников, именно Палакий, Хаб и Неаполь ...» (Strabo, VII, 4,7). Безусловно, в дальнейшем именно этот род, пытаясь вернуть свою власть над всеми крымскими скифами, организовывал сопротивление римским и боспорским властям. Следовательно, для покорения скифской территории Риму и Боспору надо было уничтожить в первую очередь палеев и особенно аристократическую верхушку этой этнической группы. Развертывание событий по такому сценарию косвенно подтверждает автор IV в. Аммиан Марцелин. В своей «Римской истории», описывая «страшных своей дикостью» тавров, он называет среди них помимо племен древней традиции «арихов» и «синхов» (арехов и синдов)² еще и «напеев», странным образом не упоминая при этом соседних палеев (Amm. Marc. XXII. VIII, 33). Не исключено, что это могло быть по причине хорошей осведомленности автора о гибели последних в недалеком прошлом.

В проблему идентификации и локализации спалеев некоторую путаницу вносит Плиний. Позаимствовав сведения из какого-то древнего и не дошедшего до нас источника, он сообщает о 13 племенах, перешедших Танаис, начиная список с сатархеев и заканчивая его сатархеями-спалеями (Plin. NH. VI, 22). Из этого достаточно «темного» списка племен, неизвестных по другим источникам, только существование сатархов надежно подкреплено источниками. Тот же Плиний в конечном итоге размещает их в Восточном Крыму³. Помпоний Мела в своей «Хронографии» также достаточно надежно локализует их в Крымском Приазовье⁴, а Стефан Византийский, ссылаясь на Домития Каллистрата (II-I вв.

¹ Хотя в другом месте Плиний пишет, что напеи были уничтожены другими племенами (Plin. NH. VI, 22).

² Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. С. 150-151, 353.

³ Крымские горы «занимают скифо-тавры; они с запада граничат с Херсонесом Новым, а с востока – со скифами-сатавками» (Plin. NH. IV, 85).

⁴ «Затем косяя полоса земли, спускающаяся к Боспору, ограничивается Понтом и Меотидою. Страну ее, обращенную к Болоту, занимают сартаги, со стороны Евксинского моря живут таврики» (Mela, II, 3). Далее следуя по периллу с востока на запад и сообщив о Херсонесе, Мела пишет о крымском побережье в районе Каркинитского залива и Перекопа: «Затем море подходит к берегу и до расстояния 5000 шагов от Меотиды придает почти вид острова местности занятой сатархами и тавриками» (Mela, II, 4). Очевидно, что речь в последнем случае идет о Крыме в целом, и рассматри-

до н.э.) подтверждает проживание сатархов на Керченском полуострове¹. Здесь же один из населенных пунктов носил название Сатарха² (Ptolem. V, 4, 5).

Исходя из контекста сообщения Плиния, племена, переходившие Танаис, относят к сарматским, ведь именно с перешедшими Дон племенами обычно связывают сарматскую экспансию в Северное Причерноморье³. Еще в конце первой трети – середине III в. до н.э. подверглась разгрому не только Великая Скифия, но и сельскохозяйственные округа всех крупных греческих государств. Особенно серьезно пострадала хора Ольвии и Северо-Западный Крым⁴. В пожарах также погибли поселения и на территории Европейского Боспора⁵. Как пишет А.А. Масленников, хозяйственный и экологический кризис, сарматское и кельтское вторжения стали причиной вынужденного перемещения в Крым новой волны условно скифского населения из Днепро-Донского междуречья и даже, возможно, лесостепи. Археологический материал свидетельствует, что между пришлыми и местными варварами взаимоотношения приняли форму жесткого конфликта. На территории Керченского полуострова большинство населенных пунктов были разрушены и заброшены, а уцелевшие местные жители во второй половине III и на рубеже II-I вв. до н.э. обитали в немногочисленных, но хорошо укрепленных прибрежных (приазовских) поселениях городищах. Этнический состав их был смешанный, хотя и прослеживается преемственность прежних традиций⁶.

При таком положении дел трудно не согласиться с мнением, что вряд ли когда-нибудь удастся выделить сатархов археологически⁷, если только не предположить, что под этим названием в указанное время могли скрываться вообще все жители Крымского Приазовья. При этом данное население было достаточно

вать описанный Мелой полуостров в качестве Тарханкута нет никаких оснований (*Щеглов А.Н.* О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху // ВДИ. 1966. №4. С. 146; *он же.* Еще раз о позднескифской культуре ... С. 143-146; *Десятчиков Ю.М.* Сатархи // ВДИ. 1973. №1. С. 131-135).

¹ «Тафры ... - страна у Меотийского озера, которую окружали рвами рабы, вступившие в связь со своими господами ..., когда господа их воевали с фракийцами...страну-де заселили саторхен» (*Steph. Byz., s.v. Ταφραι*). Упомянутый в тексте ров «потомков слепых», судя по характеристике Геродота пересекал перешеек в самой узкой его части от берега Азовского моря до крайних отрогов Крымских гор (*Herod., IV, 3*) и в любом случае локализуется в Восточном Крыму (*Масленников А.А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М.; Тула, 2003. С. 196-203).

² Локализуется на южном участке Узунарского вала и отождествляется с поселением на г. Атаманской (*Зубарев В.Г.* Ук. соч. С. 277-278).

³ *Пуздоровский А.Е.* Политическая история Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. 2001. № 3. С. 92-93.

⁴ *Уженцев В.Б.* Эллыны и варвары прекрасной гавани (Калос Лимен в IV в. до н.э. – II в. н.э.): Материалы по археологии Крыма. Симферополь, 2006. С. 115-117.

⁵ *Масленников А.А.* Исследование сельской округи европейского Боспора // РА. 1997. №3. С. 63.

⁶ *Масленников А.А.* Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI-I вв. до н.э.) // Боспорский сборник. М., 1995. №8. С. 67.

⁷ *Симоненко А.В.* Погребение у с. Чистенькое и «странные» комплексы последних веков до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2001. №4. С. 98; *Храпунов И.Н.* Этническая история ... С. 89.

воинственным, об этом свидетельствует разразившаяся вскоре война между сар usernameами и крымскими ски usernameами. По-видимому, еще в период образования Скифского государства в начале II вв. до н.э. скифы предъявили претензии как на плодородные земли Западного¹, так и Восточного Крыма. Именно этим обстоятельством может объясняться захват Скилуrom не только земледельческой территории Херсонеса в Северо-Западном Крыму, но и развязанная им война с «пиратствующими сатархеями», известная нам из надписи, поставленной в Неаполе (IOSPE I², 672)². Конечно, исходя из текста, мы не можем точно сказать, велась ли война исключительно где-то на море (сар usernameархи, скорее всего, промышляли пиратством в традиционном для этого зан usernameатия месте, недалеко от побережья Ахиллова Бега), или находящийся на службе у Скилура ольвиополит Посидей сын Посидея³ разбил сатар usernameов в наземном сражении, завоевав их землю. В этой связи, несомненный интерес представляет восстановленное А.Е. Пуздровским имя сатар usernameов в декрете, в котором чествовали херсонесских граждан, отличившихся под стенами Калос Лимена (IOSPE I², 353), где Диофантом было разгромлено огромное войско Палака⁴. При этом учен usernameый предполагал создание скифскими правителями широкой антими usernameитридатовской коалиции из варварских племен⁵. Данная гипотеза может объяснить последующие (в начале I в. до н.э.) войны понтийского полководца с какими-то местными вар usernameаварами на Боспоре. Известно, что Неоптолем разбил их летом в морском сражении в Керченском проливе, а зимой в конном бою (Strabo, II, 1,16; VII, 3, 8). Учитывая наличие у данных вар usernameаваров кораблей, А.А. Масленников предположил, что противниками понтийцев могли являться «пиратствующие сатар usernameархи»⁶. В любом случае, очевидно, что только со времени покорения ски usernameами приазовских сатар usernameов и возможного уничтожения их пиратской базы в районе Ахиллова Бега, мог появиться сдвоенный этноним «сар usernameархеи-спалеи» попавший в поле зрения Плиния. Скорее всего, он означал прямое подчинение сатар usernameов ски usernameам (роду Скилура и Палака) и даже возможное расселение некоторых представителей позднескифского государства в Крымском Приазовье. Следовательно, в списке племен, «перешедших Танаис», фигурируют два одновременных названия одного и того же народа, осевшего в Крымском Приазовье, а этноним «сар usernameархеи-спалеи» не дает ника-

¹ Уженцев В.Б. Эллины и вар usernameавары ... С. 119-122.

² «Ахиллу, владыки острова, посвятил Посидей, сын Посидея, победив пиратствующих сатар usernameов». Надпись датируется исследователями не позднее 40-х годов II в. до н.э. (Пуздровский А.Е. Политическая история... С. 91-93; Уженцев В.Б. Эллины и вар usernameавары ... С. 122-123).

³ Виноградов Ю.Г. Ольвиополиты в Северо-Западной Таврике // Древности Причерноморья. Чтения памяти П.О. Карышковского. Одесса, 1989. С. 243-246.

⁴ По словам Страбона, войско состояло из ски usernameов и сар usernameатов и достигало 50 тыс. человек (Strabo, VII, 3,17).

⁵ М.И. Ростовцев восстанавливал в данном тексте имя сар usernameатов (савроматов), что противоречило другому декрету, изготовленному в это же время и тем же самым мастером, но в котором сар usernameаты фигурировали в качестве «ревксиналов» (роксоланов) (IOSPE I², 352) (Пуздровский А.Е. Этническая история ... С. 210).

⁶ Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI-II вв. до н.э. М., 1981. С. 71-72.

ких оснований для размещения собственно спалеев вне территории Крымской Скифии.

Все это имеет прямое отношение к гибели Крымской Скифии, так как существует только один письменный источник, возможно, рассказывающий о ее разгроме. Речь идет о хорошо известной «переселенческой саге», сохранившейся в записи Иордана. В древней песне шла речь о том, что Филимер с частью готов после овладения «желанной землей» Ойум перешел реку, и «тотчас же без замедления подступают они к племени спалов и, завязав сражение, добиваются победы» (*Iord. Get.* 28)¹. Если речь здесь действительно идет о разгроме Крымской Скифии, то, разумеется, действовать на территории, подконтрольной Риму, готский вождь мог только в качестве наемника. То, что это так, свидетельствуют и выборочный характер нападения, и особая жестокость, которая, как справедливо пишут В.Ю. Юрочкин и В.Б. Уженцев, обычно проявляется лишь к непокорному вассалу, а не к равному военному противнику². По-видимому, в 218-219 гг. скифы вновь восстали, что хорошо отразили боспорские монеты этого времени. Изображения трофея, пленника, Ники и скачущего всадника, поражающего пешего варвара на боспорских статерах, определенно свидетельствуют об успешных действиях Рескупорида II против варваров³, что действительно может иметь отношение к наименованию последнего царем всего «Боспора и тавроскифов» (КБН. № 1008). В конечном итоге В.Ю. Юрочкин и В.Б. Уженцев на основании тщательного анализа археологического материала и монетных кладов (с самыми поздними монетами Макрина 217-218 гг.) пришли к выводу, что именно в это время Боспором и была окончательно разгромлена округа Неаполя⁴.

Тем не менее, отметим, что во время разгрома Крымской Скифии пострадали поселения, расположенные в западной части бывшего скифского государства (Альма-Кермен, Усть-Альма). Вся эта территория находилась под контролем римлян, и боспорским войскам путь туда был закрыт. При этом очевидно, что уничтожение палеев, претендующих на власть над всей Скифией, произошло единовременно во всех населенных пунктах, имеющих к ним отношение, ведь многие люди так и остались лежать там, где погибли, или же были захоро-

¹ Еще в XIX в. была предложена гипотеза, идентифицирующая спалов со славянским племенем (*Zeuss K. Die Deutschen und Nachbarstämme. München, 1837. S. 58, 87*). Она была основана на якобы имеющемся созвучии «спалов» с наименованием «спорь» из «Войны с готами» Прокопия Кесарийского: «имя же как у склавеннов, так и у антов было вначале одно – и те и другие исстари назывались спорами» (*Bell. Goth.*, III, 14, 29) (*Иордан О происхождении и деяниях гетов. Getica / Вступ. статья, перевод, комментарии Е.Ч. Скржинской. М. 1960. С. 196, ком. 70; Анфертьев А.Н. Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.1. М., 1994. С. 118, ком. 37; Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 148*).

² *Уженцев В.Б., Юрочкин В.Ю.* Керамический комплекс III в. н.э. из Неаполя Скифского // *Старожитності Степового Причорномор'я. Вип. VIII. Запоріжжя, 2000. С. 270.*

³ *Фролова Н.А.* Монетное дело Рескупорида III (211-226 гг.) // *НЭ. 1980. XIII. С. 21.*

⁴ *Уженцев В.Б., Юрочкин В.Ю.* Ук. соч. С. 270.

нены без соблюдения норм принятого обряда¹. Тогда боспорский поход на Неаполь 218 г. с пленными и трофеями мог и не иметь отношения к совсем нехарактерному для боспорян проявлению геноцида, который отчетливо наблюдается по обнаруженным останкам жестоко убитых людей на порогах своих домов и отрубленным головам в неапольских ямах. Не исключено, что окончательное уничтожение палеев произошло все же позднее и было связано с готами, как на то и указывает письменный источник.

К сожалению, установить точную дату нападения на крымских скифов по археологическому материалу практически невозможно. В верхних слоях городищ Усть-Альма, Альма-Кермен, Кермен-Кыра, Джалмана, Доброго нет монет², и поэтому датируются они широким хронологическим диапазоном³. Однако принимая точку зрения о разгроме палеев готским войском Филимера, мы можем уточнить дату разгрома скифских поселений. При этом необходимо учитывать, что самые ранние, достаточно темные письменные свидетельства о появлении готов на юге Европы если и имеют какое-то отношение к исторической реальности, то явно отражают активность отдельных северных дружин, а не миграцию народа⁴.

¹ Более того, на Усть-Альминском могильнике во второй четверти III в. н.э. вообще происходит ограбление склепов и могил I-II вв. н.э. и даже подзахоронение в них представителей других этносов. Судя по археологическому материалу, здесь могли совершаться погребения еще и в начале второй половины III в. н.э. (*Пуздровский А.Е.* Политическая история ... С. 115; *Труфанов А.А.* Новые данные о последнем этапе функционирования позднескифского могильника (по материалам раскопок 2009-2011 гг.) // *STRATUM plus*. 2012. № 4. С. 65-96).

² *Высотская Т.Н.* Поздние скифы ... С. 60-63; *Она же.* Городище Алма-Кермен в Крыму // *Археология*. 1970. XXIV. С. 187-189; *Она же.* Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994. С. 28, 145; *Пуздровский А.Е.* Политическая история ... С. 117.

³ Помимо упомянутой выше гипотезы В.Б. Уженцева и В.Ю. Юрочкина (218 г.), С.Г. Колтухов предлагает датировать разгром скифских поселений рубежом первой – второй четверти III в. н.э. (*Колтухов С.Г.* Укрепления Крымской Скифии. Симферополь, 1999. С. 98). А.Е. Пуздровский вслед за Д.С. Раевским исследовавшим закрытый комплекс в северной части Неаполя, согласен с тем, что разрушения в Крымской Скифии могли произойти около 240 г. Правда виновником нападения ученый предлагает считать алан (*Пуздровский А.Е.* Политическая история ... С. 116-117), тогда как Д.С. Раевский был сторонник готского вторжения в Крым (*Раевский Д.С.* Комплекс краснолаковой керамики из Неаполя // *Ежегодник государственного исторического музея за 1965-1966 гг.* М., 1970. С. 104). Традиционную точку зрения о готском походе на Крым в середине III в. н.э. (до набега на Боспор в 255-256 г.) (*Высотская Т.Н.* Неаполь ... С. 204-205) поддерживают И.Н. Храпунов (*Храпунов И.Н.* Этническая история ... С. 123) и А.И. Айбабин (*Айбабин А.И.* Этническая история ... С. 33-36).

⁴ Например, принято считать, что отец Максимиана Фракийца был родом из «страны готов», а мать из «племени аланов» (SHA, Max. 1, 1-6; Iord. Get. 83). При этом родился будущий император, по расчетам М.Б. Щукина еще при Марке Аврелии, во времена Маркоманских войн (*Щукин М.Б.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005. С. 91-92). Правда в дальнейшем наш источник сообщает, что Максимиан, во время правления Макрина (217-218 гг.) «проживая в том поселке, откуда он был родом, все время поддерживал сношения с гетами. Геты особенно любили его, словно своего соплеменника» (SHA, Max. IV, 4-5). Это фактически сводит на нет любые попытки разместить поселения готов в указанное время вблизи римского лимеса (*Колосовская Ю.К.* Рим и мир племен на Дунае. I-IV вв. н.э. М., 2000. С. 132-134). Император Каракалла в 213-217 гг. по тексту все той же «сочинителей истории Августов» побеждал готов в «случайных стычках» или «беспорядоч-

Первое достоверное свидетельство о переселении готов к границам Римской империи относится к 238 г. В этот год, когда началась борьба избранных сенатом императоров Пупиена, Бальбина и Гордиана III против Максимиана Фракийца, обороной Аквилеи против войск последнего руководил Тулий Менофил (SHA, Max. 21,6; Max. et Balb. 12, 2). За свои заслуги он был назначен Гордианом III наместником Мёзии и видимо оставался на этом посту до 241 или 242 года¹. В самом начале своего наместничества Тулий Менофил принял посольство от рассерженных карпов. Они, по словам Петра Патрикия, «завидую готам, которые ежегодно получали от римлян дань, требовали денег, ссылаясь на то, что они храбрее готов» (Pet. Patr. Fr. 8). В ответ на отказ карпы напали на Мёзию, «и в то же время началась скифская война, и была разорена Истрия» (Dexipr. Fr. 13)², в которой готы, судя по молчанию источников, все же участие не принимали³, ведь «они, хотя и жили в отдалении под управлением своих королей, были федератами римского государства и получали ежегодное вознаграждение» (Iord. Get. 89). Договорные отношения Римской империи с мигрирующими в Северное Причерноморье готами подтверждает и участие последних в восточной кампании Гордиана III 242 г. В наскальной надписи персидского царя Сапора I из Накш-и-Рустама поясняется, что «Гордиан, кесарь, собрал войска со всей Римской империи, от гуттов и германцев»⁴.

Пункты этого несохранившегося в источниках первого договора империи с мигрирующим в сторону Понта народом, еще предстоит выяснить, однако уже сейчас можно с уверенностью сказать, что расселение готов (которым, в отличие от тех же карпов, нужна была земля, а не объекты грабежа) на территории Северного Причерноморья проходило не без участия Рима, достаточно уверенно контролирующего регион⁵. Анализ так называемой брест-тришинской волны движения варваров (приблизительно 150-160 — 220-240 гг.), пик которой при-

ных сражениях (SHA, Sacas. X, 5-6). Однако здесь опять же необходимо учитывать что данный пассаж был необходим автору позднего источника, чтобы назвать Каракаллу «Величайший Гетским, намекая на то, что он убил своего брата Гету и что гетами называются готы» (SHA, Sacas. X, 5-6) (Колосовская Ю.К. Ук. соч. С. 131). Гораздо более достоверной выглядит найденная в Сирии эпитафия legionера наемника по имени «Гута, сына Эрманария», погибшего в 208 г. В этом случае, действительно очень трудно не связать отца и сына с готами (*Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 71-72, комм. 6; Щужин М.Б. Ук. соч. С. 92*).

¹ Щужин М.Б. Ук. соч. С. 90-91.

² По тексту «сочинителей Истории Августов», нападение карпов на Мёзию, «война со скифами» и «разгром Истрии» произошли во время правления Пупиена и Бальбина, то есть в 238 г. (SHA, Max. et Bald. XVI, 3).

³ Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 2001. С. 105.

⁴ Bailey H.W. A Parthian Reference to the Goths // English and Germanic Studies. Cambridge, 1961. №7. P. 82-83; Колосовская Ю.К. Ук. соч. С. 134-135; Буданова В.П. Ук. соч. С. 106; Щужин М.Б. Ук. соч. С. 91.

⁵ До середины III в. в Тире и Ольвии размещались римские войска (IOSPE, I², № 167). Более того, считается, что Тира и Ольвия обладали объемам прав, которые даровались автономным городам на территории Римской империи (Сон Н.А. Тира римского времени. Киев, 1993. С. 53; Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. — первая половина VI в.). Киев, 1998. С. 130).

ходится на 200 г.¹, свидетельствует о замедлении в первой половине III в. юго-восточной миграции готов, что было вызвано, скорее всего, активным противодействием империи этому процессу. В такой ситуации первые готские переселенцы могли появиться в Северном Причерноморье только в статусе друзей империи. Как свидетельствует Петр Патрикий, договор с Римом был заключен незадолго перед 238 г. Заметим, что в это время Тира и Ольвия подверглись серьезному нападению неизвестных врагов. Следы разрушений и пожаров фиксируются в обоих центрах, правда, довольно быстро восстановленных². Мнение, что за этими нападениями могли стоять готы³, сомнительно, так как к этому времени переселенцы находились еще далеко не только от Дакии, мимо которой пролегли их пути на юг⁴, но и от Тиры с Ольвией. Косвенно на это указывает тот факт, что подступы к Тире и Ольвии, в это время прикрывали совсем другие варвары (поздние скифы и население, оставившее древности типа Этулия)⁵, и античным городам не было необходимости расселять на своей хоре чужаков. А вот то, что Тира и Ольвия со своим варварским окружением постоянно находились под угрозой вторжения сармато-алан, действительно, являлось серьезной проблемой для Рима. Надо сказать, что и решилась она вполне в духе римской политики — переселением готов на пустующие к этому времени земли Днепровской Луки⁶ и близлежащие территории правобережья Нижнего Днепра. Это объясняет довольно странную локализацию северо-причерноморских памятников в черняховской культуре, ведь в данном регионе только этот район, исключая прибрежную зону, которая в данный момент для готов была закрыта, оказался занятым переселенцами с севера. Локальность этой группы, ее оторванность от основных памятников черняховской культуры давно была замечена исследователями⁷. Очевидно, что переселенцы перекрывали аланам степной коридор к античным городам и границам империи. Если именно за это, в первую очередь, империя платила варварам, то в 238 г. готы оказались в стороне от во-

¹ Шукин М.Б. Ук. соч. С. 106.

² По мнению В.М. Зубаря и Н.А. Сон, Тира был разрушена карпами в 214 г. (*Зубарь В.М., Сон Н.А.* Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху. Основные тенденции социально-экономического развития // МАИЭТ. Supplementum. Симферополь, 2007. Вып.3. С. 201-202). В.В. Крапивина на основе тщательного анализа археологического материала убедительно пересмотрела указанную датировку разрушений в Тире. Сопоставление слоев разрушений первой половины III в. в Тире и Ольвии показывает их безусловное сходство, однако их следует отнести к более позднему времени – не ранее 232-238 гг. и связать, скорее всего, со «скифской войной», в которой, как считала ученый, участвовали готы (*Крапивина В.В.* Тира, Ольвия и варвары в III в. н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на Дону, 2009. С. 196-205).

³ Буданова В.П. Передвижение готов в Северном Причерноморье и на Балканах в III в. н.э. (по данным письменных источников) // ВДИ. 1982. №2. С. 170; *Крапивина В.В.* Ук. соч. С. 202.

⁴ Колосовская Ю.К. Ук. соч. С. 135.

⁵ Гудкова А.В. I-IV вв. в Северо-Западном Причерноморье (культуры оседлого населения) // STRATUM plus. 1999. №4. С. 262-304.

⁶ Тиханова М.А. О локальных вариантах черняховской культуры // СА. 1957. №4. С. 176.

⁷ Там же. С. 174-178; Шукин М.Б. Ук. соч. С. 164.

енных действий под стенами Тире и Ольвии, так как должны были не пропустить в это время к античным городам и границам империи кочевников¹. Безусловно, что замеченное исследователями резкое уменьшение сведений о сармато-аланах в III в., за исключением придунайских, действительно, было связано с готскими переселенцами, заслонившими собой Рим от восточных врагов². С другой стороны, и самим готам было невыгодно лишиться на данном этапе поддержки своего единственного союзника Рима в регионе и тем самым осложнить себе обустройство на новых землях³.

Гораздо больше возможностей и поводов напасть на античные города Северо-Западного Причерноморья было у карпов и их союзников. Во-первых, в это время шла война, и карпы с успехом грабили территорию Римской империи, прорвав на востоке Дакии *limes Transalutanus* и уведя в плен большое количество народа⁴, а во-вторых, судя по эпиграфическому материалу, карпы уже давно проявляли интерес к Тире и оставить ее в стороне в ходе начавшейся новой войны, они просто не могли⁵.

Таким образом, действие союзного римлянам племенного готского войска во главе с Филимером на территории Крымской Скифии в указанный период хорошо сочетается с другими источниками и со всей политической обстановкой, сложившейся в Северном Причерноморье, и должно датироваться второй половиной 30-х – первой половиной 40-х гг. III в. Не исключено, что волнения в Крыму были спровоцированы выводом римских войск из Харакса и Альма-Кермена в 40-х гг. III в., в ходе подготовки Филиппа Араба (244-249 гг.) к военным действиям на Дунае⁶. Правда покинуть горный Крым римляне могли и не-

¹ Ироническая эпитафия Гордиана III, из которой можно сделать вывод о битве императора с аланами во Фракии в начале 240-х гг. (SHA, Gordiani tres. XXXIV, 3-4), является подделкой, игрой слов, связанной с именем Филиппа Араба, который убил его. Филиппы на востоке Македонии, находились слишком далеко на юге для аланского набега III в. н.э. (*Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 53).

² *Балахванцев А.С.* Сарматы I-IV вв. н.э. по данным античных авторов // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура. М., 2009. С. 14.

³ Уже давно было высказано предположение, что обосновавшись на новых землях население Порожистого Днепра, тут же вступило в постоянное общение с черноморским югом, в частности с Ольвией и ее ближайшей периферией, о чем свидетельствует южный облик некоторых элементов этой, отделенной зоной пустоты от других черняховских памятников отдельной группы (*Тиханова М.А.* Ук. соч. С. 176).

⁴ *Mitrea B.* L'incursion des Carpes en Dacie sous le règne de Philippe l'Arabe à la lumière des découvertes de trésor des monnaies // Nouvelle Etudes Historique. Bucaresti, 1955. P. 149-160.

⁵ Например, одна из надписей из Нижней Мёзии времени Каракаллы, которая была посвящена успешной карьере центуриона I Итальянского легиона Тита Аврелия Флавия, гласила: «за выдающуюся храбрость, проявленную в борьбе против врагов — карпов, а также за благополучно закончившиеся дела у Тире» (*Dobó A.* Inscriptiones extra fines Pannoniae Daciaeque repertae ad res carundem provinciarum pertinentes. Budapest, 1975. № 555, 834a; *Карышковский П.О.* Из истории Тире в первой трети III в. н.э. // Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР. Киев, 1980. С. 72-80).

⁶ *Зубарь В.М.* Северный Понт ... С. 131; *Айбабин А.И.* Этническая история ... С. 32. *Šćukin M., Kazanski M. et Sharov O.* Des les Goths aux hunns: Le nord de la mer noire au Bas – empire et à l'époque des

сколько раньше, в связи с катастрофическим землетрясением 236-237 г., разрушившим оборонительные стены многих крепостей и почти сразу начавшейся «скифской» войной¹. Во всяком случае, археологический материал не противоречит такой датировке², а для палеоев именно разыгравшаяся полномасштабная война Рима с варварами давала шанс на возвращение своей власти над Крымской Скифией. Может быть, отсутствие здесь регулярных войск и стало причиной того, что для подавления восставших скифов римским властям пришлось задействовать силу не только живших в округе сармат, но и своих новых варварских союзников с севера.

На предложенную выше дату разгрома спалов также может косвенно указывать один из самых «темных» моментов похода Филимера. По-видимому, находясь уже в Крыму, готы «отсюда уже, как победители», передвинулись «в крайнюю часть Скифии, соседящую с Понтийским морем, как это вспоминается в древних их песнях...» (Iord. Get. 28). На первый взгляд, такое неясное окончание похода серьезным образом противоречит другим данным Иордана, по которым первое «расселение [готов на побережье] было в Скифской земле, около Меотийского болота» (Iord. Get. 38). То, что «крайняя часть Скифии, соседящая с Понтийским морем», не идентична территории «около Меотийского болота», уже отмечалось исследователями³. Однако, учитывая, что в «переселенческой саге» вообще ничего не говорится о возвращении Филимера, можно допустить, что племенное войско уже изначально планировало свой уход на новые земли. Следовательно, «крайнюю часть Скифии» надо понимать как территорию, на которую готам было разрешено переселиться. Так как расселить своих союзников римляне могли только в подконтрольной буферной зоне, недалеко от своих собственных границ, то под краем Скифии должно подразумеваться какое-то пограничье варварской земли.

Археологические источники позволяют уточнить нам возможные районы расселения готов Филимера. В первую очередь, это, конечно, собственно территория Юго-Западного Крыма. Здесь с середины III в. возникают могильники с

grandes migrations / Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400-1000 A.D.): Monographs I. British Archaeological Reports International Series 1535. Oxford, 2006. S. 75.

¹ При Гордиане III (238-244 гг.) «произошло такое страшное землетрясение, что даже целые города вместе с людьми погибли в раселинах земли» (SHA, Gordiani tres. XXVI, 1; *Зубарь В.М.* Еще раз о Таврическом лимесе // РА. 2000. №2. С. 198; *Антонова И.А., Никонов А.А.* Следы разрушительных землетрясений в Херсонесе и окрестностях в римское время и в раннем средневековье // Очерки по истории христианского Херсонеса I. СПб., 2009. С. 17-21).

² *Храпунов И.Н.* Этническая история... С. 120.

³ *Анфертьев А.Н.* Ук. соч. С. 119, комм. 39; Слова Иордана о готах, которые, когда «жили на первом месте своего расселения, в Скифии у Меотиды, то имели, как известно, королем Филимера» (Iord. Get. 39), являются его собственной попыткой совместить информацию из двух разных источников. На берегах Меотиды отсутствуют готские биритуальные могильники, что говорит о невозможности пребывания здесь племенного войска Филимера, напомним, отправившегося в путь исключительно «в поисках удобнейших областей» и «вместе с семьями» (Iord. Get. 27).

кремациями: Чернореченский¹ и Севастопольский² с вельбаркскими и пшеворскими чертами³, на которых выходцы с севера совершали погребения вместе с представителями местного сарматизированного населения⁴. Но наиболее привлекательным для нас здесь выглядит варварский могильник с кремацией около оставленной римской крепости Харакс на берегу Черного моря⁵. Некоторые погребения здесь совершены по обряду, аналогичному германским сожжениям римского времени в Норвегии⁶, а самая ранняя могила датируется второй четвертью – серединой III в.⁷ Существует даже мнение, что оседание здесь пришло-го населения было невозможно без согласования с римским командованием и администрацией Херсонеса⁸. Тем не менее, отметим, что перед уходом римляне разрушили оборонительные сооружения крепости и даже водопровод⁹, а сам Филимер и его войско больше никогда не фигурировали в дальнейших исторических событиях в Северном Причерноморье. Это позволяет нам обратиться к другому району, действительно самой крайней части Скифии – Абхазии, где приблизительно в это же время на местных памятниках цебельдинской культуры (апсиллов) также довольно неожиданно появляются погребения по обряду кремации, причем с большим количеством материала из далекой Северной и Центральной Европы. Попытка связать этот феномен исключительно только с варваризированной римской армией совершенно не объясняет, почему возник он только здесь — в долине, окруженной со всей стороны высокими горами¹⁰, вблизи Понтийского лимеса с римскими крепостями и многочисленными гарнизонами, в том числе и местными поселениями с военными функциями¹¹.

Территория Абхазии занимала ключевую стратегическую позицию в римской военно-политической стратегии на восточном берегу Понта. Это было свя-

¹ *Бабенчиков В.П.* Чернореченский могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1963. Т.13. С. 119-121; *Пиоро И.С.* Крымская Готия (Очерки этнической истории населения Крыма в позднеантичный период и раннее средневековье). Киев, 1990. С. 91-93.

² *Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И.* Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // STRATUM plus (2003-2004). 2005. №4. С. 27-277.

³ *Айбабин А.И.* Этническая история ... С. 26.

⁴ *Зубарь В.М.* Северный Понт ... С. 148.

⁵ *Блаватский В.Д.* Харакс // МИА. 1951. №19. С. 262-274; *Орлов К.К.* Ай-Тодорский некрополь // Материалы по этнической истории Крыма VII в. до н.э. – VII в. н.э. Киев, 1987. С. 106-132.

⁶ *Kazanski M.* Contribution à l'histoire de la défense de la frontière Pontique au Bas-Empire // Travaux et Mémoires. Paris, 1991. Т. 11. Р. 496-497.

⁷ *Храпунов И.Н.* Этническая история ... С. 144-145.

⁸ *Зубарь В.М.* Северный Понт ... С. 148.

⁹ *Орлов К.К.* Архитектурные комплексы Харакса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 22, 27.

¹⁰ *Kazanski M.* Op. cit. Р. 488-494, 506-507; *Гей О.А., Бажан И.А.* Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997. С. 9-30.

¹¹ *Леквинадзе В.А.* Понтийский лимес // ВДИ. 1969. №2. С.75-93; *Ломоури Н.Ю.* К выяснению некоторых сведений «Notitia Dignitatum» и вопрос о так называемом Понтийском лимесе // ВВ. 1986. Вып.46. С. 59-74; *Перевалов С.М.* Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов. М., 2010. С. 309-312.

зано с политикой Рима, направленной на достижение господства на восточном побережье Черного моря¹. Но если берег здесь защищали римские крепости², то перевалы, ведущие к воинственным аланам, прикрывали местные племена санигов, абасгов и апсилов, цари которых, как и другие соседние народы, получали власть от римлян (Arg. Per.7, 3; 11, 1-3). По нашему мнению, именно сюда на кораблях из состава Мёзийского флота, стоявших в Херсонесе³, могли быть перевезены воины Филимера, причем, вместе со своими семьями, с которыми они находились в пути еще с севера (Iord. Get. 27). Одновременно это могло, на какое-то время, снизить нежелательные последствия миграции на отданные готам днепровские земли, куда, по всей видимости, неуклонно нарастал переселенческий поток. Вероятность такого финала готского похода достаточно велика, ведь в кавказском регионе римляне нередко перемещали зависимые народы⁴. Такое расселение готв Филимера среди местных жителей дает ключ к пониманию самого главного феномена цебельдинской культуры – наличию большого количества оружия и украшений германского облика при отсутствии других специфических германских черт в материальной культуре⁵. Более того, оно объясняет все трудности, связанные с определением хронологии данной культуры. Ведь для уточнения даты возникновения цебельдинских некрополей необходимо учитывать, что расселившиеся на новом месте воины прибыли сюда не только сразу с севера, но и с добычей, которую они захватили в ходе грабежа скифских поселений, в том числе склепов и других могил⁶. Если готы появились в Абхазии в конце 30-х – начале 40-х гг. III в., то перейти в мир мертвых все они должны были в основной своей массе в 40-60-х гг. этого же столетия. При этом вместе с асинхронными местными типами вещей в могилы, обязательно должны были попасть предметы «не своего» времени. На эту особенность впервые обратили внимание О.А. Гей и И.А. Бажан, сделав справедливый вывод, что широкая датировка начального этапа II-III вв.⁷ практически ничем не подтверждается, кроме отдельных находок предметов второй половины II – начала III в.⁸ и поэтому первый период Цебельды должен быть ограничен 40-ми и 70-ми гг. III в.⁹ Тем не

¹ *Мастыкова А.В.* Федераты Восточной Римской империи на Черноморском побережье Кавказа и эволюция некрополя Цибилуим (II-VII вв.) // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. Белгород, 2008. №17(57). Вып. 8. С. 25.

² Берег в Абхазии защищала крепость Себастиополис, которая при Арриане являлась крайней северной точкой римского военного присутствия в регионе (Там же. С. 24; *Перевалов С.М.* Ук. соч. С. 312).

³ *Соломоник Э.И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. С. 225-232, №189.

⁴ *Šćukin M., Kazanski M. et Sharov O.* Op. cit. S. 101-102.

⁵ *Мастыкова А.В.* Ук. соч. С. 27.

⁶ *Пуздровский А.Е.* Политическая история ... С. 115.

⁷ М.М. Трапш датировал дату возникновения цебельдинской культуры II вв. н.э., с чем согласились другие ученые (*Трапш М.М.* Труды в 4-х т. Т.3: Культура цебельдинских некрополей. Тбилиси, 1971. С. 212; *Воронов Ю.Н.* Тайна Цебельдинской долины. М., 1975. С. 16; *Амброз А.К.* Проблемы ранне-средневековой хронологии Восточной Европы. Ч.1 // СА. 1971. №2. С. 107-110, табл. 1, рис. 4).

⁸ *Гей О.А., Бажан И.А.* Ук. соч. С. 9-10.

⁹ Там же. С. 10-21.

менее, при тщательном анализе всего археологического материала, его датировку вполне обосновано можно расширить до 170/200 – 260/270 гг.¹

Северные переселенцы, попавшие в чуждую им этническую среду, безусловно, получили статус вспомогательного соединения римской армии² и может быть даже принимали участие в борьбе с персами в 242 г. Однако, главной задачей воинов Филимера, как и их сородичей оставшихся на Днестре, скорее всего, являлось эффективное сдерживание натиска алан и других варваров, в любой момент готовых прорваться в сторону римских владений.

Таким образом, анализ археологического материала свидетельствующего о возможном расселении войска Филимера в «крайней части Скифии», указывает на наибольшую вероятность этого события в пределах второй половины 30-х – первой половины 40-х гг. III в., что хорошо согласуется с предложенной выше датой похода Филимера. Безусловно, что вся история с данным вождем была напрямую связана с обстоятельствами появления готского народа в Северном Причерноморье и заключением ими полноправного договора с римлянами. Повидимому, он включал в себя охрану дальних подступов к римским границам и участие на стороне римлян в войнах с варварами. Судя по всему, это обязательство и поставило последнюю точку в длительной борьбе крымских скифов против римских и боспорских властей.

FILIMER'S MARCH AND THE FALL OF THE CRIMIAN SCYTHIA

S.V. Yartzev (Tula)

The article deals with the circumstances of Goths's army under Filimer's command march on Spals which is known due to the work of Jordan. According to the author, the work is about the defeat of the Crimian Scythia which once again rose against Romans and Bosphorus. Acting under the agreement with Romans Goths defeated scyths and got their land for settlement.

Keywords: Roman Empire, the Crimean Scythia, Goths, Satarhi, Paleia.

ОБРАЗ РАЯ В РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ХЕРСОНЕСА

М.В. Фомин (Харьков, Украина)

На территории Херсонесского городища и в его окрестностях был открыт ряд памятников христианского искусства IV-V вв. Анализ сюжетов позволяет реконструировать элементы мировоззрения жителей города. Главным сюжетом является образ Рая как для погребальных сооружений так

¹ Voronov Ju. Tsibilium. Vol. 1. La nécropole apside de Tsibilium (Caucase, Abkhazie). Fouilles de 1977-1986 / British Archaeological Reports International Series 1721. Oxford, 2007. P. 13, 23, 24, 27, 30, 31, 35, 43, 70, 71, 102-103, 104, 105, 106; Kazanski M., Mastykova A. et alii. Tsibilium. Vol. 2. La nécropole apside de Tsibilium (Caucase, Abkhazie). Etude du site / British Archaeological Reports International Series 1721. Oxford, 2007. P. 21-22, 25. Мастыкова А.В. Ук. соч. С. 26.

² Kazanski M. Les éperons, Les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin; Marbourg, 1994. P. 429-485.

и для первых церквей. Система символических элементов росписей соответствует описаниям «Царствия Небесного» в литературных памятниках.

Ключевые слова: фрески, мозаика, погребальная живопись, «Царствие Небесное».

Проблема происхождения раннехристианской художественной традиции крайне сложна. Несмотря на множество фундаментальных работ и внимание со стороны значительного количества исследователей, число вопросов, не нашедших ответов, не сокращается. Причин тому множество, но наиболее значимая – слабая изученность памятников раннехристианского искусства.

Особую роль в исследовании раннехристианской художественной традиции может играть Херсонес Таврический. За почти 200 лет исследования накоплена значительная коллекция памятников искусства, относящихся к периоду формирования христианской художественной традиции. Среди уникальных находок необходимо указать на росписи херсонесских склепов, фрески и мозаику ранней церкви, стоявшей на месте «Базилики 1935 г.». По своему значению они могут быть поставлены в один ряд с росписями Римских катакомб и фресками Дура-Европос.

В отличие от Дуры, где исследователи столкнулись с памятниками начального этапа формирования искусства и Римских катакомб, где можно проследить процесс возникновения традиции и ее развития во времени – в Херсонесе художественная система росписи была принесена в полностью сложившейся форме. В распоряжении исследователей оказалась уникальная возможность познакомиться с памятниками одного из направлений развития раннехристианского искусства IV-V вв. Особый интерес вышеупомянутые памятники представляют в связи с тем, что они являются результатом воплощения вполне сформировавшейся системы символических изображений, отражающей раннехристианское мировоззрение. В более позднее время развитие художественной традиции отошло от символизма в сторону более реалистичной иконографии. Памятники же Херсонеса относятся именно к символической, иероглифической системе. Данное направление, имевшее античные корни, оказалось своеобразной «ступенькой» ветвью развития раннехристианского искусства. Но прочтение этих изображений, их интерпретация позволяет во многом реконструировать мировоззрение христиан первых веков.

Наиболее полно изученной и рассмотренной в историографии является погребальная живопись херсонесских склепов. На сегодняшний день открыто 13 погребальных сооружений, содержащих росписи. Подробное описание восьми из них вошло в фундаментальный труд М. И. Ростовцева¹. Материал о двух склепах, открытых в 1998-1999 гг., опубликован в приложении к работе В. М. Зубаря и А. И. Хворостяного². В 2002 г. были обнаружены склеп с роспи-

¹ Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. СПб., 1913.

² Зубарь В.М. От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III — первая половина VI вв.). К., 2000. С. 144–154.

сями¹ и склеп с граффити, нанесенными по сырой штукатурке. Их исследовали в 2006 г.² Помимо этого, во время строительных работ на западном берегу карантинной бухты был открыт, а впоследствии исследован склеп «со сценами охоты», относящийся к дохристианской эпохе, но несущий значительное количество информации о предшествовавшей христианству художественной традиции в позднеантичном Херсонесе³.

М. И. Ростовцев, опираясь на нумизматический материал, относил памятники ко второй половине IV – началу V вв.⁴ Позже эту дату поддержали П. Д. Диатропов⁵, Л. Г. Хрушкова⁶, И. А. Завадская⁷. Опираясь на анализ археологических находок и систему росписи, их датировали серединой IV в. А. Е. Филиппов указывает дату III–IV вв.⁸ Мнение о более позднем создании расписных склепов – не ранее второй половины V – VI вв. – отстаивал В. М. Зубарь⁹. Комплексное исследование системы росписи и находок, сделанных внутри самих склепов, позволяют поставить точку в споре и констатировать, что склепы функционировали в довольно узкий промежуток времени – с середины IV в. до первой половины V в.¹⁰

Не менее уникальным является памятник «Базилика 1935 г.». При ее раскопках было выделено несколько строительных периодов. Значительный интерес представляет так называемая «ранняя Базилика 1935 г.» Во время ее исследова-

¹ *Marchenko L.V.* A New Early Christian Crypt in the Outskirts of Chersoneses Tauric // International Conference: The Cult of Martyrs and Relics and its Architecture in East and West (3d – 7th c. AD). Varna, 2003. P. 19–20.

² *Туровский Е.Я.* Отчет об археологических исследованиях участка некрополя Херсонеса у загородного храма в 2006 г. НА НЗХТ. Д. № 3856.

³ См. подробнее: *Ришняк О. Садова О., Туровський С, Філіппенко А.* Некрополь Херсонеса Таврійського. Нові сторінки в історії досліджень. Львів, 2012. С. 54–79.

⁴ *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, С. 451, 457, 462, 469, 503–507.

⁵ *Диатропов П.Д.* Еще раз к вопросу о датировке росписей херсонесских христианских склепов // Церковная археология южной Руси. Сборник материалов международной конференции «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия» (Севастополь, 2001 г.). Симферополь, 2002, С. 34–36.

⁶ *Хрушкова Л.Г.* Христианские памятники Крыма (состояние изучения) // ВВ. 2004. Т. 63 (88). С. 168–194.

⁷ *Завадская И.А.* Декоративно–символическая система росписи херсонесских христианских склепов // МАИЭТ. 2005. Вып. 11. С. 258–288.

⁸ См. подробнее: *Филиппов А.Е.* Росписи раннехристианских склепов Херсонеса Таврического в контексте художественной традиции: синтез с архитектурой, символика, литургическая основа // Очерки по истории христианского Херсонеса / отв. ред. С.А. Беляев. СПб., 2009.

⁹ *Зубарь В.М.* По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса // Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1988. С. 12; *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. К., 2000. С. 158–163; *Зубарь В.М.* К интерпретации одного из сюжетов росписи склепа 1912 г. из Херсонеса // ХСб., 1999. Вып. 10. С. 300–311.

¹⁰ *Туровский Е.Я., Филиппенко А.А., Фомин М.В.* Херсонесские склепы с раннехристианскими росписями // Дріновський збірник. Том V. Харків – Софія, 2012. С. 154–163; *Туровский Е.Я., Филиппенко А.А., Фомин М.В.* Раннехристианская погребальная живопись Херсонеса – Херсона (к итогу дискуссии о датировке) // Вісник Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна. 2012. № 1005: Сер. «Історія». Вип. 45. С. 99–106; *Фомин М.В.* Херсонесские раннехристианские катакомбы. К итогам изучения // Нартекс. Bizantina Ukrainensis. Т.2. Харьков, 2013. С. 358–368.

ния были открыты и частично реконструированы фрагменты фресковой росписи и часть мозаичного пола. А. Л. Якобсон, опираясь на представленные Е. Н. Жеребцовым данные стратиграфии, пришел к выводу, что они относятся к IV-V вв. И. А. Завадская отнесла росписи и мозаику из «южного нефа» к концу IV в.¹

Не ставя перед собой задачу повторить многократно опубликованные описания перечисленных памятников, необходимо остановиться на некоторых общих элементах.

Раннехристианское искусство отражало мировоззрение носителей новой религиозной идеи, а главным тезисом было ожидание «Царствия небесного». Именно эта тема была основной в земной проповеди Спасителя. Но ни в текстах Нового Завета, ни в трудах отцов Церкви нет конкретных описаний и проработанных картин. Присутствуют лишь символические образы. Именно они и нашли воплощение в искусстве.

В начале новой эры в Северном Причерноморье появляются склепы с нишами-лежанками. В III–IV вв. их количество резко увеличивается, они получают широкое распространение в различных районах Крымского полуострова. Существует предположение, что этот тип погребальных сооружений появился в Северном Причерноморье под влиянием погребальной практики, привнесенной с территории Малой Азии, где аналогичные комплексы известны с VI в. до н.э.² Именно этот тип стал основой для создания целой группы памятников.

Раннехристианские склепы с росписью имеют типичную архитектуру для погребальных сооружений первых веков н.э. Они представляют собой «комнату», вырубленную в скале, в которую ведет узкий вход, закрывавшийся специальной плитой.

В некоторых склепах (1854 г., 1905 г., склеп «на земле Н. И. Тура») входное отверстие оформлено как дверь. В данном случае можно говорить о двери как символе перехода, входа, через который тело умершего перемещается в место упокоения, временного пристанища, но дверь - это и выход, через который упокоенный «выйдет в воскресении во плоти», подобно Лазарю Четверодневному, воскрешенному Христом и покинувшему свою гробницу (Ин.11:41-53). Св. Ефрем Сирийский в поэме «О Рае» упоминает «испытующую дверь», через которую входят в Рай³. Образ такой двери нашел воплощение в оформлении входа в склеп.

Внутри помещения в стенах были устроены углубления-локулы. Стены были оштукатурены и расписаны. Почти во всех склепах присутствует изобра-

¹ Завадская И.А. Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса «базилика 1935 года» в Херсонесе // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. V. С. 94-105.

² Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического в I-IV вв. н.э. К., 1982. С. 28; Масленников А.А. Некоторые особенности некрополей городов Европейского Боспора первых веков н.э. // Советская археология. 1982. № 1. С. 37; Smith J.C. A Roman chamber tomb on the south-east slopes on Monasteriaki kefhal, Knossos // The Annual of the British School at Athens. 1982. P. 258-259.

³ Ефрем Сирийский. Творения. В 5 тт. М., 1889. Т. 4. С. 258-297.

жения птиц. В склепах 1853 г., 1909 г., 1912 г., «на земле Н. И. Тура», №1 1998г. сохранились образы павлина – широко распространенного символа бессмертия. В склепах 1853 г., 1905 г., 1909 г. 1912 г., «на земле Н. И. Тура» есть лавровые венки – символы победы, в данном случае победы над смертью. Во всех склепах присутствуют растительные орнаменты. Особый интерес представляют плитки из склепа 1853 г. с изображением гранатовых деревьев. Все элементы декоративной росписи когут соотноситься с описаниями «Царствия Небесного», сохранившимися в текстах «Апокалипсиса ап. Петра»¹ и поэмы св. Ефрема Сирина «О Рае» и фактически являются отражением образов из текстов.

Подобный тип погребального сооружения неоднократно соотносился с помещением в античном доме, именуемом как «триклиний», где семья собиралась на трапезу, пир или в особых случаях². Стены склепов несут на себе элементы инкрустационного художественного стиля, мраморировки, которые были широко распространенных в декоре античных жилых домов.

В текстах Нового Завета неоднократно встречается образ «Царствия Небесного», связанный с пиром - «Брачный пир» как аллегория рая. Св. Ефрем упоминает что «Рай подобен трапезе...». В некоторых склепах присутствуют изображения несущие Евхаристическую символику. Более того, изображение хрисмы – монограммы Христа (следы хрисмы известны в склепах 1853 г., 1907 г., «на земле Н. И. Тура», Аристон) подчеркивает присутствие самого Бога.

Значительный интерес представляет система росписи ранней «Базилики 1935 г.», росписи которой также несут образы Рая. Храм понимается как дом Божий, в котором Христос «зримо присутствует» во время Литургии. Принимающий участие в «Таинстве таинств» таким образом становится не просто участником Евхаристии, он становится достойным «Царствия Небесного». Св. Ефрем указывает, что «Церковь — образ Рая, здесь ежедневно совершается священная трапеза. Церковь — это Церковь святых, победителей, и Рай — венец их победы»³.

Фактически можно говорить, что сформировавшаяся к середине IV в. раннехристианская символическая система была отражением мировоззрения первых христиан, их представления о «Рае» и сохранила в себе отголоски ожидания скорого прихода Христа и «Царствия Небесного». В последующем эта художественная традиция была вытеснена более живописной и реалистичной иконографией.

IMAGINATION OF PARADISE IN EARLY CHRISTIAN ART TRADITION OF THE LATE ANTIQUITY CHERSONESOS M.V. Fomin (Kharkiv, Ukraine)

On the territory of Chersonesos and its surroundings was opened by a group of monuments to Christian art IV-V centuries. Analyses of subjects allows us to reconstruct the elements of worldview citi-

¹ Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990. С. 215-217.

² Зубарь В.М. От язычества к христианству. С. 47-48.

³ Ефрем Сирий. Творения. С. 258-297.

zens. The main subject is the image of Paradise for funeral constructions and for the first churches. The system of symbolic elements of murals corresponds to the descriptions of "Kingdom of Heaven" in literary works.

Keywords: murals, mosaics, funerary art, "The Kingdom of Heaven".

ИСТОКИ РИМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ VI В.

М.М. Снина

В статье рассматриваются взгляды одного из представителей византийской интеллигенции VI в., имперского чиновника Иоанна Лида на начала римской государственности, предпосылки складывания этих взглядов, на его примере анализируется преемственность и трансформация взглядов византийского интеллигента по отношению к представлениям в античности, исследуются причины этих явлений.

Ключевые слова: Иоанн Лид, антикварианизм, эпоха Юстиниана I, Византия в VI в.

Византийское государство, возникнув на эллинско-римской государственной и культурной основе, сразу же начало утверждать идею преемственности римской государственности¹. В VI в. эти идеи наиболее интенсивно развивались в царствование императора Юстиниана I (527–565). Он позиционировал себя в качестве реформатора и восстановителя римского государства и римского могущества. Существовала имперская традиция римской старины², господства традиции и неразрывности с римским прошлым, а правитель рассматривался как преемник римских цезарей, начиная с Августа³.

Эта идеология связана с тем, что трансформация и перестройка общества и государства, сопровождаемая разрушением традиционных систем в позднеантичный – ранневизантийский период, воспринималась современниками, как время упадка и кризиса цивилизации, связанное с губительными нововведениями, что порождало как реакцию – стремление к восстановлению и сохранению основ античной цивилизации. Поэтому в обществе в указанное время господствовал интерес к прошлому, «антикварианизм».

Идеи необходимости сохранения традиционной римской системы управления и государственности наиболее ярко развивались и обосновывались в произведении Иоанна Лида – успешного чиновника Восточной префектуры претория, одного из наиболее типичных представителей византийской интеллигенции VI в. – «О магистратах римского государства». Здесь рассматривается история административной системы Римской империи от зарождения магистратов в древние мифические времена до современной автору эпохи. Компетентность автора в данных вопросах связана с тем, что он сам непосредственно участвовал

¹ Фрейберг Л.А. Античное литературное наследие в византийскую эпоху // Античность и Византия. М., 1975. С. 5–52.

² Maas M. John Lydus and the Roman Past. London, New York, 1992. P. 47.

³ Ibid. P. 2.

в системе государственного управления, а также с его высокой эрудированностью¹. В этом труде он не только представляет историю имперской администрации в течение 15 веков (от основания Рима до VI в.), но и обосновывает значение и необходимость преемственности с древней римской практикой и традициями, его идеалом является государство со стройной и развитой бюрократической системой. Его произведение является проектом и программой реформ, необходимых для преодоления административного кризиса, восстановив античные управленческие формы и порядок². Он призывает к сильной централизованной власти, где эффективное правительство, управляемое высокообразованным чиновничеством, возглавляется образованным императором, все основывается на античной римской системе политического устройства, проводимые административные реформы должны улучшить положение в регионах, сближая их управленческую систему со столичной и усиливая связь между ними³. Анализ его взглядов на начала римской государственности позволяет изучить продолжение и трансформацию античной мировоззренческой системы в вышеуказанных аспектах в ранневизантийское время.

В работе Иоанна Лида «О магистратах Римского государства» начала римской государственности относятся к значительно более древнему времени, чем основание Рима, несмотря на то, что в его периодизации римской истории основание Рима служит одной из вех развития Римского государства, и сам Рим (Рому) автор называет «матерью государства» [Ioannis Lydi. De Magistratibus Romanis. I.3.]. Такой вывод можно сделать из анализа предисловия к данной работе, где заявляется, что Римское государство является прямым преемником политического образования под властью этрусских жрецов. Это связывается с перениманием инсигний этрусских правителей в правление царя Нумы Помпилия – таким образом, начало римской государственности связывается отнюдь не с Ромулом и не с основанием Рима. Эта преемственность подчеркивается и в цели исследования, заявленной автором так: «...остается о гражданских рассказать властях, и почему от жреческого устройства к гражданскому перерастала форма...» [Ioannis Lydi. De Mag. Praefatio.].

Иоанн Лид начинает историю римской цивилизации от прибытия Энея [Ioannis Lydi. De Mag.I.1.], как и в классическое время, подчеркивается преемственность римской культуры от эллинской. Но автор продолжает развивать эту мысль, еще сильнее стремясь показать эллинские корни римской цивилизации: ссылаясь на работы Марка Порция Катона Цензора (Старшего) и Марка Теренция Варрона. он говорит, что уже при Ромуле жители околотибрских областей говорили на эолийском диалекте эллинской речи, которая распространилась среди них после прибытия туда аркадца Эвандра [Ioannis Lydi. De Mag.I.5.].

¹ Ibid. P. 36.

² Kelly C. Ruling the Later Roman Empire. – Cambridge, Massachusetts and London, England, 2004. P. 14-15.

³ Maas M. John Lydus... P. 36-37.

доказать, что римляне не являются варварами в эллинском понимании и получили господство над другими народами не просто благодаря силе, выводит их эллинское происхождение всеми путями: древнейшее население территории Рима - варвары сикелы, но их подчиняют себе аборигины и принуждают весь народ покинуть эти земли; с тех пор аборигины все время населяли земли в междуречье Тибра и Лириса (территория средней Италии), в период Троянской войны изменив свое название на латинов; в правление Ромула они стали называться римлянами [Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I.IX.]; далее автор приводит несколько вариантов происхождения этого народа, наиболее достоверный из которых, по его мнению – происхождение его от одного из эллинских народов, наиболее вероятным из которых автору кажется аркадский, переселившийся в Италию из Ахайи за много поколений до Троянской войны [Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I.XI.], это был самый первый народ, обосновавшийся в Италии [Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I.XII.]. После рядом с аборигинами на этой территории стали селиться и пеласги – эллинский народ, происходивший из Фессалии [Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I.XVII.]; после вытеснения пеласгов их города стали заселять тиррены, происхождение которых спорно (вплоть до отождествления с пеласгами) – по мнению автора это автохтонный народ, римляне называли их этрусками [Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I.XXVI-XXX.] (Иоанн Лид разделяет точку зрения о лидийском происхождении этрусков [Ioannis Lydi. De Mag. Praefatio.]). Затем за 60 лет до Троянской войны в данные земли снова прибывают эллинские племена аркадцев во главе с Эвандром, основав столицу на Палатинском холме [Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I.XXXI.], немного позже эту местность заселяют другие эллины во главе с Гераклом [Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I.XXXIV.], и царь Латин являлся его прямым потомком, его зятем сделался троянец Эней [Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I.XLIII.]. После Троянской войны рядом с аборигинами поселились троянцы во главе с Энеем, позже ассимилированные и принявшие имя латинов [Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I.XLV.]; ссылаясь на древних авторов, писатель выводит эллинское происхождение троянского народа – это в большинстве аркадские переселенцы, смешавшиеся с малым числом автохтонного населения Малой Азии [Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I.LIX.]; латинами был основан город Альба, чьей колонией являлся Рим [Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I.LXVI.].

Таким образом, классические античные представления о римлянах – как о народе эллинского происхождения, преимущественно аркадского, что отличаются от взглядов Иоанна Лиды, считавшего их автохтонами.

Также и происхождение государственного строя Рима в труде Дионисия Галикарнасского отличается от представлений Иоанна Лиды: после завершения строительства и укреплений Рима Ромул призвал народ и предложил определить порядок государственного устройства [Дионисий Галикарнасский. Римские

древности. II. III.]; следуя гаданиям и небесным знаменам, была установлена монархическая форма власти [Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. VI.], государственное устройство основывалось на трибах и куриях, где принимались решения и проводились голосования [Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. VII.], народ поделен на 2 сословия (патриции и плебеи), среди которых распределены общественные функции (управление передавалось в руки патрициев), введены законы, регулирующие их отношения [Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. VIII–IX, XIV, XXI–XXIII, XXV, XXVII.], в результате выборов по трибам и куриям из патрициев был создан сенат – совет, совместно с которым царь управлял государством [Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. XII.]; после похищения сабинских женщин и войны с латинскими городами и сабинами, римляне соединились с ними, а Ромул разделил царскую власть с сабинским царем [Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. XLVI.]. С соединением двух народов писатель связывает происхождение названия «квириты» - по родине сабинского царя, городу Куры [Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. XLVI.], чье название связано с сабинско-аборигинским воинственным божеством Квирином, отпрыск которого от смертной женщины, отличавшийся в военных делах, основал одноименный город, то ли в честь божества, то ли в честь копья, которое аналогично называется по-сабински (*quiris*) [Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. XLVIII.]. Эту версию высмеивает Иоанн Лид, так как «квириты» являются самоназванием римлян, а не сабинов, и римляне не могли взять самоназвание от города чужого народа, по месту, где никогда не жили [Ioannis Lydi. De Mag. I.5.].

Таким образом, основы римской государственности в классических трудах выводились от Ромула, в то время как у Иоанна Лиды – от этрусских жрецов, перенимаемые Нумой Помпилием.

Таким образом, несмотря на антикварианизм и идеализацию древности, поиск связей и преемственности византийского государства и античного Рима, в VI в. произошли некоторые изменения в восприятии римского прошлого, и можно выделить следующие особенности:

- 1) стремление к обоснованию и утверждению эллинского происхождения римской цивилизации;
- 2) тенденция к принижению роли собственно римлян и Рима в становлении государства и возвышению роли иностранного (этрусского) влияния на римскую государственность;
- 3) презентация в явлениях и событиях прошлого проблем настоящего, оппозиционность существующей власти.

Причинами трансформации могут быть особенности политической ситуации, сложившейся к VI в., а также специфика культурной атмосферы в византийском обществе в указанный период.

Понижение значения Рима связано с имперской идеологией. К VI в. Римская империя сохранилась лишь на востоке бывшей *Pax Romana*, на западе им-

перия разрушилась, там образовались варварские государства. Роль нового центра к этому времени – Константинополя – чрезвычайно возросла, теперь Константинополь, а не Рим был столицей империи. Константинополь приобрел новый смысл и символический образ – он приобрел значение, являясь резиденцией императоров, центра империи, центра мира. Выработалась новая, базирующаяся на городе, имперская идеология: император связывал город-столицу и империю подобно связи его с Богом, посредничеству между землей и небом. Вся жизнь в Константинополе была проникнута церемониями и ритуалами, обосновывавшими связь императора с Богом, его борьбу с силами зла, город должен был демонстрировать священность и абсолютизм власти императора, ее мировое значение – даже архитектура города должна была отражать иерархию мира и космоса. Например, ипподром в Константинополе назывался современниками «образ космоса»¹. Имперская теория возрождения былой великой империи была связана с завоеванием и подчинением Рима, «Вечного города», но центр в империи должен быть только один² – это Константинополь, город, основанный как христианский, не оскверненный языческим прошлым (история Константинополя не связывалась с историей Византия, она началась в правление императора Константина I). Поэтому в византийском обществе наблюдалась тенденция к принижению роли Рима.

Для Восточной Римской империи были характерны эллинистические, а не римские культурные ценности. Вся система образования базировалась на традициях «эллинской» цивилизации. Византийцы высоко ценили знания, признавали ценность и полезность «эллинской» образованности, рассматривая ее как жизненно необходимую. Античное образование считалось высшим благом, величайшей добродетелью, отличительным знаком. Ценность образования повышалась и практической значимостью – образованный человек мог сделать карьеру на государственной службе, изменить свой социальный статус, стать богатым. Христианские церковные деятели также признавали ценность классического античного образования как подготовку к теологической деятельности, что предопределило ее сохранение и непрерывность эллинистической школы, существовавшей без изменений много времени после утверждения христианства как государственной религии. Эта система основывалась на признании высокой ценности эллинской культуры, греческого языка. В школах Византии читали, заучивали наизусть, комментировали литературные памятники античной Греции³. Это все вырабатывало типично эллинское мировоззрение, когда вся ойкумена делилась на культурные эллинские-эллинистические части и варварские. Через призму этих взглядов воспринималась и римская государственность, значение традиционного римского прошлого прикидалось, а эллинское влияние всячески подчеркивалось и возвышалось.

---

¹ Maas M. John Lydus... P. 26-27.

² Ibid. P. 14.

³ Самодурова З.Г. Школы и образование // Культура Византии IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 478–504.

С этим связаны и особенности византийского антикварианизма в VI в., который стремился выявить эллинско-эллинистические основы и традиции в истории и культуре.

Основой эллинистической образованности была языческая неоплатоническая система. Интеллигенция VI в. воспринимала неоплатонические идеи (например, Иоанн Лид молодым человеком слушал лекции неоплатоника Агапия в Константинопольском университете¹), но в правление Юстиниана I нехристианство жестко подавлялось, проводились гонения и преследования язычников (за исключением местных верований в провинциях империи), их собственность конфисковывали, их самих отрешали от должностей, подвергали арестам, изгнаниям, казням.² На времена гонений приходится закрытие знаменитых античных школ и академий, уничтожение языческих памятников искусства и архитектуры.³ Власть в лице императора утверждала первенство и ценность христианства как основу государства и общества, интеллигенция же была воспитана на языческих идеалах – это приводило к конфликтам, столкновениям, противостоянию власти и образованных кругов, скрытой или явной оппозиции.

Таким образом, антикварные изыскания представителей интеллигенции в области государственного строя в Византии в VI в. тесно связаны с реалиями этого времени, изучение начал римского государства позволяло путем установления преемственности современной и древней системы обосновать и подвергнуть критическому анализу административно-управленческую систему VI века. Важной особенностью являлась «эллинизация» римского прошлого.

ORIGINS OF THE ROMAN STATE IN THE REPRESENTATION OF THE INTELLECTUALS IN BYZANTIUM VI A.D.

M.M. Sinitca

The article discusses the views one of the representatives Byzantine intellectuals VI C.E., imperial officer John Lydus toward the beginning of the Roman state, the premises of folding these views, his example examines the continuity and transformation of Byzantine attitudes towards intellectual ideas in antiquity, explores the causes of these phenomena.

Keywords: John Lydus, antiquarianism, the era of Justinian I, the Byzantine Empire at VI C.E.

К ИСТОРИИ КЕСАРИИ ПАЛЕСТИНСКОЙ В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЕ ВРЕМЯ

Н.Н. Болгов, А.М. Болгова, Ю.Н. Агаркова

В работе рассматриваются основные события истории и археологический контекст Кесарии Палестинской – одного из крупнейших городов Палестины ранневизантийского времени.

Ключевые слова: Кесария, Палестина, Ранняя Византия.

¹ *Maas M.* John Lydus... P. 97.

² *Demetrios J.* Constantelos Paganism and the State in the Age of Justinian // *The Catholic Historical Review*. Vol. 50. N. 3. Oct., 1964. P. 372-380.

³ *Ibid.*

В 31 г. до н.э. Август передал поселение Стратоновы Башни иудейскому царю Ироду, который к 10 г. до н.э. полностью перестроил его, превратив в крупный портовый город на побережье Палестины. В течение I в. большую часть жителей составляли сирийские греки. Также в городе жило много богатых евреев. Отсюда арестованного апостола Павла отправили в Рим. Кесария стала основным портом Палестины и часто упоминается в Новом Завете. После падения и разрушения Иерусалима Кесария стала крупнейшим городом Палестины, столицей провинции Палестина I, и её епископы пользовались значительным влиянием. Там состоялось несколько церковных поместных соборов.

Порт Кесарии имел одну из самых впечатляющих гаваней того времени. Она была сооружена на побережье, не имеющем изначально никаких природных гаваней, и между тем, приобрела огромное коммерческое значение: она соперничала с гаванью Клеопатры в Александрии. Городской порт был вырезан из участка побережья - это обеспечивало защиту от штормов и высоких волн. В ходе постройки был использован римский опыт создания бетонных конструкций: в заранее приготовленные на берегу полые формы засыпали камни, известь и пуццолан. При соприкосновении с водой пуццолан застывал, и вся смесь превращалась в один большой бетонный блок. Около 24000 м³ пуццолана были заказаны Иродом в Италии (из окрестностей Поццуоли) для того, чтобы выстроить пятисотметровый южный мол и северный мол, длиной в 275 м. Созданные таким образом большие бетонные молы сами по себе явились строительной площадкой - на их поверхности также были возведены сооружения.

В северной части города находился длинный акведук, частично сохранившийся до наших дней. Третья линия акведука появилась в византийскую эпоху. Со временем, открытый участок второй линии акведука значительно просел из-за того, что был построен на болотистой почве. Чтобы возобновить доступ воды, поверх уже существующей второй линии акведука была надстроена новая, более высокая водоносная линия, а находящаяся под ней старая, просевшая линия была засыпана.

Во времена Ранней Византии город продолжил свой рост, в связи с чем, потребовалось построить дополнительную водную артерию. Новый акведук доставлял воду из источников, находившихся в 5 км к северу. Так как эти источники были расположены ниже уровня города, строителям пришлось возвести несколько плотин, в которых вода поднималась на достаточный для дальнейшей транспортировки уровень. Вода текла по вырытому в песчанике каналу, закрытому каменным сводом на близких к берегу моря участках. В непосредственной близости к городу, канал проходил прямо под арками более древнего «высокого» акведука и вместе с ним пересекал городскую черту. Проконсул Флавий Флоренций завершил постройку акведука в 380-е гг.¹

---

¹ Sivan H. Palestine in Late Antiquity. Oxford - New York, 2008. P. 311.

Город располагался приблизительно на двух уровнях – террасах: Нижний и Верхний город, но разница уровней не была принципиально велика. Это было установлено раскопками сезона 1976 г.

Статус метрополии, столицы провинции Палестина I, положение крупнейшего города Палестины, сохранение муниципальной организации, наличие высших школ, деятельность здесь крупных писателей (Ориген, Евсевий Кесарийский, Прокопий Кесарийский) делало Кесарию местом сохранения многих античных традиций.

Украшением города был великолепный Ипподром, на котором в течение всего ранневизантийского периода продолжались конские ристания и общественные игры¹.

В Кесарии существовала известная школа², где изучали греческую и латинскую литературу, риторику. Среди питомцев этой школы – Григорий Неокесарийский, Григорий Богослов³. В Кесарии при школе трудами Оригена, Памфила, Евсевия Кесарийского была создана обширная библиотека, вторая после Александрийской⁴, выступавшая хранителем традиций классической культуры и образа жизни населения.

В церковной жизни Востока епископ Кесарии и его кафедра занимали второе место после Антиохии⁵. Кроме того, в окрестностях города находилось много христианских монастырей. Вместе с тем, напряженная теологическая работа, традиции школы Оригена привели к тому, что в городе достаточно сильные позиции занимал оригенизм.

Помимо христиан и язычников, в городе проживали также этноконфессиональные группы иудеев и самаритян⁶. Иудеи, будучи «подвижным меньшинством», обзавелись в городе синагогами, школами и даже талмудической академией⁷, находившейся в северо-западном углу города. Там же находилась и агора – в Нижнем городе.

Феодор Анагност упоминает о мятеже иудеев Кесарии против христиан, после чего губернатор был смещен императрицей Пульхерией (Hist. Eccl. 336). В 555 г. во время восстания самаритян и иудеев несколько церквей Кесарии было сожжено.

¹ *Patrich J.* Herod's Hippodrome/Stadium at Caesarea and the Games Conducted Therein / Ed. L.V. Rutgers. What has Athens to Do with Jerusalem. Essays in Honor of Gideon Foerster, P. Peeters. Leuven, 2002. P. 29-68.

² *Ващева И.Ю.* Образование в Кесарии Палестинской в III – первой половине VII вв. // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского. Н. Новгород, 2005. С. 72–80.

³ *Schemmel F.* Die Schule von Caesarea in Palästina // *Philologische Wochenschrift.* 45. 1925. S. 1277-1280.

⁴ *Ващева И.Ю.* Кесария Палестинская в III – первой половине VII вв. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. Вып. 1(4). Н. Новгород, 2005. С. 13–25.

⁵ *Downey G.* Caesarea and the Christian Church // *Studies in History of Caesarea Maritima.* Missoula: Scholar Press, 1975. P. 23-42.

⁶ *Sivan H.* Palestine in Late Antiquity. Oxford - New York, 2008. P. 304.

⁷ *Ibid.* P. 313.

Многие из самаритян служили в администрации губернатора и пользовались, вследствие этого, определенным влиянием в городе. Поселения самаритян составляли значительную часть сельской округи Кесарии, отгораживая город от более дальней языческой сельской округи.

Главное в жизни ранневизантийской Кесарии определялось административным фактором. Статус метрополии, столицы провинции Палестина I, положение крупнейшего города Палестины, сохранение муниципальной организации, а также наличие высших школ, деятельность здесь крупных писателей делало Кесарию местом сохранения античных традиций¹. При этом складывавшийся ранневизантийский культурный синтез при относительной безопасности в силу присутствия провинциальной администрации делал сосуществование античных пережитков в морали и нравах населения относительно мирным.

Дворец губернатора (он же изначально Дворец Ирода, он же Преторий), театр и ипподром были мощными топографическими доминантами города, вокруг которых концентрировалось население, связанное с провинциальной администрацией, властью, а также античными традициями. Здесь же располагался и жилые кварталы имперских чиновников, термы с великолепными мозаиками. Язычники проживали в городе еще в VI веке (Анес. 11, 31-32).

В последние десятилетия Кесария стала объектом активных археологических исследований, которые начали проливать свет на ранневизантийский период истории его жителей, хотя ныне лишь 15% территории городища находится внутри позднеантичных стен и доступно для раскопок².

Близ ворот крестоносцев открыт дом (*insula*) с залом приемов и грекоязычными иудейскими надписями V в., из которых следует, что помещение использовалось одно время как судебная палата, а также с цветочными мозаиками. В одной из надписей упоминается строительная активность одного из губернаторов – проконсула Андрея Филоктиста (2 пол. VI в.)³. Рядом раскопано помещение, интерпретируемое как архив (*табулярий*). Рядом находились помещения чиновников. Дом выходил на главную улицу (*decumanus*). Тут же находились бассейн с мозаикой и термы с гипocaustом IV в.

Во 2-й четверти V в. здесь в ходе христианизации был разрушен основной языческий храм города – храм богини Ромы и Августа, но в течение нескольких лет он был восстановлен и окончательно погиб в пламени лишь в конце V в. Это было установлено раскопками в полевом сезоне 2002 г.⁴ Около 500 г. здесь возводится крупная христианская октагональная церковь со стенами из великолепного камня, с мраморными коринфскими капителями. Процесс смены главного храма города христианским в процессе христианизации в Кесарии был более мирным, чем в Газе при сокрушении культа Марны. Причина, видимо, в том,

¹ См.: Levine I.L. *Caesarea under Roman Rule*. Leiden, 1975.

² Sivan H. *Palestine in Late Antiquity*. Oxford - New York, 2008. P. 311.

³ Holm K.G. Andreas Philoktistes, A Proconsul of Byzantine Palestine // *Israel Exploration Journal*. 36. 1986. P. 61-64.

⁴ Sivan H. *Palestine in Late Antiquity*. Oxford - New York, 2008. P. 307.

что Марна был восточным божеством, а главный храм богини Ромы в Кесарии пользовался поддержкой провинциальной имперской администрации.

В городе процветало общественное строительство, финансируемое по-прежнему муниципальной знатью. Так, из надписи 2-й пол. VI в. известен Флавий Стратегий, обновивший стены и монументальные сооружения города¹.

Относительно ранневизантийского периода с IV по 1-ю треть VII вв. в Кесарии известно по письменным источникам о существовании не менее десяти христианских святых мест и церквей². Археологически найдено и идентифицировано только два.

Пока не изученной археологически остается известная по письменным источникам гавань Кесарии – Себастос. Около 500 г. знаменитый ритор и философ Прокопий Газский побывал в этой гавани и упомянул ее в «Панегирике императору Анастасию» (PG 87с. 2817, 19). В одном из мест он рисует картину оживленной суеты в порту, где множество кораблей доставляют городу все самое необходимое (а процветает все это, благодаря, конечно, императору Анастасию)³.

В VI в. жизнь в городе была не очень спокойной. Хорикий Газский в Панегирике Маркиану сообщает о пожаре на агоре Кесарии, когда на ней находилось множество людей (III, 39-43).

Прокопий Кесарийский пишет о том, что в городе в его время было немало крипто-христиан, новообращенных из язычников, а частично – из иудеев и самаритян (Анес. 11, 32), которые лишь по имени были христианами, но еще помнили свой закон, который они исповедовали до обращения.

Кеннет Холум предложил свой вариант сосуществования идентичностей как этноконфессиональных групп, так и личностей позднеантичного города на примере Кесарии Палестинской⁴. В целом, процесс христианизации муниципальной знати здесь был длительным и охватывает V-VI вв. Перелом происходит тогда, когда к обращению в христианство склоняются члены булэ – городского Совета, они же крупные земельные собственники. После этого христианское сообщество становится маркером правильного поведения горожан, хороших манер и образа добрых граждан.

Иудейское сообщество всегда насчитывало несколько тысяч жителей Кесарии. Иудеи были преимущественно торговцами и актерами пантомим в театре, а за городом вели сельское хозяйство⁵. Иудеи придерживались календарей и праздников как официальных язычников, так и христиан. Иудеи так же регуляр-

¹ Ibid. P. 310.

² Holum K.G. The End of Classical Urbanism at Caesarea Maritima // *Studia Pompeiana and Classica in Honour of W.F. Jashemsky*. New Rochell: Karatzas, 1989. P. 92-100.

³ См.: Raban A. The History of Caesarea's Harbors // *Qadmoniot*. 37. 2004. P. 20-21; Sivan H. Palestine in Late Antiquity. Oxford - New York, 2008. P. 312-313.

⁴ Holum K. Identity and the Late Antique City: The Case of Caesarea // *Religious and Ethnic Communities in Later Roman Palestine*. Bethesda, 1998. P. 157-177.

⁵ Archer L.J. The Role of Jewish Women in the Religion, Ritual and Cult of Graeco-Roman Palestine // *Images of Women in Antiquity* / Ed. Averil Cameron, Amélie Kuhrt. L., 1983. P. 73-287.

но посещали все публичные места – ипподром, амфитеатр и др. – как и язычники, и христиане¹.

Самаритяне занимали лишь низшие должности провинциальной администрации в Кесарии. Один самаритянин по имени Фаустин, уроженец Палестины, стал проконсулом Кесарии после 536 г., но при этом приняв христианство. Самаритяне-«бандиты» довольно часто нападали на христианских паломников.

В 541-542 гг. Кесарию охватила эпидемия чумы, принесящая городу значительный ущерб. В 640 г. город был захвачен арабами-мусульманами, что положило предел его ранневизантийской истории.

TO HISTORY OF CAESAREA IN PALESTINE IN THE EARLY BYZANTINE TIME

N.N. Bolgov, A.M. Bolgova, Yu.N. Agarkova

The paper discusses the main events of history and archaeological context-sky Caesarea in Palestine - one of the largest cities in Palestine early Byzantine times.

Keywords: Caesarea, Palestine, Early Byzantium.

ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ВЛАСТИ В СРЕДНЕЙ ИТАЛИИ В VIII в. И ПАПСТВО

М.В. Грацианский (Москва)

В тезисах рассматриваются отношения между Византийской империей и Римской церковью во время правления императора Льва III (717–741) Исавра. В них показано, что действия, предпринятые папой Григорием II в правление Льва III, имеют все признаки государственной измены и делают папу ответственным за утрату Империей значительной части территории Италии.

Ключевые слова: Византия, Италия, папство, Лев III Исавр.

Период конца VII – начала VIII вв., безусловно, был одним из самых тяжелых за всю историю Римской империи средних веков. В результате продолжавшегося несколько десятилетий наступления арабов, аваров и славян у Империи были отторгнуты огромные территории. Арабы захватили Палестину, Сирию, Армению, Египет, Северную Африку. Славяне овладели огромными территориями восточной части бывшей префектуры Иллирик; его западная часть находилась под властью аваров.

Со времени первого свержения Юстиниана II (695 г.) Империя на два с лишним десятилетия погрузилась в политический хаос. Именно в это время Империя утратила Северную Африку, а арабские вторжения теперь были направлены в сердце Малой Азии, в то время как арабский флот вновь начал появляться вблизи самого Константинополя. В 717–718 гг. Константинополь вновь подвергся осаде со стороны арабов. Разгром арабских войск под Константинополем дал

¹ *Holum K. Identity and the Late Antique City: The Case of Caesarea // Religious and Ethnic Communities in Later Roman Palestine. Bethesda, 1998. P. 168.*

императору Льву III передышку на восемь лет, прежде чем вновь начались нападения арабов в Малой Азии (726 г.)¹.

В ситуации, когда Империя утратила огромные и наиболее богатые территории с большей частью населения, организация обороны государства была делом крайне сложным. Требовались большие человеческие и финансовые ресурсы. Естественно, что были введены чрезвычайные налоги, которые тяжким бременем легли на оставшееся население Империи.

К этому времени, несмотря на вторжение лангобардов, Империя сохраняла контроль над значительными частями Италии, включая такие важные города как Рим, Равенна и Неаполь, а также остров Сицилию. Своим высшим чиновникам в Италии император Лев приказал собрать чрезвычайные налоги, распространенные, в том числе, и на церковные имения. Впрочем, эта необходимая мера натолкнулась на сопротивление римского папы Григория II (715–731), который начал препятствовать сбору налогов. Сбор налогов был естественной прерогативой государства и потому действия папы, лица духовного, были квалифицированы как преступные, в силу чего последовал указ императора сместить папу². Аресту папы Григория, который должен был произвести равеннский экзарх Павел, воспрепятствовали вооруженные отряды римского папы, а также отряды короля лангобардов Луитпранда³. Данные действия папы, безусловно, носили теперь признаки государственной измены: вооруженного мятежа и сговора с варварами — внешними врагами Империи.

В дальнейшем, когда в Италию пришел указ императора, ознаменовавший начало иконоборчества, папа и его сторонники открыто отказали в повиновении императору, начав готовить государственный переворот⁴. Сохранившие верность императору военачальники, дуксы Эксиларат и Петр были убиты боевиками папы, причем первый был убит вместе с сыном. Сторонниками папы был затем убит высший имперский правитель Италии равеннский экзарх Павел. Между сторонниками папы и лангобардами был заключен скрепленный клятвами союз, согласно которому они всеми силами должны были сопротивляться императору⁵. Ряд городов при этом сдался лангобардам⁶. Прислав в Неаполь нового дукса Евтихия, император смог удержать в повиновении территории Южной Италии и Сицилию. Впрочем, Евтихий не располагал средствами для того, чтобы подавить мятеж сторонников папы и лангобардов. Единственное, что ему удалось предпринять — это попытаться вбить клин между папой и лангобардами, что ему, впрочем, удалось не вполне⁷.

¹ *Острогорский Г.* История византийского государства. Москва, 2011. С. 215–216.

² *Theophanes Confessor.* Chronographia / Ed. C. de Boor. Т. 1. Lipsiae, 1883. P. 404.3–9 (τοὺς φόρους τῆς Ἰταλίας καὶ Ρώμης ἐκώλυσε...); *Liber pontificalis* / Ed. L. Duchesne. Paris, 1886. P. 403 (censum in provincia ponere praepediebat...).

³ *Liber pontificalis.* P. 404.

⁴ *Liber pontificalis.* P. 404–405; *Theophanes Confessor.* P. 408.23–25; 409.17–18.

⁵ *Liber pontificalis.* P. 406.

⁶ *Ibid.* P. 405.185.

⁷ *Ibid.* P. 405–406.

Напомним, что в 726 в. вновь возобновились вторжения арабов на территорию Малой Азии, с которыми Лев III был вынужден бороться, напрягая все силы Империи. В этой ситуации мятеж в Италии, вызванный первоначально саботажем римского папы в деле сбора налогов с Италии, был для Империи крайне опасен. Именно это и стало причиной того, что Лев направил в Италию флот под командованием стратига кивирреотов Маниса, который, однако, погиб в буре¹.

Ввиду вполне однозначной информации источников, рисующих картину государственной измены римского папы и его сторонников, приведшей к окончательному отторжению от Империи большей части территории Италии и передачи ее под власть варваров, вызывает удивление тот факт, что в общих работах по византистике вина за потерю Италии однозначно возлагается на императора, в то время как о действиях папы и его сторонников не говорится практически ничего².

Совершенно естественным и логичным следствием этих событий была передача императором в юрисдикцию Константинопольского патриарха церковных провинций Южной Италии и Сицилии, поскольку только эти территории оставались под контролем имперской власти. Изменническая политика римского папы и фактическая передача папами территорий Италии под власть варваров-лангобардов, а затем франков, лишала их, согласно распространенным в Империи правовым нормам³, права церковной юрисдикции на этих землях.

THE FALL OF THE BYZANTINE POWER IN THE MIDDLE ITALY IN THE 8TH C. AND THE PAPACY

M.V. Graziansky (Moscow)

This abstract deals with the problem of relations between the Empire and the Church of Rome under the rule of the emperor Leo III the Isaurian (717–741). It demonstrates that the actions, undertaken by the Pope Gregory II at the period of Leo's reign, bear all signs of high treason and make the Pope responsible for the loss of the largest part of Italy for the Empire.

Keywords: Byzantium, Italy, Papacy, Leo III the Isaurian.

ВАРДА ФОКА И ВАСИЛИЙ II: К ВОПРОСУ О БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ В ВИЗАНТИИ В 987–989 ГГ.

А.А. Роменский (Харьков, Украина)

¹ Theophanes Confessor. P. 410.4–16.

² См., например: *Острогорский Г.* История византийского государства. С. 223–224; *История Византии* / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. 2. Москва, 1967. С. 52; *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 1. Москва, 1996. С. 577–578; *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 1. Санкт-Петербург, 1998 (потеря Италии при Льве III даже не упоминается); *Auzépy M.-F.* State of Emergency (700–850) // *The Cambridge History of the Byzantine Empire* / Ed. By J. Shepard. Cambridge, с. 500–1492. P. 284–285 (дается достаточно взвешенная картина отношений Империи и папства в данный период).

³ См.: *Грацианский М.В.* Политико-правовое положение Римской церкви в ранневизантийское время // *Кондаковские чтения – III. Человек и эпоха: античность – Византия – Древняя Русь.* Белгород, 2010. С. 193–197.

Статья посвящена мятежу представителей малоазийской военной знати во главе с Вардой Фокой против василевса Василия II. Рассматривается последовательность событий и роль росов в подавлении мятежа. Реконструируется хронология битвы под Хрисополем.

Ключевые слова: Византия, Василий II, Варда Фока, мятеж, росы.

Причины, характер и сущность вооруженного противостояния между сторонниками Македонской династии и военно-аристократических фамилий Склиров и Фок в конце X в. все еще являются предметом споров исследователей. Для многих поколений ученых, рассматривающих правление Василия II (976–1025) как апогей византийской мощи и высшее проявление феномена византизма¹, был очевиден контраст между провальным началом и успешным завершением его царствования.

Если период пребывания на престоле василевса, впоследствии вошедшего в историческую память с нелестным прозвищем Болгаробойцы², считать временем оформления ключевых тенденций дальнейшего политического, социального и административного развития Второго Рима³, то их истоки, бесспорно, определяются в ходе войн с узурпаторами 976–989 гг. (которые М. Виттоу образно назвал «великими гражданскими войнами»⁴), и сами эти войны являются своеобразным рубежом, разделяющим византийскую историю на «до» и «после»⁵. Такая дихотомия, восходящая к характеристике самодержца, данной Михаилом Пселлом, надолго закрепились в историографии⁶.

Представляется необходимым обобщить и уточнить сведения об апостасии Варды Фоки Младшего в 987–989 гг., ознаменовавшим крайнюю эскалацию и кульминацию борьбы за порфирные сандалии василевса. Важность изучения

¹ *Finlay J.* History of the Byzantine Empire. London; Edinbourg, 1853. P. 436; *Ostrogorsky G.* Geschichte des Byzantinischen Staates. München, 1963. S. 247; *Острогорский Г.А.* История византийского государства. М., 2011. С. 374; *Brehier L.* Vie et mort de Byzance. Saguenay, 2006. P. 200–201; *Runciman S.* Byzantine civilization. London, 1933. P. 48–49; *Diehl Ch.* Histoire de l'empire byzantine. P., 1924. P. 106; *Диль Ш.* История византийской империи. М., 1948. С. 71–74; *Treadgold W.* The History of Byzantine State and Society. Stanford, 1997. P. 532–533; *Stephenson P.* The Legend of Basil the Bulgar-slayer. Cambridge, 2003. P. 1–2; *Angold M.* The Byzantine Empire 1025–1204. A Political History. London, New York, 1997. P. 24.

² *Stephenson P.* The Legend of Basil the Bulgar-slayer. Cambridge, 2003. P. 81–97; *Holmes C.* Political-Historical Survey // Oxford Handbook of Byzantine Studies / ed. by E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cormak. Oxford, 2008. P. 271.

³ *Angold M.* The Byzantine Empire 1025–1204. A Political History. London, New York, 1997. P. 24–34; *Cheyne J.-Cl.* Bureaucracy and Aristocracies // Oxford Handbook of Byzantine Studies / ed. by E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cormak. Oxford, 2008. P. 521–522.

⁴ *Whitton M.* The Making of Orthodox Byzantium. Berkeley, Los Angeles, 1996. P. 361.

⁵ *Treadgold W.* The History of Byzantine State and Society. P. 513–533; *Holmes C.* Political Elites in the Reign of Basil II // Byzantium in the year 1000 / ed. by P. Magdalino. Leiden; Boston, 2003. P. 35; *Eadem.* Basil II and the Governance of Empire. P. 32.

⁶ *Oman C.* The Byzantine Empire. London, New York, 1892. P. 240–241; *Finlay G.* History of the Byzantine Empire. P. 426–427; *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Период Македонской династии. М., 1997. С. 417–418; *Holmes C.* Basil II and the Governance of Empire. New York, 2005. P. 29–35.

мятежа Фоки непосредственно связана также и с русско-византийскими отношениями этого времени, активным участием войска русов в разгроме узурпатора и произошедшим на фоне этих событий Крещением Руси.

Несмотря на краткость сведений источников, очевидно то, что угроза, с которой столкнулся Василий II в 987-989 гг., была значительно большей, чем в 976-979 гг. На этот раз войска его противников находились в непосредственной близости от Константинополя, на азиатском берегу Босфора. На стороне Варды Фоки находилась большая часть армии восточных фем и флота, а также внушавшие ужас ивиры¹, присланные правителем Тао Давидом Куропалатом и сыновьями царя Баграта II². Можно не сомневаться в том, что лишь крайняя необходимость вынудила василевса обратиться за военной помощью к архонту росов – правителю, не пользовавшемуся хорошей репутацией среди ромеев.

Не решаясь напрямую штурмовать Константинополь, Варда Фока решил разделить силы: авангард войск под командованием патрикия Калокира Дельфины, бывшего катепана Италии³ и брата Варды, Никифора Слепого, демонстративно угрожал столице у Хрисополя, в то время как Лев Мелиссин осаждал Авидос – ключевой порт, игравший значительную роль в зерновом импорте для Царственного города⁴. Вероятно, стратегия апостата и зиждилась на попытках принудить горожан к сдаче посредством голода в соединении с разгромом войск Василия II в открытом бою⁵. Ночную переправу последнего через Босфор к Хрисополю с внезапным ударом по врагу следует признать образцовой с точки зрения военного искусства. Высадка корабельного десанта (это и были пресловутые росы) сопровождалась одновременным ударом по противнику из засады⁶.

Точная дата Хрисопольского сражения, произошедшего, по данным Степаноса Таронечи, в 437 г. армянского летоисчисления (24 марта 988 – 23 марта 989 г.)⁷ остается дискуссионной. Большинство исследователей датируют ее летом 988 г.; в то же время, сведения источников позволяют утверждать, что временной промежуток между Хрисопольской и Авидосской битвами не был зна-

¹ Μιχαήλ Ψέλλου Εκατονταετήρις Βυζαντινῆς Ἱστορίας // Bibliotheca Graeca Medii Aevi. Parisi, 1874. Vol. 4. Σ. 8; Михаил Пселл. Хронография. М., 1978. С. 9.

² Розен В.Р. Император Василий Болгаробойца // Записки Императорской академии наук. 1883. Т. 44. С. 27; Histoire de Yahya Ibn-Said d'Antioche / ed. et trad. en français par I. Kratchkovsky et A. Vasiliev // Patrologia orientalis. 1932. Т. 23. Fasc. 2. P. 429; Степанос Таронский. Всеобщая история / Пер. с арм. Н. Эмина. М., 1864. С. 178-179.

³ Cheynet J.-Cl. Pouvoir et contestations a Byzance. Paris, 1990. P. 31.

⁴ Leo Diaconus. Historiae libri decem. // Corpus scriptorum historiae byzantinae. Bonnae, 1828. Pars 11. P. 173-174; Лев Диакон. История. М., 1990. С. 90; об Авидосе см.: Teall J.L. The Grain Supply of the Byzantine Empire, 330-1025 // Dumbarton Oaks Papers. 1959. Vol. 13. P. 119.

⁵ Ioannis Scylitzae Synopsis / ed. J. Thurn // Corpus fontium historiae byzantinae. Berolini, 1973. Vol. 5. P. 336; John Skylitzes. A Synopsis of Byzantine History / transl. by J. Worthley, with introductions by J.-Cl. Cheynet and B. Flusin. Cambridge, 2010. P. 318.

⁶ Ioannis Scylitzae Synopsis. P. 336; John Skylitzes. A Synopsis of Byzantine History. P. 318; Всеобщая история Степаноса Таронского. С. 178-179.

⁷ Всеобщая история Степаноса Таронского. С. 179.

чительным¹. А. Поппэ полагает, что первая из них произошла в январе-начале февраля 989 г., поскольку сразу после нее Варда Фока приказал своему сыну Льву изгнать Антиохийского патриарха Агапия из города, что и было сделано 8 марта 989 г.² Однако, отметим, что изложение событий Яхъей Антиохийским в этом эпизоде не всегда соответствует их хронологической последовательности. Так, очевидной вставкой, лишенной точных хронологических указаний, является сообщение о переговорах с русами, браке их «царя» с сестрой императора и последующем крещении их страны³. После краткого упоминания о победе под Хрисополем Яхъя вспоминает о предшествующем ей отправлении магистра Таронита в Трeбизонд, а также переговорах Фок с Давидом Куропалатом и патриархами Багратидами о военной помощи. Сообщение о судьбе Патриарха Агапия, которого подозревали в неблагонадежности обе стороны, как представляется, также напрямую не связано с датой Хрисопольской битвы⁴.

Рассмотрим указания других источников. По свидетельству Льва Диакона, Варда Фока подошел с основными силами к Авидосу, как только узнал о поражении части своих войск под Хрисополем. В свою очередь, узнав о приближении главного врага, василевс двинулся против него, собрав вооруженный «греческим огнем» флот⁵. Правда, Иоанн Скилица отмечает, что самодержец после первой победы вернулся в Константинополь⁶, но вероятно, он долго не задержался там. Важно отметить то, что Степанос Таронечи помещает битву под Авидосом непосредственно после Хрисопольской, в следующем, 438 г. армянского летоисчисления, когда «время стояло еще весеннее»⁷. Эта знаковая оговорка позволяет относить разгром войск Калокира Дельфины к ранней весне (начало марта) 989 г.

Другая важная операция еще раньше (вероятно, в 988 г.) была поручена магистру Григорию Тарониту, который возглавил морскую экспедицию на Трeбизонд, в глубоком тылу Фок. Рейд Григория окончился поражением, но привел к распылению сил врага: Варде Фоке пришлось отправить для борьбы с ним младшего сына, Никифора Кривошеего, и иверийские войска во главе с «рабом Давида Куропалата» и двумя царевичами Багратидами, Григором и Багратом. Победа последних не имела никакого значения вследствие деморализации войск Фоки, наступившей после известия о Хрисопольской битве⁸.

¹ *Poppe A. The Political Background to the Baptism of Rus // Dumbarton Oaks Papers. 1976. Vol. 30. P. 235–237; Forsyth J. The Byzantine-Arab chronicle (938-1034) of Yahyā b. Saīd al-Antākī . Michigan, 1977. P. 439-440.*

² *Poppe A. The Political Background to the Baptism of Rus. P. 236-237.*

³ *Розен В.Р. Император Василий Болгаробойца. С. 23-24, 196-197, прим. 158; Histoire de Yahya... P. 423-424.*

⁴ *Розен В.Р. Император Василий Болгаробойца. С. 24-25; Histoire de Yahya... P. 425.*

⁵ *Leo Diaconus. Historiae libri decem. P. 174; Лев Диакон. История. С. 90.*

⁶ *Ioannis Scylitzae Synopsis. P. 336; John Skylitzes. A Synopsis of Byzantine History. P. 319.*

⁷ *Всеобщая история Степаноса Таронского. С. 179.*

⁸ *Розен В.Р. Император Василий Болгаробойца. С. 24; Histoire de Yahya... P. 424; Всеобщая история Степаноса Таронского. С. 179.*

Осада Авидоса не имела успеха из-за действий флота Василия II, обеспечивавшего снабжение и поддержку горожан и гарнизона. После разгрома противника у Хрисополя к Авидосу прибыл брат императора Константин, а вскоре и сам самодержец с войсками. Решение о разделе сил, принятое Вардой Фокой, как представляется, предопределило его поражение: часть армии он оставил под стенами города, в то время как сам поспешил вступить в сражение с василевсом.

Согласно рассказу Асох'ика, Василий II решил атаковать неприятеля одновременно с моря и с суши: императорский флот сжег корабли Варды Фоки, в то время как сухопутные войска двинулись к его лагерю¹. Против апостата сыграла и его безрассудная храбрость: предпочитая решать исход дела в личном поединке и считая славную смерть лучше постыдной жизни, он с мечом в руках двинулся на Василия, скачущего перед рядами своих войск². Василевс направился к врагу, держа в правой руке меч, а в левой – образ Богоматери, традиционной заступницы византийских правителей, но вступить в схватку не пришлось, поскольку его визави внезапно повернул вспять, спешился с коня и умер. Вероятно, он погиб вследствие яда: на теле исполина не нашлось ран; привычка пить холодную воду перед сражением стала для полководца фатальной³.

Внезапная гибель Варды Фоки у Авидоса 13 апреля 989 г.⁴ на глазах у его сторонников предопределила победу войск василевса в решающем сражении.

Проведенное исследование позволило реконструировать последовательность событий в ходе мятежа Варды Фоки и определить дату битвы под Хрисополем на основании нового прочтения источников.

BARDAS PHOKAS AND BASIL II: TO THE QUESTION OF THE STRUGGLE FOR POWER IN BYZANTIUM, A. D. 987–989

A.A. Romensky (Kharkov)

The article is devoted to the revolt of the representatives of Asia Minor military elite, led by Bardas Phokas against basileus Basil II. A sequence of events and role of Rhosoi in the suppression of the rebellion is shown. The chronology of the Battle of Chrysopolis is reconstructed.

Key words: Byzantium, Basil II, Bardas Phokas, revolt, Rhosoi.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО РЕСУРСА «ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННОК»

Н.И. Быстрицкий (Москва)

¹ Всеобщая история Степаноса Таронского. С. 179.

² Ioannis Scylitzae Synopsis. P. 336; John Skylitzes. A Synopsis of Byzantine History. P. 319; Μιχαήλ Ψέλλου Εκατονταετήρις Βυζαντινῆς Ἱστορίας. Σ. 11; Михаил Пселл. Хронография. С. 10; Michaelis Pselli Historia Synthomos / rec. Anglice vertit et commentario instruxit W. J. Aerts // Corpus fontium historiae byzantinae. Vol. 30. Berolini, 1990. P. 106.

³ Ioannis Scylitzae Synopsis. P. 336-337; John Skylitzes. A Synopsis of Byzantine History. P. 319-320; Μιχαήλ Ψέλλου Εκατονταετήρις Βυζαντινῆς Ἱστορίας. Σ. 11-12; Михаил Пселл. Хронография. С. 10-11.

⁴ Розен В.Р. Император Василий Болгаробойца... С. 25; Histoire de Yahya... P. 426.

Информационный ресурс «Византийский временник» (www.vremennik.biz) предлагает широкой пользовательской аудитории свободный доступ к более чем 3000 статьям академического журнала «Византийский временник», изданных с 1894 года по настоящее время. Реализованный пользовательский интерфейс ресурса обеспечивает удобные и интуитивно понятные навигацию, поиск и ознакомление с материалами журнала. Развиваясь в дальнейшем ресурс сможет стать местом постоянного общения, обмена мнениями и опытом византиноведческого научного сообщества.

Ключевые слова: Византийский временник, BYZANTINA XPONIKA, византиноведение, instrumentum studiorum, информационный ресурс, электронный ресурс, сетевой ресурс, свободный доступ, архив.

Ежегодник «Византийский Временник / BYZANTINA XPONIKA» является одним из старейших отечественных академических журналов. С момента выхода в свет первого номера журнала прошло уже практически 120 лет, и за этот значительный срок он заслужил признание и уважение византинистов всего мира. Журнал не только сформировал свой неповторимый облик и богатую научную традицию, но и гармонично меняется сообразно новым веяниям времени. На сегодняшний день журнал соответствует основным требованиям ВАК при Минобрнауки России (от 23 июля 2013 г.), включен в «Перечень рецензируемых научных журналов и изданий», содержится в Российском индексе научного цитирования. Одним из таких важных критериев является наличие у издания двуязычного сайта в сети Интернет.

Предвосхищая современные тенденции, рабочая группа журнала еще несколько лет назад приступила к формированию электронного ресурса журнала «Византийский Временник РАН». При создании ресурса во главу угла ставились следующие цели:

- Обеспечить открытый и удобный доступ к архиву статей журнала.
- Облегчить ученым поиск и ознакомление с трудами по всему спектру традиционных направлений византиноведения (что особенно важно для молодых исследователей).
- Повысить информированность мирового научного сообщества о состоянии отечественных византиноведческих исследований.

Появление такого ресурса предполагает возможность использования его материалов широким кругом пользователей (студенты, аспиранты, ученые, библиотекари, любители истории). Таким образом, разные пользователи могут использовать ресурс для различных целей, например:

- получить доступ к конкретной работе (поиск);
- ознакомиться с содержанием определенного номера журнала (содержание);
- отследить круг работ по изучаемой теме (рубрикатор);
- ознакомиться с полным перечнем трудов конкретного автора (список авторов).

В контексте такого использования ресурс предусматривает средства авторизации и индивидуализации пользователей.

На настоящий момент информационный ресурс «Византийский временник» (www.vremennik.biz) представляет собой полномасштабный действующий

тематический портал с интерактивными пользовательским интерфейсом. На нем реализованы механизмы поиска и рубрикации. В состав ресурса включены следующие основные разделы:

- Общие сведения о журнале (краткая история, контактная информация)
- Информация для читателей и авторов журнала
- Архив статей (основной раздел, обеспечивающий доступ к текстам и библиографическим данным статей старой и новой серий журнала)
- Список авторов (справочные материалы об авторах журнала)
- Список статей (алфавитный перечень статей журнала)
- Рубрики (алфавитный перечень тематических рубрик)
- Библиотека (свободный онлайн доступ к текстам научных работ)
- Форум обмена мнений.

Каждая статья в архиве имеет собственную страницу и оформлена в следующем виде:

- Заглавие
- Автор(ы)
- Основные характеристики
- Аннотация
- Текст статьи в pdf-формате
- Рубрики и ключевые слова
- Заметки
- Выходные данные.

Статейный материал журнала может связываться с терминами рубрикаторов (тематического, хронологического, географического, просопографического) и ключевыми словами. Ресурс имеет интерактивную составляющую: форум и комментирование, что предоставляет зарегистрировавшимся читателям возможность заносить комментарии (замечания) для каждой статьи или тома журнала.

Крайне важно, что пользовательский интерфейс ресурса обеспечивает удобное и интуитивно понятное взаимодействие пользователей с содержанием.

Реализация работ по созданию и наполнению информационного ресурса «Византийский временник» все еще продолжается. Мы приглашаем коллег к участию в его развитии, будем рады разместить ваши биографические данные, воспоминания и другие материалы по теме становления и развития отечественного византиноведения. По нашему мнению, ресурс «Византийский временник» развиваясь и наполняясь нашими общими усилиями, в дальнейшем сможет стать местом постоянного общения, обмена мнениями и опытом отечественного византиноведческого сообщества.

THE ON-LINE INFORMATION RESOURCE “VIZANTIISKIY VREMENNİK”

N.I. Bystrizky (Moscow)

The on-line resource “Vizantiiskiy Vremennik” (www.vremennik.biz) proposed broad audience free access towards about 3000 papers from academic journal “Vizantiiskiy Vremennik / BYZANTINA XPONIKA”, which were published from 1894 to the present. The implemented user interface allows easy

and intuitive navigation, search and acquaintance with the materials of the journal. Developing in the future resource will be a place for ongoing communication, exchange of ideas and experiences of Byzantine scientific community.

Key words: Vizantiiskiy Vremennik, BYZANTINA XPONIKA, Byzantine Studies, research tool, information resource, electronic resource, on-line resource, free access, archive.

СВЯТИТЕЛЬСКИЙ ЧИН АЛТАРЯ ГЕОРГИЕВСКОГО ПРИДЕЛА СОФИИ КИЕВСКОЙ ПО ДАННЫМ ЭПИГРАФИКИ

В.В. Корниенко (Киев, Украина)

В статье публикуются новые данные, позволяющие идентифицировать образы святых, выполненных в святительском чине крайнего северного нефа Софии Киевской, посвященного великомученику Георгию. До недавнего времени образы этих святых оставались неопределенными, и только благодаря обнаруженным граффити №№ 856, 923, 930, 970, 977 и 978, выполненных возле каждой фигуры, удалось установить их имена. Выполненные на греческом языке надписи являются рабочими пометами во время выполнения работ по оформлению интерьеров Софии Киевской.

Ключевые слова: эпиграфика, граффити, святительский чин, София Киевская, Киевская Русь, средневековье, христианство.

Для исследования иконографической программы росписи Софии Киевской существенным препятствием является неопределенность большинства однофигурных фресок храма, ведь из приблизительно 500 изображений лишь немногим более десятка сохранили сопровождающие надписи-дипинти. Важную роль для определения образов святых играют выполненные на фресках надписи-граффити.

Изучая эпиграфические памятники Софии Киевской, С.А. Высоцкий выделил тематическую группу „надписей, относящихся к фрескам”¹. Эту группу исследователь разделил на два вида. К первому были причислены надписи, сообщающие названия композиций или имена отдельных образов, ко второму – молитвы, обращенные к изображенным на фресках святым. Полученная в ходе изучения таких надписей информация позволила исследователю идентифицировать несколько однофигурных фресок храма².

При определении образов святых, для понимания иконографической программы собора, Н.Н. Никитенко привлекала как выявленные до нее граффити на фресках, так и ранее неизвестные, причем при обязательном сопоставлении этих

¹ *Высоцкий С.А.* Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI – XVII вв.). Киев, 1976. С. 258-259.

² *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Выпуск I. Киев, 1966. С. 34-37, 68-76, 101-106. *Высоцкий С.А.* Средневековые надписи... С. 88-92, 103-105; *Высоцкий С.А.* Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985. С. 25.

данных с иконографией фигур¹. Этой же методике придерживаются ее российские коллеги².

Начатые нами в 2006 г. систематические исследования софийской эпиграфики позволили обнаружить значительное количество новых граффити, в том числе и подписей к фресковым образам. Кроме того, было установлено, что они выполнялись как на греческом языке, так и на древнерусском. Поэтому неприемлемым является тезис С.А. Высоцкого, что причиной появления подобных подписей к фрескам был тот факт, что сопровождающие образы святых надписи-дипинти были выполнены на греческом языке, малопонятном для широких слоев населения, поэтому и возникла необходимость „дополнить” греческий текст кириллическим. По мнению Н.Н. Никитенко, появление большинства подписей к образам святых связано с тем, что надписи-дипинти со временем начали исчезать из-за осыпания красочного слоя с поверхности фрески, что вызвало необходимость выцарапывания имени святого для дальнейшего подновления сопровождающих надписей краской. В случае с выполненными по сырой фресковой штукатурке надписями их рабочий характер очевиден. Именно такие шесть граффити выявлены автором в приделе св. Георгия Великомученика.

Святительский чин расположен в апсиде, по три фигуры с каждой стороны окна в ее восточной части. Образы святых до недавнего времени оставались неизвестными³. Ситуация кардинально изменилась после выявления шести граффити (см. табл.), расположенных на уровне ног каждой фигуры. Надписи на южной стене находятся справа от фигур святых, на северной – слева. Внешний вид каналов прорезей указывает, что буквы были выцарапаны по сырой фресковой штукатурке еще до нанесения краски. Следовательно, граффити были выполнены во время отделочных работ в соборе с целью определения места размещения образов в святительском чине согласно иконографической программе росписи апсиды. Благодаря форме прорезей надписи могут быть уверенно датированы периодом 1014/1015-1018 гг.⁴, когда проходили работы по оформлению интерьера Софии Киевской⁵. Формы написания букв не противоречат такой датировке. Отсюда можем сделать вывод, что эти граффити служат дополнительным подтверждением тому, что еще к началу создания храма вырабатывалась

¹ *Никитенко Н.Н.* Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской: Историческая проблематика Киев, 1999. С. 161-184, 224-240; *Никитенко Н.* Святая София Киевская. Киев, 2008. С. 183-243.

² *Герасименко Н.В., Захарова А.В., Сарабьянов В.Д.* Изображения святых во фресках Софии Киевской. Часть I: Внутренние галереи // *Византийский временник*. 2007. № 66 (91). С. 26.

³ *Собор Святой Софии в Киеве: книга-альбом / Автор текста Г.Н. Логвин.* Київ, 2001. С. 122.

⁴ Из последних работ на эту тему см.: *Никитенко Н., Корниенко В.* Древнейшие граффити Софии Киевской и время ее создания. Киев, 2013.

⁵ *Никитенко Н.Н.* Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской. Историческая проблематика. Киев, 2004. С. 238; *Нікітенко Н.М., Нікітенко М.М.* Час виникнення Софії Київської: дані джерел у світлі новітніх досліджень // *Архітектурна спадщина України*. 1996. Вип. 3. Ч. 1. С. 33-35;

иконографическая стенописная программа, отражающая местные церковно-политические нужды¹.

В процессе исследования граффити получили порядковые номера 856, 923, 930, 970, 977 и 978². Все указанные надписи выполнены на греческом языке, подобно размещенным в апсиде Михайловского придела надписям, обнаруженных ранее С.А. Высоцким³. Однако в нашем случае автором сознательно были опущены греческие окончания слов. Такие факты известны в греческой эпиграфике XI в. Например, их отмечала Е.Ч. Скржинская в связи с исследованием надписи на мраморной плите XI в. из Керченского музея⁴.

Согласно данным граффити № 856, крайним справа был изображен сщмч. Власий (рис. 1), епископ Севастийский, память которого приходится на 11 февраля. Во время Лициниевых гонений на христиан он скрывался на горе Аргос, однако был разоблачен и арестован. За отказ поклониться языческим богам Власий и обращенные им язычники были преданы пытке, а потом казнены. Когда святому угрожали утоплениям, он прошел по воде как по суше. Тогда епископ был казнен путем усекновения главы вместе с двумя отроками. Страдание и смерть священномученика относят к 316 г. Их тела были похоронены на месте смертной казни, от гробниц больным даровалось исцеление⁵. Иконографическим подтверждением идентификации образа святого является фреска 1199 г. в апсиде церкви Спаса на Нередице. Здесь образ сщмч. Власия в святительском чине уверенно определяется благодаря сопровождающей надписи „святой Власий”⁶.

На южной стороне апсиды вторым (если двигаться к востоку), согласно данным граффити № 923, был изображен свт. Мартин Исповедник (рис. 2), Папа Римский (649-653/655), память которого отмечается 14 апреля. Папа пострадал за отказ принять догматы монофелитов. Этого учения придерживался константинопольский патриарх Павел II (641-653) и поддерживал император Константин II (641-668). Созванный Папой поместный собор осудил учение монофелитов, объявил его ересью и подверг анафеме. В итоге Папе Мартину было предъявлено обвинение в связях с сарацинами, якобы с целью подстрекательства их к восстанию. А также в „неправильном соблюдении веры и не почитании Пречистой Богородицы”. Потом его тайно арестовали и вывезли за пределы Италии. После суда Папа был отправлен в ссылку в Херсон, где и умер вследствие жестокого

¹ Никитенко Н.Н. Русь и Византия... С. 181.

² Корниенко В.В. Корпус графіті Софії Київської (XI – початок XVIII ст.). Ч. 1: Приділ св. Георгія Великомученика. Київ, 2010. С. 54, 65, 67, 74, 75-76.

³ Высоцкий С.А. Киевские граффити... С. 25, рис. 3, 4, 5.

⁴ Скржинская Е.Ч. Русь, Италия и Византия в Средневековье. М., 2000. С. 95-96.

⁵ Жития святых, на русском языке изложенные по руководству четьих-миней св. Дмитрия Ростовского. Киев, 1999. Кн. 6 (февраль). С. 211-221.

⁶ Лазарев В.Н. Древнерусские мозаики и фрески XI – XV вв. М., 1973. С. 244. Недавно еще один фресковый образ св. Власия обнаружен нами в приделе свв. Иоакима и Анны. Имя святого также было определено благодаря надписи-граффити.

отношения к нему, болезни и старости 16 сентября 655 г.¹ Святого похоронили в храме загородного монастыря Богоматери Влахернской, с которым исследователи отождествляют Южный загородный крестообразный храм; мощи святого были наделены целебной силой и притягивали к себе большое количество богомольцев². Очевидно, этот факт способствовал размещению образа Папы Мартина в одном из алтарей кафедрального храма Киева, ведь его основатель Владимир Великий крестился в Херсонесе. Вполне вероятно, что он мог привезти частицу мощей святого Мартина.

Третьим на южной стороне апсиды, согласно данным граффити № 930, был изображен свт. Прокл (рис. 3), патриарх Константинопольский (434-446), память которого отмечается 20 ноября. Ученик свт. Иоанна Златоуста, свт. Прокл при нем был дьяконом, потом иеромонахом и синкелом. Находясь в патриарших покоях, синкел сподобился чуда видеть приход к свт. Иоанну св. апостола Павла, который тайно вдохновлял Златоуста во время написания им произведений. После изгнания и смерти своего учителя, свт. Прокл был поставлен епископом города Кизика, однако из-за сильных позиций ересиархов в городе вынужден был возвратиться в Константинополь, где через год был избран патриархом. Именно он убедил императора Феодосия II (408-450) перенести мощи свт. Иоанна Златоуста в Константинополь. Свт. Прокл активно боролся с ересями, в частности, он в 429 г. выступил с публичными обвинениями Нестория. От творческого наследия свт. Прокла сохранилась 21 проповедь. Умер святой в 446 г.³

Согласно данным граффити № 970, святительский чин северной стороны апсиды начинает образ свт. Епифания (рис. 4), епископа Саламинского, архиепископа Кипрского, выдающегося христианского проповедника и ученого, память которого отмечается 12 мая. За жизнь святой сподобился на сотворение многих чудес, в частности, он мог исцелять больных и воскрешать мертвых. Свт. Епифаний выступал активным борцом с ересями. В своих работах „Анкорат” („Якорь веры”) и „Панарий” („Домашняя аптека”), хорошо известных на Руси, он изложил суть и опроверг около 20 дохристианских и 80 христианских еретических учений. Умер святой 12 мая 403 г. в возрасте 96 лет. Похоронен святой в городе Саламине на Кипре, в созданной им церкви, где возле гроба святого больным даровалось исцеление⁴. Иконографическим подтверждением такой атрибуции фигуры святого выступает образ свт. Епифания из мозаичной композиции святительского чина центральной апсиды Софии Киевской, на ее

¹ Жития святых, на русском языке изложенные по руководству четьих-миней св. Дмитрия Ростовского. Киев, 1999. Кн. 8 (апрель). С. 201-210. *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 2. Харьков, 2005. С. 1289.

² *Сорочан С.Б.* Указ. соч. С. 787-819, 1302-1307.

³ Жития святых, на русском языке изложенные по руководству четьих-миней св. Дмитрия Ростовского. Киев, 1999. Кн. 3 (ноябрь). С. 563-567.

⁴ Жития святых, на русском языке изложенные по руководству четьих-миней св. Дмитрия Ростовского. Киев, 1999. Кн. 9 (май). С. 387-429.

северной стене. Здесь возле образа святого сохранилась греческая надпись „святой Епифаний”¹.

Далее, согласно данным граффити № 977, на фреске был изображен святитель Павел I Исповедник (рис. 5), константинопольский архиепископ, память которого отмечается 6 ноября. Святой был избран на архиепископский престол в условиях роста позиций ересиархов-ариан и вскоре под давлением императора Восточной Римской империи Констанция II (337-361) вынужден был оставить престол, который занял арианин Евсевий Никомедийский, и бежать в Рим. По смерти Евсевия Павел приезжает в Константинополь и вторично возглавляет архиепископскую кафедру, однако под давлением Констанция II снова вынужден оставить столицу. Тем не менее, вскоре святитель возвратился благодаря вмешательству императора Западной Римской империи Константа (337-350) и в третий раз был избран архиепископом. После гибели покровителя Павла императора Константа Констанций отправил святого в ссылку в армянский город Кукуз, где Павел был убит арианами в 350 г. или 351 г. во время служения Литургии. В 381 г. император Феодосий I Великий (379-395) перенес мощи святого в Константинополь, откуда в 1326 г. они были перевезены в Венецию².

И, наконец, последняя надпись, № 978, указывает, что на фреске был изображен свт. Вассиан (рис. 6), епископ Лавдийский, память которого приходится на 10 июня. На его римское (западное) происхождение указывает сам фресковый образ, ведь святой изображен с тонзурой, подобно образам сщмч. Климента, Папы Римского или архидьякона Лаврентия Римского из мозаичного святительского чина центральной апсиды Софии Киевской³. Свт. Вассиан был послан в Рим для обучения, где и крестился. Спасаясь от преследований слуг отца-язычника правителя Сиракуз, который хотел возвратить сына, крещенный Вассиан покинул Рим. Накануне ему в церкви Святого евангелиста Иоанна Богослова явился сам апостол, раскрыв намерения отца и велел идти в Равенну. Там Вассиан был посвящен в сан епископа, а со временем стал епископом лигурийского города Лодии (или Лавдии), в восточном предместье которого выстроил храм Святых Апостолов. Святой сотворил много чудес, в частности, воскресил юношу, когда того укусила змея. Умер свт. Вассиан в 409 г., он был похоронен в построенном им храме, где возле гроба святого больным приходило исцеление⁴.

Таким образом, исследование граффити позволило установить, что в святительском чине апсиды Георгиевского придела изображены свт. Епифаний, свт. Павел, свт. Вассиан, свт. Прокл, свт. Мартин и свщм. Власий.

¹ Собор Святої Софії... С. 212, рис. 154, с. 218, рис. 160; *Лазарев В.Н.* Мозаики Софии Киевской. М., 1960. С. 112-113, табл. 48, 50.

² Жития святых... Кн. 3 (ноябрь). С. 113-122.

³ Собор Святої Софії... С. 216, рис. 158, с. 220, рис. 162; *Лазарев В.Н.* Мозаики Софии Киевской... С. табл. 51, 55.

⁴ Жития святых, на русском языке изложенные по руководству четьих-миней св. Дмитрия Ростовского. Киев, 1999. Кн. 10 (июнь). С. 178-191.

Как показывают исследование Н.Н. Никитенко, в росписях придела, посвященного св. Георгию Великомученику, который является символом победы христианства над язычеством, среди мученических действий святого избраны те моменты, которые подчеркивают его миссионерское служение вере; главной идеей росписи этого цикла является тема обучения вере, убеждение в правоте христианства царя и его воинов (относительно Руси – князя и дружины), а также подвига во имя веры¹.

Образы святых святительского чина полностью отвечают заложенным в программу росписи идеям. Святители Власий и Вассиан проповедью и подвижничеством утверждали победу христианства над язычеством, а Епифаний, Павел, Мартин и Прокл – истинной христианской веры над ересями. Образы святых размещены попарно, по принципу диархии и симфонии. Свт. Епифаний, проживший долгую жизнь и активно выступавший против ересей, изображен напротив сщмч. Власия, погибшего мученической смертью, утверждая силу христианской веры. Свт. Мартин Исповедник, архипастырь Римской церкви, изображен напротив свт. Павла Исповедника, архипастыря Константинопольской церкви. Оба святых за исповедование истинной христианской веры и выступления против поддержанной властью ереси испытали гонения и погибли. Свт. Вассиан, утверждавший христианство среди язычников, изображен напротив свт. Прокла, который боролся с ересями. Последних объединяет то обстоятельство, что при жизни оба сподобились видеть явление святых апостолов: Вассиану явился св. Иоанн, а Проклу – св. Павел. Тем не менее, в основе этих противопоставлений лежит одна идея, которая проходит через всю жизнь святых – служение истинной вере, утверждение в правоте и победы христианского вероучения. Соответственно, подтверждается тезис о том, что содержание росписи Георгиевского придела находит связь с темой крещения Руси, а не с тезоименством Ярослава².

Подобно святительскому чину центральной апсиды, святительский чин Георгиевского придела начинает образ свт. Епифания Кипрского. Этот образ был избран благодаря хронологическому совпадению дня памяти святителя и дня освящения Десятинной церкви, ведь такие факты приобретали сакральное значение. Именно поэтому в ряде выдающихся представителей вселенской церкви поставлен первым тот святитель, день памяти которого начинает хронологический отсчет становления Церкви Руси³.

ICONS OF SAINTS IN SAINT GEORGE NAVE OF ST. SOPHIA IN KYIV V.V. Korniienko (Kyiv, Ukraine)

The article deals with the new information about the identification of icons of the saints, situated in the second north Saint George nave. Till our days icons of the saints were no identified. Now this problem

¹ Никитенко Н.Н. Русь и Византия... С. 197-199.

² Там же. С. 202.

³ Там же. С. 178-180.

is solved owing to inscriptions №№ 856, 923, 930, 970, 977 and 978, which accompanied the icons. Greek inscriptions are marks, which were done during the design of interior of St. Sophia in Kyiv.

Key words: epigraphy, inscription, St. Sophia in Kyiv, Kyivan Rus', Middle Ages, Christianity.

Рис. 1. Образ св. Власия, епископа Севастийского.

Рис. 2. Образ св. Мартина, Папы Римского.

Рис. 3. Фрагмент образа св. Прокла, Патриарха Константинопольского.

Рис. 4. Образ св. Елифания Кипрского.

Рис. 5. Образ св. Павла Исповедника.

Рис. 6. Образ св. Вассиана, епископа Лавдийского.

№	Форма написания имени в граффити	Реконструкция текста
856	ΒΛΑΣΙ	Βλαση(ος)
923	ΜΑΡΤΙΝ	Μαρτην(ος)
930	ΠΡΟΚ-	Προκ[λ](ος)
970	ΕΠΙΦΑ ΝΙ	Επηφανη(ος)
977	ΠΑΒΕ Λ-ΣΟ ΜΟΛΟ ΓΙΤ	Παβελ[ο]ς Ομολογητ(ης)
978	ΒΑΣ---	Βασ[ηαν](ος)

ГРАФФИТИ ВАРЯЖСКИХ ПЕЩЕР КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ

Я.В. Литвиненко (Киев, Украина)

Сегодня Варяжские пещеры являются составной частью Дальних лабиринтов Киево-Печерского монастыря (илл. 1). Начиная с XIX в., исследователи неоднократно обращали на них свое внимание – в первую очередь, с исторической и археологической точек зрения. Граффити же – начертанные надписи, которыми покрыты стены коридоров и сводов Варяжских пещер, оставались фактически вне зоны изучения специалистов. Фактически, только единожды – в 1998 году, в ходе проведения археологических работ на них было обращено внимание, что и нашло отражение в отчете М. Стрихаря¹. В этом документе представлено небольшое количество граффити с прорисовками, а именно: крест голгофа, датированная надпись – XVII века (илл. 2), о которой пишет Реутов в «Дивах пещер лаврських»², – и две надписи, которые автор отчета относит к XVIII ст.

В действительности, общее количество граффити в Варяжских пещерах, согласно визуальному обследованию, исчисляется в пределах 300. Целью данного выступления, в первую очередь, является попытка систематизировать многочисленные граффити в соответствии с периодами их возникновения.

Отметим, что в Варяжских пещерах, в отличие от пещерных участков Ближних пещер, граффити древнерусского периода пока не обнаружены, однако это не означает, что их не существовало вовсе. Не раз пещерные коридоры подвергались ремонтным работам. Кроме того микроклимат с повышенной влажностью оказывал, несомненно, отрицательное воздействие на песчаник, который при переувлажнении может легко отслаиваться и опадать, внося, тем самым существенные и порой необратимые изменения в интерьерах пещер.

Самые ранние датированные граффити относятся к XVII в. На фотографии запечатлен небольшой участок стены с тремя разновременными надписями (илл. 3). Первая надпись, в которой присутствует дата ее исполнения, состоит из двух строк. В верхней строке четко прочитывается «року 1618», во второй – «был тут...», далее следует имя писавшего. Не все буквы в этом имени сохранились, но с большой долей вероятности оно может читаться как Панкратий.

Вторая надпись была более содержательная, она состояла из трех строк. В начале ее читается только одно слово – «монах», далее сохранились всего две буквы – «фи...». На наш взгляд, они могли быть началом имени, к примеру, Филарет. От второй и третьей строчек уцелели, увы, только отдельные буквы, поэтому реконструировать сам текст возможным не представляется. Здесь необхо-

¹ Стрихарь М. Отчет о спелео-археологических исследованиях Варяжских пещер Киево-Печерской Св. Успенской лавры. 1988 г. // Лаврский альманах. Вип. 27. К., 2012. С. 67-101.

² Реутов А.В. Лаврські печери як архітектурна пам'ятка // Дива пещер лаврських. К., 1997. С. 101-111.

можно заметить, что многие буквы во второй и третьей строчках были повреждены непосредственно в момент создания вышеописанных граффити. Можно утверждать, что трехстрочная надпись была создана до 1618 года, поскольку именно эта дата (естественно, в ее церковнославянской интерпретации) перекрывает текст. Сам же текст может относиться как к началу XVII ст., так и к более раннему периоду.

Еще одна надпись (**илл.4**), которая безусловно относится к XVII ст., оставлена автором на стене в келии со стасидией. Весь текст читается достаточно хорошо, а именно: «Многогрешный Иоанн Стефанович был здесь в року ...». Сама дата, начерченная автором в четвертой строке, к сожалению, сохранилась не полностью. Но первые две цифры – А и X, в их церковнославянской интерпретации, не оставляют сомнений принадлежности данного текста к XVII ст.

В процессе первичного исследования Варяжских пещер на предмет выявления граффити, нами был зафиксирован так же ряд надписей, которые по палеографическим признакам, предположительно можно отнести к XVII ст. Из-за отслоения и опадания грунта многие из них сохранились фрагментарно, однако первые слова в них, как правило, прочитываются хорошо. Все надписи объединяет стандартная форма построения: «Тут был...», «Тут ходил...», «Тут раб...» (**илл. 5**). В этот же ряд можно поставить и граффити (**илл. 6**), которое читается как, «Асеходили», и дословно означает: «тут ходили». Кроме вышеозначенной формы построения надписей авторы многочисленных граффити в большинстве случаев просто писали на стенах свои имена. Так, весьма любопытное граффити с элементами скорописи оставил некий Петр Фрупасий (?) (**илл. 7**). Еще одно интересное граффити – состоит всего из одного слова и читается как «Пацеха» (**илл. 8**). В переводе с белорусского языка означает «потеха». В данном случае, автор граффити, очевидно, написал свое прозвище или фамилию. Удлиненные хвосты в литерях «а» свидетельствуют о принадлежности этого граффити к началу XVII ст., так как именно в тот период и появляется подобная форма написания буквы «а». Кроме надписей выполненных кириллицей, встречаются граффити, начертанные латинским шрифтом. «Rab Bog Mychaylo» (**илл. 9**), по происхождению явно славянин, показал свою образованность именно таким образом – увековечив свое имя с помощью латинских букв. Отметим, что для Киева в XVII ст. подобное написание латинскими буквами было абсолютно нормальное явление. Примером тому, может служить еще одна надпись (**илл. 10**), начерченная латинскими буквами, в которой уверенно читается имя автора, а именно «Симон».

Датированных надписей XVIII ст. нами пока обнаружено всего две, и обе они относятся к концу столетия. Первая надпись (**илл. 11**) состоит из даты и соответственно имени автора. Хотя первые две цифры в дате начерченной неким Петром повреждены, в целом она может читаться как 1780 год.

Вторая надпись (**илл. 12**), на наш взгляд, более интересная. Оставил ее, как свидетельствует дата, 26 ноября 1791 г. капитан Кропотов. Вероятнее всего,

Кропотов входил в состав инженерной команды, которая именно в то время занималась противооползневым укреплением пещерных холмов.

Самое большое количество граффити в Варяжских пещерах было сделано в XIX веке. Различные даты, оставленные на стенах пещерных коридоров в период с 1800 по 1892 гг., свидетельствуют об активном посещении знаменитого участка древних лабиринтов. Судя по надписям, в пещерах побывали монахи и послушники (**илл. 13**), певчие и приходские священники, студенты и просто любопытные.

Одно интересное граффито, на котором мы остановимся подробнее, относится к первой половине XIX ст. Данная надпись, как и многие другие, достаточно лаконична, в ней ясно прочитывается следующее: «А. Катенин 1837 г. 15-го августа» (**илл. 14**). Уже сама дата сразу же привлекает внимание: 15-е августа по старому стилю – это главный праздник Киево-Печерской лавры – Успение Богородицы. Как известно из различных источников, именно в этот день, 15 августа 1837 г., в день храмового лаврского праздника Успения Богоматери... государь Николай I слушал в монастыре торжественную литургию. В свите Николая I находился флигель-адъютант, полковник Александр Андреевич Катенин, сопровождающий царя в его поездке на Кавказ. В скором будущем Александр Катенин прославится как один из героев кавказской войны, отличившись при взятии аула Ахульго, где находилась крепость-замок Шамиля. Возможно это всего лишь совпадение фамилий, но, как удалось выяснить, Александр Катенин мог посещать Варяжские пещеры не из праздного любопытства, а как любознательный выпускник Горного кадетского корпуса, где в молодые годы он учился.

Хочется отметить еще несколько датированных граффити за 1837 год. Две надписи оставили на стенах Варяжских пещер студенты киевского университета. Напомним, что именно в 1837 г. была произведена закладка главного красного корпуса университета Св. Владимира. Первая надпись (**илл. 15**) достаточно лаконична и говорит сама за себя: «1837 Был студент Св. Володимира», во второй надписи (**илл. 16**), где стоит дата и фамилия с инициалом ее наносившего прямой ссылки, что автор является студентом университета не имеется. Но, как удалось выяснить, такой студент существовал. З. Коленко известен еще как и автор сочинения об «Киевском Университете» «Взгляд на город Киев», в котором он пишет: *«Но что так сильно бьется сердце мое? Зачем глаза мои устремлены прямо за золотые врата — на широкую равнину? Что влечет меня на это место?... Здесь воздвигается святилище наук, воздвигнется университет Св. Владимира. Великий Просветитель! Ты первый посеял здесь семена просвещения! Озари ныне создающийся храм просвещения и благослови нас, которые должны быть как бы краеугольным камнем этого заведения».*

Еще одно граффито (**илл. 17**) относится к Жуковскому и датировано 7 октября 1837 г. Не берусь утверждать, что данный автограф принадлежит выдающемуся русскому поэту-романтику, другу А.С. Пушкина Василию Андреевичу Жуковскому, для этого прямых доказательств не имеется. Но из биографии поэта известен один любопытный факт: именно 6 и 7 октября 1837 г. Жуковский

пребывал в Киеве и знакомился с историческими местами древнего города, делал зарисовки, интересовался древними могилами, встречался с известным ученым А.А. Максимовичем.

Среди трехсот граффити Варяжских пещер есть несколько, относящихся к сравнительно недавнему времени – середине прошлого столетия. Тем не менее, они представляют значительный интерес. Из этих надписей в отдельную группу можно выделить граффити, созданные монахами лавры во время Второй мировой войны.

Первая надпись читается как: «Епископ Леонтий 7.III.42» (илл. 18). Исходя из даты, имени и духовного сана человека, который оставил ее, граффити можно соотнести с Леонтием Епископом Чилийским. Из архивных документов известно, что во время оккупации Киева, 7 ноября 1941 года архимандрит Леонтий был рукоположен в епископа Бердичевского. В 1942 году он брал участие в отпевании и захоронении около входа в Ближние пещеры своего духовного настоятеля – схиархиепископа Антония (Абашидзе).

Следующая надпись датирована 18.II.1942 г., имя человека, ее оставившего читается как «Дмитрий Биакай» (илл. 19). Похожее имя встречается только один раз – в архивном документе, который условно называется «Из автобиографии архимандрита Валерия»¹³. В этом источнике фигурирует секретарь схиархиепископа Антония (Абашидзе) Дмитрий Биока или Биокай. Основываясь на совпадении времени, имени и схожести фамилии, мы можем предполагать, что это – один и тот же человек.

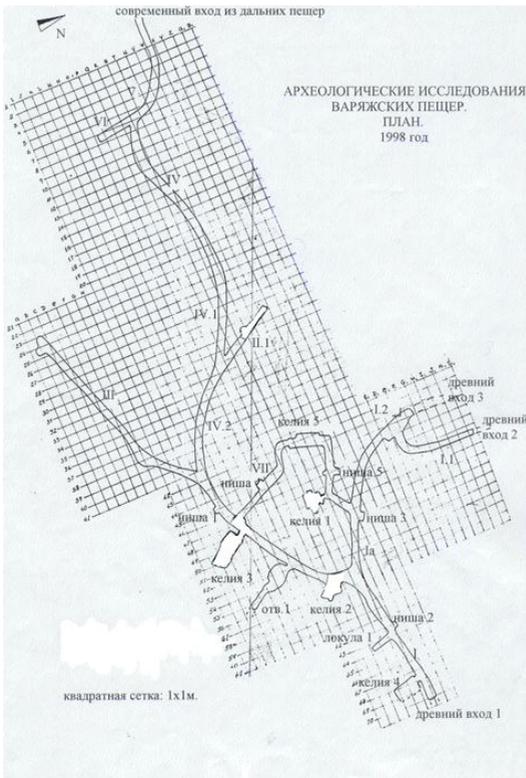
Напомним, что монахи приходят в лавру в конце 1941 года, а первое богослужение во вновь открытом монастыре происходит на Крещение в 1942 году, именно в это время и возникают вышеназванные граффити.

Следующий блок граффити, на который мы обратили внимание, принадлежит сотрудникам Киево-Печерского заповедника начала 1950-х годов. Две надписи, а именно М.З. Петренко и В.Г. Демин объединены одной датой – 1951 г. (илл. 20). Марк Захарович Петренко, известный для многих сотрудников как заместитель директора по научной работе, а также – как автор многих путеводителей по лавре. В.Г. Демин в 1950-х годах работал на должности заведующего отделом охраны и изучения памятников архитектуры. Молодые специалисты, пришедшие на работу в заповедник, очевидно, сразу же проявили высокую активность в изучении пещерных лабиринтов, о чем и свидетельствуют оставленные ими автографы.

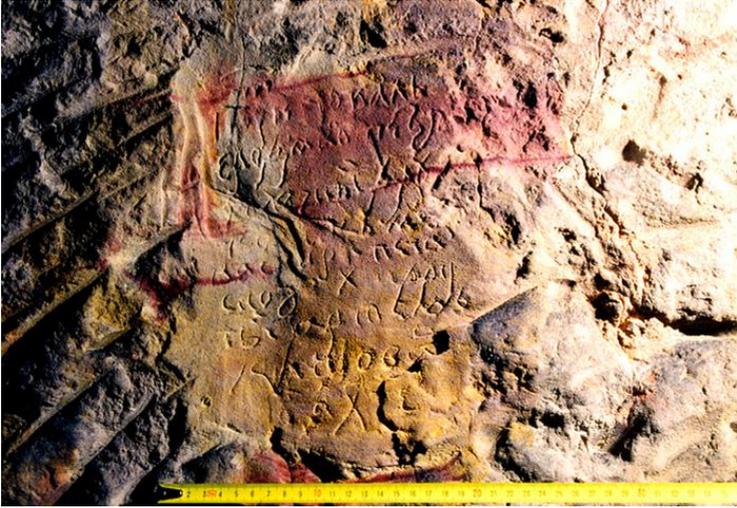
Говоря о современных граффити, необходимо отметить, что их предостаточно. Начиная со второй половины XX века, количество надписей существенно прибавилось – это не только изобилие мужских и женских имен, но уже и отметка того географического региона, откуда один из авторов граффити, очевидно, прибыл в Киев и посетил пещеры (илл. 21, 22, 23).

¹ КПЛ – А – 973. С. 29.

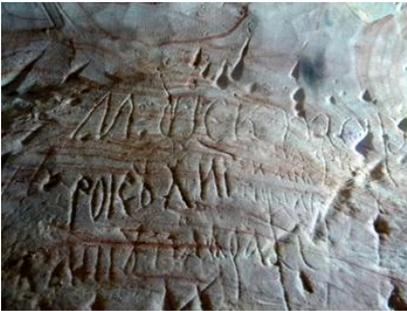
Граффити Варяжских пещер, несомненно, ждут дальнейшего исследования. Между тем, сложность и трудоемкость такой научной деятельности очевидна: это и многочисленные текстовые потери, связанные с хрупкостью грунта, в котором пещеры выкапывались, это и наслоения – а иногда и переплетение шрифтов, «пришедших» к нам из разных эпох. Отдельную статью, несомненно, составят и специфические условия работы в Варяжских пещерах. Тем не менее, в будущее мы смотрим с оптимизмом, поскольку надеемся на новые находки, которые позволят проследить генезис лаврских граффити в более широком диапазоне столетий.

Илл. 1.

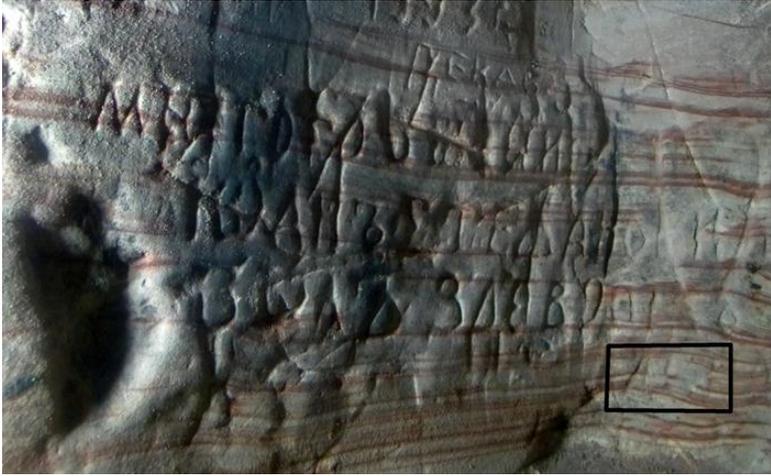

Илл. 2.

М НЕК ЖСР
РОКЪ ХИ ШИЫИ
БЫПУПА РА

Илл. 3.

Илл. 4.

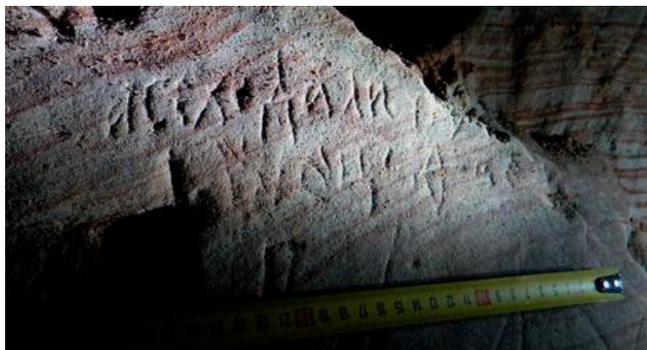
ΣΡΟΡ ΧΟΔ
ΣΡΟΡ 11011

Π ΟΠΤ ΧΟΔ

Π ΟΠΤ Ρ Α Ϊ

Илл. 5.

ασεχ^α Ααλκ^ι υ
 εϑ' Α' α'

Илл. 6.

Илл. 7.

Илл. 8.

Раб
 Бог Мускаучо

Илл. 9.

Симон

Илл. 10.

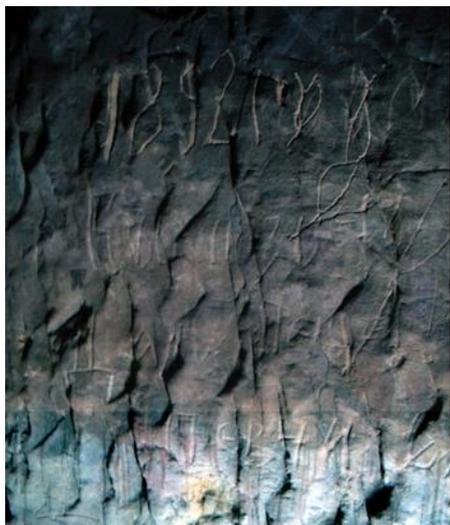
1180 году
ПЕТРО

Илл. 11.

Илл. 12.

 Капитта а
 Кропотско
 17 вт 28 1108819

Илл. 13.

1892 года
 Были здесь
 Дале Пещер
 Певучи Б

А Катенин
1837 2 15²⁰ Август

Илл. 14.

1837 ЫЛЛ
СЛУДОНИТЪ ВЪ ВЕМОНИИР

Илл. 15.

З. Коленко
1837

Илл. 16.

Н. Суко ВСКІЩ
1837 70 КТ

Илл. 17.

Епископ Леонтик
7/III 40

Илл. 18.

18 II 1942
Димитри
Біакан

Илл. 19.

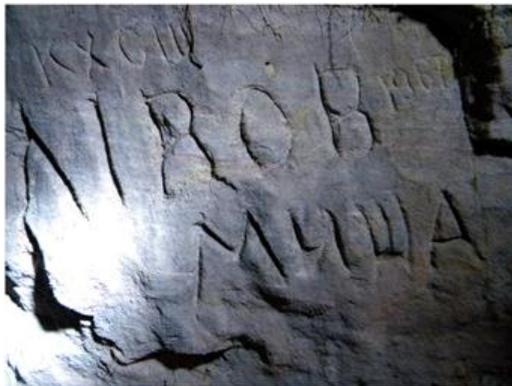
1951 { Петренко Л.З.
Демин В.Г.

Илл. 20.

ХЕРСОН
1967
○

Илл. 21.

КХСШ
 ЛІРОВ 1967
 МИША

Илл. 22.

Илл. 23.

ЭКСКУРС В ИКОНОГРАФИЮ СВЯТИТЕЛЕЙ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ. (НА ПРИМЕРАХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ)

Е.В. Питателева (Киев, Украина)

Данное исследование не претендует на роль фундаментального, поскольку ему недостает более многоохватного анализа памятников по иконографии святителей Кирилла и Мефодия, созданных в изобразительном искусстве на протяжении тысячелетия. Поэтому работа названа экскурсом и сопровождается, как и положено жанру экскурса, обширной серией иллюстраций.

Очевидно, самое раннее воплощение образа святого равноапостольного Кирилла можно видеть на фреске IX века, сохранившейся в древней подземной части римской базилики Сан Клименте (**Илл.1**). Здесь справа от алтаря была открыта композиция «Сшествие во ад», в нижней части которой представлен Кирилл. Аскетический лик святого – расширенные глаза, маленький рот, приоткрытый, словно в молитве; жест благословляющей руки с напряженно вытянутыми пальцами – соответствуют традициям раннего христианства, периода, когда, собственно, и был построен нижний ярус базилики Сан Клименте.

На стене нартекса сохранилась композиция того же времени – «Деисус», где изображены предстоящие Христу архангелы, апостол Андрей, папа Римский Климент, коленопреклонные Кирилл и Мефодий (**Илл.2**). Жест архангела Гавриила демонстрирует его заступничество перед небесным судьей. Он словно защищает или оберегает одного из будущих святителей, Мефодия. Иконографической особенностью облика солунских братьев являются выбритые на головах тонзуры. Необычен на фреске облик Кирилла – он представлен, как католический монах, безбородым.

Фреска XI века «Перенесение мощей папы Римского Климента» (**Илл.3**) насыщена живым ритмом движущейся процессии, не затронувшим, однако, три фигуры переднего плана: геральдически симметрично предстают зрителю Кирилл, Мефодий и папа Адриан второй, встретивший миссионеров в Риме после их возвращения из Хазарского каганата. Неподвижность этих фигур подчеркивает строгую торжественность момента. Пока без ответа остается вопрос, почему у одного из братьев отсутствует над головой нимб.

Событие, предшествующее перенесению мощей, отображено в миниатюре рукописного «Минология» византийского императора Василия Болгаробойцы, хранящегося в Ватикане (нач. XI ст.) (**Илл.4**). Миниатюра повествует об обретении Кириллом и Мефодием нетленных останков Климента в Херсонесе. Все изображаемое в композиции словно тонет в золотом фоне, что придает сцене особый внутренний смысл застылости и одухотворенного сияния. Интенсивные сгущенные краски миниатюры уподоблены драгоценным перегородчатым эмалям.

Одним из наидревнейших образов Кирилла в живописном наследии славяно-византийского мира является изображение 1056 г., включенное создателями фрески Софии Охридской в святительский чин собора (**Илл.5**). (Рядом с фигурой просветителя сохранилась надпись: «didaskalo» («учитель»)) Как отмечает известный исследователь византийского искусства Г.С. Колпакова¹, в этом памятнике доминирует тема введения в Болгарию и Македонию - входивших прежде в состав Первого Болгарского царства и потому принадлежащих к кирилло-мефодиевской традиции – канонической греческой литургии. Неважная сохранность живописи не позволяет подтвердить распространенную гипотезу о том, что вместе с Кириллом и Климентом Охридским первоначально на фреске был изображен и Мефодий, учитель Климента.

Распространение христианства среди южнославянских народов неразрывно связано с именами учеников и продолжателей дела святителей. В 880-м г. на берегу Охридского озера основывает свой монастырь Климент. В 905 г. неподалеку от него монастырь строит и другой ученик Мефодия Наум. В музее г. Скопье хранится икона IX-XI ст. «Седмочисленицы» (что означает «семь святых») (**Илл.6**). В ней центральное место занимает фигура Мефодия, который держит в руках символический макет храма. Слева от него изображены Савва, Климент, Наум. Справа – Ангеларий, брат Мефодия Кирилл и Гаразд. Любопытно, что образ равноапостольного Кирилла трактуется в группе пяти учеников как равный, среди них ничем не выделяясь. Симметрично относительно друг друга расположены идентичные, по сути, фигуры Кирилла и Климента. Они (если не считать надписей) различимы только по длине и форме бород, что в иконографической характеристике этих святых впоследствии станет существенной чертой, специально подчеркиваемой поздними иконописными подлинниками.

Написанная по этой же схеме древняя фреска находилась в маленькой церкви монастыря Св. Наума (**Илл.7**). Между тем, спустя несколько столетий в иконе XVIII века, относимого к периоду культурного Возрождения на Балканах, иконография «Седмочисленицы» видоизменяется: в центре группы семи единомышленников теперь изображается Св. Наум с небольшим храмом в руках (**Илл.8**). Макет его церкви также поддерживают и Кирилл с Климентом, что придает обоим святым особую, но обоюдо-равноценную значимость. Уже не на переднем плане в композиции представлен Мефодий. Хотя он стоит и по правую руку от Наума, но все же находится чуть позади него.

В среде балканских средневековых государств искусство Сербии, пестуемое византийским палеологовским ренессансом, достигло к XIV веку блестящего расцвета. В размеренном шествии святителей к алтарю изображен Кирилл в церкви Иоакима и Анны в сербской Студенице (**Илл.9**). На нем – крещатый полиставрий и шапочка, возле нимба надпись «Константин Философ». Как известно, имя философа будущий равноапостольный Кирилл, а в те годы – еще Константин, упрочил благодаря моральной победе, одержанной им в споре с импе-

¹ Колпакова Г.С. Искусство Византии. СПб., 2005. С. 266.

ратором-иконоборцем. В 843 г. в Константинополе был подведен итог вековой смуте и восстановлено иконопочитание. Отныне политика Византийской империи стала максимально зависеть от решений церкви. В стенописи Студеницы образу Константина-философа придана смысловая значимость мудрого соратника византийского патриарха, христианского апостола, мыслью и душой рдеющего за православные идеалы. Нам известны еще два сходных по иконографии и стилю изображения Кирилла-Константина. Одно из них – на фреске XIV века в монастырской резиденции сербских архиепископов Печь Патриаршая (в южном Косово) (Илл.10). Другая фреска с образом Константина Философа находится в церкви местечка Беренде близ Софии (Илл.11). Время ее создания – тот же XIV век, ставший последним периодом государственной независимости Второго Болгарского царства накануне многовекового османского завоевания.

В Новое время именно в болгарском изобразительном искусстве создано такое количество образов равноапостольных Кирилла и Мефодия, с которым может поспорить лишь российская живопись последней трети XIX века. С конца XVIII века до 1878 г. (период национального Ренессанса накануне освобождения от турецкого ига) «книжников болгарских», «болгарских учителей», «просветителей болгар» пишут художники тревненской, самоковской, килифаревской, тырновской школ живописи (Илл.12). В традициях древнего византийского искусства запечатлены образы Кирилла и Мефодия на воротах Капиновского монастыря и в стенописи монастыря Ивана Рильского, основанного еще в X веке (Илл.13). В ином – барочном стиле, близком по духу самобытной народной струе, создает свои изображения святителей Захария Зограф (Илл.14,15). Выразительность иконных образов его солунских братьев кроется в задушевном простодушии лиц, небесной свежести иссиня голубых красок, узорчатой декоративности одеяний, трогательном в своей незамысловатости пейзажном фоне. Иная интонация появляется в произведении племянника Захарии Зографа, художника Станислава Доспевского. Персонажи одной из его икон трактуются как убежденные, деятельные проповедники, полные стремления продолжать свой просветительский путь (Илл.16). Более поздняя икона-картина Доспевского (Илл.17) преподносит образы книжников в необычном ключе. Автор иконы представил Кирилла и Мефодия в облике старцев преклонного возраста. Их лицам он придает явно ощущаемые черты портретности, а нимбы над головами святых живописец превращает в мерцающие сгустки света. Неординарными атрибутами можно считать иконостас на заднем плане картины, стул с овальной спинкой и выгнутыми ножками, стоящий на столе глобус. (Заметим попутно, что в ранних иконах Доспевского «Кирилл и Мефодий» прежде фигурировала лишь схематически изображаемая земная сфера). Таким образом, на примере творчества художника видно, как традиционная икона-образ равноапостольных просветителей славян трансформируется в подобие исторической картины, создаваемой на тот же сюжет.

Картиной исторического жанра можно считать холст польского художника Яна Матейко, написанный им в 80-егг. XIX века (Илл.18). Портретные черты

лиц Кирилла и Мефодия доведены в ней до предельной реалистичности западнославянского типажа.

Почитание Кирилла и Мефодия на Руси начинается вскоре после ее крещения, о чем свидетельствует «Повесть временных лет». В древнерусском искусстве первые памятники с изображением солунских проповедников датируются XII веком. Это киевские фрески в Кирилловской церкви и стенопись того же времени в приделе Антония и Феодосия Печерских Софийского собора. Ни та, ни другая фреска, к сожалению, не сохранились.

Изобразительным источником древнерусского происхождения, освещающим миссионерскую деятельность Кирилла и Мефодия, создание ими «письмен азбуковных словенских» и перевода с греческого на славянский язык богослужебных книг, является, несомненно, цикл миниатюр XV века из Радзивилловской летописи (Илл.19). «Портреты» апостолов-просветителей трактуется автором миниатюр в соответствии с византийской иконографической традицией изображения евангелистов. Кирилл и Мефодий восседают за низкими, не достигающими до колен столами. Не меньшее, чем архитектурному стаффажу, внимание миниатюрист уделяет письменным принадлежностям книжников (перья, чернильницы, коробочки с песком). В рукописи Мефодия видны строки текста, последовательно идущие одна за другой. Напротив, в свитке, который держит Кирилл, различимы отдельные, преувеличенно крупные буквы.

В связи с правкой русских богослужебных книг в XVII веке служба первоучителя Кириллу и Мефодию не вошла в официальный печатный Месяцеслов. Вероятно, это явилось причиной того, что написание образов святителей в русской иконописи XVII - начала XIX столетий практически сходит на нет. Так, нам известен пока лишь один памятник церковного зодчества начала XIX века, в числе живописных образов которого находилась икона Кирилла и Мефодия. Это – выстроенный в 1815 г. в ознаменование победы над Наполеоном Казанский собор в Петербурге.

Лишь во второй половине XIX века, 1860 г., в Святейший синод поступает предложение епископа Антония Амфитеатрова о составлении новой торжественной службы Кириллу и Мефодию и о необходимости приурочить ее совершение в храмах к 1000-летию России и 1000-летию просвещения славянских народов¹. В 1869г. была торжественно отмечена кончина Кирилла. 1885 же год в истории почитания памяти славянских апостолов стал настоящим апогеем, поскольку тогда, после успешного окончания русско-турецкой кампании на Балканах Россия отмечала и 1000-летие кончины Мефодия. Перечисление всех этих дат для нашей темы является закономерным – искусство на них откликалось синхронно. Первым претворением образов Кирилла и Мефодия в это время становится скульптурный фриз «Просветители», включенный в структуру грандиозного памятника 1000-летия России (г. Новгород; скульптор Микешин). Вслед за ним в Российской империи начинают строиться храмы равноапостольных

¹ Лебедева Е. Славянский славный день. <http://www.pravoslavie.ru/smi/1984.htm>

Кирилла и Мефодия, создаваться в большом количестве одноименные иконы (**Илл.20,21**)¹. В коллекции Киево-Печерского заповедника есть несколько иконных образов, написанных в это время (**Илл.22**). Отдельно среди них следует отметить икону «Св. Кирилл, Мефодий и Феодосий Углицкий» (**Илл.23**). Изображение черниговского святителя XVI века рука об руку со славянскими учителями, жившими в IX веке, объяснимо: день памяти Мефодия Солунского и Феодосия Углицкого совпадает, это 14 февраля.

Поистине, одними из лучших образов последней трети XIX века можно считать «Св. Кирилла» и «Св. Мефодия» М. Нестерова в монументальной росписи Владимирского собора в Киеве (**Илл.24,25**). Совершенно новым для кирилло-мефодиевской иконографической «галереи» с ее 1000-летней традицией стало проникновение мысли художника в чувства созданных им персонажей.

Отчасти под влиянием живописи Нестерова написаны в 1906 году образы Кирилла и Мефодия на стене Всехсвятской церкви Киево-Печерской лавры (**Илл.26**). Однако в этой работе эпохи стиля модерн, который оказал воздействие и на церковное искусство, молодой художник – ученик лаврской иконописной школы В. Лукин все же больше занят декоративными задачами. В его живописи заметен – впервые столь ярко выражаемый – контраст между белоснежным облачением Мефодия и черными схимническими одеждами Кирилла.

В заключение нашего предельно краткого экскурса в иконографию святителей Кирилла и Мефодия назовем еще одну работу начала XX века знаменитого австрийского художника, однако, славянина по национальности, чеха, – Альфонса Мухи. Это картина «Введение славянской литургии в Моравии» из цикла «Славянский эпос» (**Илл.27**). Для его создания художник-символист съездил в Петербург и Москву, посетил Троице-Сергиеву лавру и Третьяковскую галерею. Написан цикл в канун обретения Чехией независимости, что само по себе можно расценивать как событие символическое. Этой последней картиной, базирующейся на реальных событиях из жизни славянских первоучителей, хочется завершить эпоху раннего XX-го века. Возрождение кирилло-мефодиевской иконографической традиции на рубеже XX-XXI столетий, в так называемую эпоху постмодерна, должно стать новой страницей для поисков и плодотворных находок в данном направлении. Затрагивать его пока мы не станем.

---

¹ Иконография восточно-христианского искусства. Проект научного отдела факультета церковных художеств Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета.
<http://lib.pstgu.ru/icons/index.php>

Илл. 1.

Илл. 2.

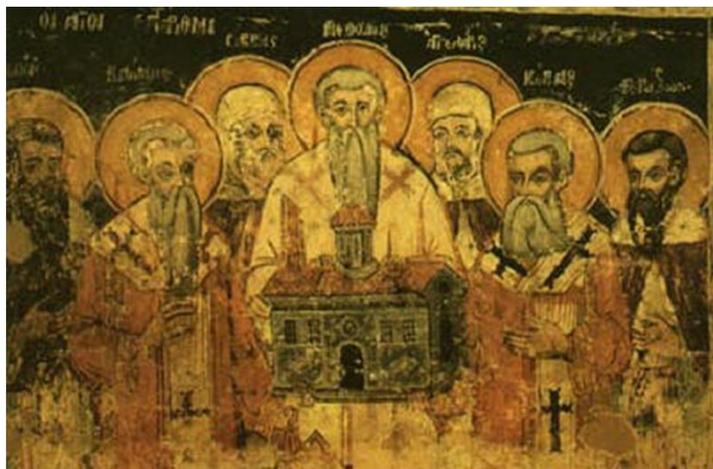
Илл. 3.

Илл. 4.

Илл. 5.

Илл. 6.

философа . неспрнимъ дръволии . чтии
 иши плачеве го гла тт и с р е б р а . не ка миния
 драгаго . не бо г а т ъ . ст в а е п р е х о д ѣ щ а г о .
 и сп о и д н е н и м ѣ с п ѣ ш н о о у с т в и р д н и с п и р е к
 т ѣ . н в е с т ѣ м ѣ р ѣ м ѣ в з н е с к а с п и н е г а . н и ѣ б ѣ

Илл. 7.

Илл. 8.

Илл. 9.

Илл. 10.

Илл. 11.

Илл. 12.

Илл. 13.

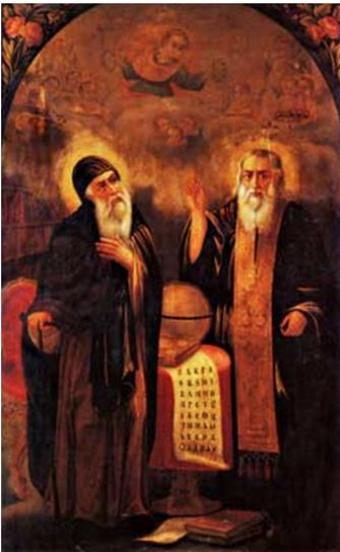
Илл. 14.

Илл. 15.

Илл. 16.

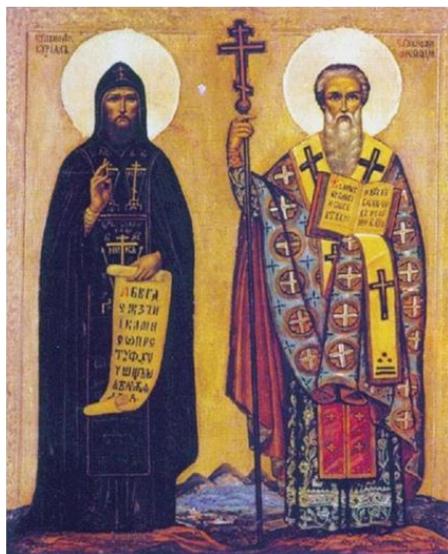
Илл. 17.

Илл. 18.

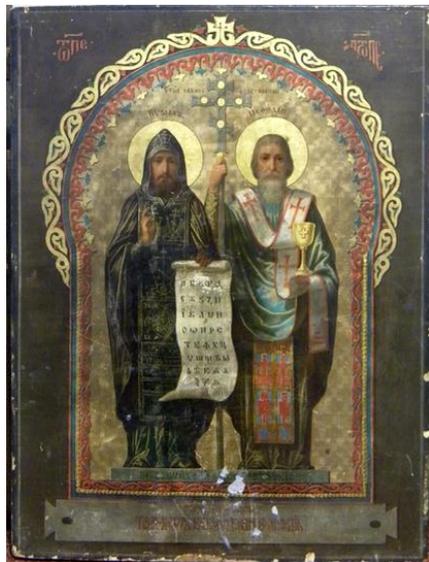
Илл. 19.

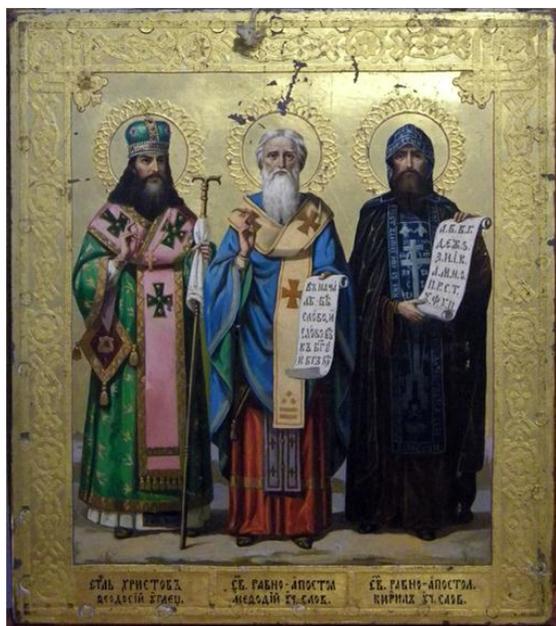
Илл. 20.

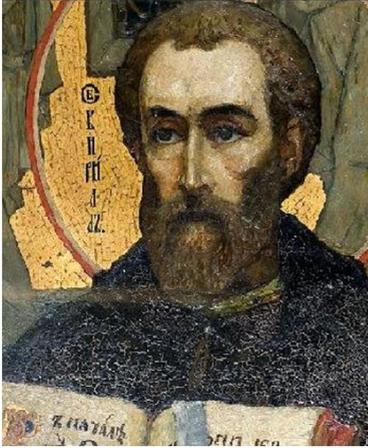
Илл. 21.

Илл. 22.

Илл. 23.

Илл. 24.

Илл. 25.

Илл. 26.

Илл. 27.

ДРУГА УКРАЇНО-ВІРМЕНСЬКА СЕСІЯ 1962 Р. В ЕПІСТОЛЯРІІ Я.Р. ДАШКЕВИЧА

О.О. Маврін (Київ, Україна)

В історії історичної науки, як і в багатьох інших сферах соціо-гуманітарного профілю, першорядне місце, безумовно, займають постаті науковців, однак для дослідження самого наукового процесу – у нашому випадку історіографічного важливе значення має дослідження різноманітних наукових форумів, що визначали напрямки наукових пошуків вчених, а також забезпечували живий обмін думками, новими методологічними та методичними підходами і взагалі забезпечували взаємодію між колегами. Яскравим явищем радянської науки були конференції, присвячені питанням дружби народів союзних республік. Одними з таких форумів і були українсько-вірменські наукові сесії, перша з яких відбулась у Єревані в жовтні 1959 р., в якій взяли участь дослідники з самого Єревана, Львова та Києва. Я. Дашкевич участі не брав, однак підготував рецензію на публікацію матеріалів конференції¹, в якій, окрім самого рецензування праць, висловив і своє побажання, “щоб ініціатива вірменських істориків знайшла продовжувачів на Україні. Українським радянським історикам і науковим установам пора внести свій вклад у справу дослідження історичних зв’язків і дружби вірменського та українського народів, усіх народів нашої Вітчизни”².

Ця ініціатива львівського історика була помічена і друга наукова сесія присвячена темі дружби вірменського та українського народів відбулась у Києві і Львові з 23 по 27 листопада 1962 р. У сесії взяли участь вчені з Єревана, Києва, Тбілісі, Кишинева, Львова та Ужгорода. Загалом було виголошено 27 наукових доповідей³. За матеріалами сесії був виданий відповідний збірник (К., 1965). Про перебіг сесії Я.Р. Дашкевич підготував три повідомлення, опублікованих у “Науково-інформаційному бюлетені Архівного управління УРСР”⁴, “Українському історичному журналі”⁵ та паризькому “Revue des Études Arméniennes”⁶. Загалом українсько-вірменські сесії активізували сходознавчу тематику в українській

¹ Дашкевич Я. Р. [Рец.:] З історії українсько-вірменських зв’язків // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов: Сборник материалов научной сессии. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1961. 264 с. // Український історичний журнал. 1961. № 6. С. 128–130.

² Там само. С. 130.

³ Дашкевич Я. Р., Григор’ян В. Р. Друга наукова сесія істориків України і Вірменії // Український історичний журнал. 1963. № 1. С. 158.

⁴ Я. Д. Друга наукова сесія, присвячена історичним зв’язкам і братерській дружбі українського і вірменського народів // Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР. 1963. № 2. С. 97–98.

⁵ Дашкевич Я. Р., Григор’ян В. Р. Вк. праця. С. 158–159.

⁶ Dachkevitch Ya. Deuxième congrès scientifique consacré aux relations historiques entre les peuples ukrainien et arménien // Revue des Études Arméniennes. Nouvelle série. 1964. T. I. P. 471–475.

науці¹, хоча перед тим, за зізнанням самого Я.Р. Дашкевича, “українське сходознавство було без повітря і без перспектив”².

Ярослав Романович Дашкевич належить до когорти українських істориків, хто здійснив визначальний вплив на різкий поворот світоглядних орієнтирів сучасної вітчизняної гуманітаристики. Попри те, що коло наукових інтересів дослідника було надзвичайно широким, світову славу Я.Р. Дашкевичу принесли вірменознавчі студії, про що промовляє, наприклад, запрошення його на вірменознавчу кафедру Гарвардського університету³.

Вірменістика стала темою кандидатської дисертації Я.Р. Дашкевича, яку він розробляв з 1959 р., після того як йому “зарубали” попередню “Розвиток західноукраїнської літературної критики 1919–1939 рр.”⁴. Таким чином вчений доклав багато зусиль до відродження в Україні вірменознавства і орієнталістики загалом, що зазнали нищівного розгрому в 30-ті рр. ХХ ст. Тому не випадково першою опублікованою книгою вченого стала монографія “Армянские колонии на Украине в источниках и литературе XV–XIX веков: (Историографический очерк)” (Среван, 1962).

Постать Я. Дашкевича привертала і привертає увагу дослідників⁵, однак, враховуючи його багатогранність і неординарність, до створення цілісного образу вченого ще далеко. На сучасному етапі стоїть завдання дослідження окремих сторінок життя і творчості, і насамперед введення в науковий обіг значного джерельного масиву, насамперед, особового походження. Значним за обсягом є епістолярій Я.Р. Дашкевича, який є унікальним за обсягом та інформативністю джерелом. С.І. Білокінь назвав листування Ярослава Дашкевича з Юром Меженком “коментарем до їхньої епохи”⁶. Значний масив цього епістолярію вже введено в науковий обіг⁷, до того ж частина ще самим Я.Р. Дашкевичем¹.

¹ Див.: *Дашкевич Я. Р.* Висвітлення українсько-вірменських зв’язків у літературі 1960–1964 рр. // Український історичний журнал. 1965. № 10. С. 130–137.

² *Дашкевич Я.* Андрій Ковалівський у листах 1961–1963 рр. // Східний світ. 1995. № 2 / 1996. № 1. С. 35.

³ *Сисин Ф.* Ярослав Дашкевич як історик України // Лицар Духу: Меморіальний збірник, присвячений професору Ярославові Дашкевичу. Львів, 2011. С. 14–15.

⁴ *Сварник Г.* Передмова // Листування Юра Меженка з Ярославом Дашкевичем (1945–1969) / Упорядники Р. Дзюбан, Г. Сварник. Львів, 2009. С. XXV.

⁵ Див., наприклад: Вибрана бібліографія публікацій про Ярослава Дашкевича // Ярослав Дашкевич: Біобібліографічний покажчик / Уклад. М. Кривенко; Авт. вступ. ст. А. Содомора; Наук. ред. Л. Ільницька. Львів, 2007. С. 25–29; Лицар Духу: Меморіальний збірник, присвячений професору Ярославові Дашкевичу. Львів, 2011. 144 с.+16 с. кольор. іл.

⁶ *Білокінь С.* Ярослав Дашкевич: шлях у науці // Лицар Духу: Меморіальний збірник, присвячений професору Ярославові Дашкевичу. Львів, 2011. С. 48; пор.: *Фелонюк А.* Ярослав Дашкевич та Іван Бутич у світлі взаємного листування // Листування Ярослава Дашкевича та Івана Бутича (1960–1986) / Упоряд. А. Фелонюк. Л., 2012. С. 24.

⁷ Листування Юра Меженка з Ярославом Дашкевичем (1945–1969) / Упорядники Р. Дзюбан, Г. Сварник. Львів, 2009. 347 с.: іл.; Листування Ярослава Дашкевича та Івана Бутича (1960–1986) / Упоряд. А. Фелонюк. Львів, 2012. 296 с.; *Мицик Ю.* Листи Ярослава Дашкевича до Юрія Мицика // Український археографічний щорічник. 2012. Вип. 16–17. С. 581–602; *Наулко В.* Мої зустрічі з Ярославом Дашкевичем // Український археографічний щорічник. 2012. Вип. 16–17. С. 570–580.

Природно, що вчений не обминув у листах і теми другої україно-вірменської сесії. Таку епістолярну інформацію можна умовно поділити на дві великі групи: 1) збір потрібного матеріалу для написання власної доповіді та 2) інформація, пов'язана з перебігом організації сесії. Хоча, варто зазначити, що ці два блоки часто перетинаються. Тут варто відмітити й те, що одним з магістральних напрямків досліджень Я.Р. Дашкевича була біографістика. Він повернув, або й просто вписав до історії цілу плеяду постатей української історії².

Однак основний інформаційний потенціал епістолярію стосується саме **першого питання** – створення власного дослідження за темою: “Вклад української історіографії в дослідження вірменських колоній в Україні”, яку можна було б також назвати “Репресоване вірменознавство в Україні”. Враховуючи цю обставину, пошук потрібної інформації був значно ускладнений. Імена всіх, хто не влаштував режим, викреслювались зі словників та енциклопедій, їх праці заборонялись і вилучались з бібліотек. З іншого боку, було взагалі небезпечно цікавитися подібними посталями. Тому Я.Р. Дашкевич наполегливо, але, в той же час обережно, шукає потрібну йому інформацію, насамперед, про Олену Олександрівну Нікольську (1892–1943).

Природно, що у своєму пошуку Я.Р. Дашкевич звернувся насамперед до відомого харківського сходознавця – арабіста А.П. Ковалівського, зав'язавши, таким чином, і заочне знайомство двох вчених, а перша особиста зустріч відбулась лише в наступному 1963 р.³. “За традицією”, львівський вчений виїхав на харківського колегу за рекомендацією: “Мені порадила звернутися до Вас вихованка Вашого ун[іверсите]ту Гаєне Пінгірян, що перебуває якраз тепер у Львові...”⁴. Я.Р. Дашкевича і А.П. Ковалівського поєднувало зацікавлення Сходом і безпосередньо сходознавством в Україні. В тих же роках – кінець 1950-х – початок 1960-х рр. А.П. Ковалівський також опублікував низку статей історіографічного характеру⁵.

Вже в першому листі до А.П. Ковалівського Я.Р. Дашкевич цікавився посталями українських сходознавців і тюркологів, насамперед О.О. Нікольською та Т.І. Груніним⁶. У листі від 31 липня 1962 р. Дашкевич повідомляє Ковалівському про підготовку нарисів про українське вірменознавство і пише, що його

¹ Дашкевич Я. Андрій Ковалівський у листах 1961–1963 рр. С. 34–58; Андрій Ковалівський. З листування 1964–1965 рр. / Публ. Я. Дашкевича // Україна в минулому. К.; Львів, 1996. Вип. VIII. С. 8–53.

² Див., наприклад: Дашкевич Ярослав. Постаті: Нариси про діячів історії, політики, культури. Львів, 2006.

³ Дашкевич Я. Андрій Ковалівський у листах 1961–1963 рр. С. 34.

⁴ Лист Я. Дашкевича до А. Ковалівського від 27 серпня 1961 р.: Дашкевич Я. Андрій Ковалівський у листах 1961–1963 рр. С. 37.

⁵ Див., наприклад: Ковалівський А. П. Вивчення культури новітнього Єгипту в Радянському Союзі // Учені записки Харківського державного університету. Харків, 1957. Т. 89: Труды історичного факультету. С. 359–396; Ковалівський А. П. Вивчення Сходу у Харкові і Харківському університеті з кінця XVIII – до середини XX ст. // Ковалівський А. П. Антологія літератур Сходу. Харків, 1962. С. 5–111.

⁶ Там само. С. 37.

“цікавить, хто це така О.О. Никольська з Харкова, прізвище якої зустрічається досить часто в зав’язку з дослідженням вірменського середньовічного ілюмінаторства”¹, і тут сам повідомляє колезі свіжі новини про Т.І. Груніна. У своїй відповіді від 19 серпня 1962 р. А.П. Ковалівський подав деякі відомості про О.О. Никольську, яку “він знав у свій час у Харкові”. Вчений відмітив, що вона належала до куртка учнів Ф.І. Шміта, “прекрасного лектора, візантиніста й оригінального теоретика мистецтва”, а “старшими учнями Ф. Шміта були Д. Гордєєв, який спеціалізувався по мистецтву Кавказа і зараз живе й працює в Тбілісі, й проф. Гріневич”. З листа дізнаємось, що молодшу групу учнів Шміта, до якої належала О.О. Никольська, очолив В.М. Зуммер. До цієї ж групи, в галузі історії українського мистецтва, належав і С.А. Таранушенко². А.П. Ковалівський відмітив, що “років два тому у Харкові був Д. Гордєєв... Він мені докладно розповів про всіх згаданих осіб, – хто помер, хто ще живий і де живе. На жаль, подробиці я зараз забув, зокрема не пам’ятаю, що саме він казав про Є. Никольську. Краще всього Ви напишіть йому безпосередньо”, тут же адресант додав: “Варто було б розшукати в Києві й С. Таранушенка”³.

Таким чином вже 29 серпня 1962 р. Дашкевич відіслав листа до Тбілісі⁴ Д.П. Горєєву, в якому писав: “Обрашаюсь к Вам с большой просьбой. В настоящее время я заканчиваю очерк развития арменоведения на Украине и, в связи с этим, я столкнулся с некоторыми фактами, которые я смогу осветить только при Вашей благосклонной помощи.

В конце [19]20-ых гг. в Харькове работала искусствовед Елена Никольская, которая занималась исследованием армянской миниатюры. Так, например, ее статья “До вивчення вірменського мініатюрного малярства. Рукопис № 2743 Ечміадзінської бібліотеки” была напечатана в журнале “Східний світ”, 1928, № 7–8, стр. 347–356.

К сожалению, проф[ессор] Андрей Петрович Коваливский, к которому я обратился с просьбой рассказать мне о дальнейшей судьбе Е. Никольской, не смог сообщить мне ничего определенного. Он рекомендовал мне обратиться к Вам, многоуважаемый Дмитрий Петрович, так как Вы, по его словам, в свое время руководили кружком харьковских искусствоведов-востоковедов⁵ и располагаете сведениями о Е. Никольской – и даже рассказывали ему о ней несколько лет тому назад во время Вашего пребывания в Харькове.

Буду Вам очень и очень благодарен, если Вы сможете сообщить мне о том, где в настоящее время находится Е. Никольская (если она осталась в жи-

¹ Там само. С. 38.

² Дашкевич Я. Андрій Ковалівський у листах 1961–1963 рр. С. 39.

³ Там само. С. 39–40.

⁴ ЦДАМЛМУ. Ф. 208. Оп. 1. Од. зб. 147. Арк. 1–1 зв., автограф.

⁵ Я.Р. Дашкевич неправильно називає Д.П. Гордєєва керівником гуртка мистецтвознавців-сходознавців. В дійсності, останній був керівником Харківської секції київської катедри мистецтвознавства та заступником директора Інституту історії матеріальної культури у Харкові. Про це Д.П. Гордєєв повідомляє у листі від 8 вересня 1962 р.

вых), занималась ли она исследованием армянского искусства в [19]30-ых гг., в каком направлении развивалась ее дальнейшая исследовательская работа, где печатались ее другие работы и т[ому] п[одобное].

Буду Вам очень благодарен за все, хотя бы и самые скромные, сведения. Прошу Вас извинить меня, что я отнимаю у Вас ценное время, – но я действительно не вижу никого, кроме Вас, кто мог бы помочь мне в решении данного вопроса”.

Про відправку листа Я. Дашкевич повідомив А. Ковалівського: “За Вашою порадою я звернувся з листом до проф. Д.П. Гордєєва – може він зможе подати мені дальші інформації про О.А. Нікольську. Іронія долі полягає в тому, що якраз два місяці тому я був у Тбілісі якраз у цьому музеї, в якому працює проф. Гордєєв. [А перебуваючи на днях у Києві я лише випадково не зустрівся з С. Таранушенком...]”¹.

Сподівання Я.Р. Дашкевича справдились. Д.П. Гордєєв вже 8 вересня відповів досить розлогим і детальним листом², в якому навів і деякі цікаву адресату інформацію: “Елена Александровна Никольская, старшая дочь покойного академика Укр[аинской] АН проф[ессора] А. Н[икольского]³, окончила Харьк[овские] высшие женск[ие] курсы и потом продолжала заниматься историей искусства под руководством проф[ессора] Ф.И. Шмита⁴, впоследствии академика ВУАН; в основном она специализировалась по “византиноведению” в широком понимании термина, в частности, включая сюда и “христианский Восток”, в том числе и Армению, и Грузию. После открытия в Харьковке секции киевской кафедры искусствоведения (руководитель ак[адемик] Новицкий⁵), потом влившейся в Ин[ститу]т материальной культуры (директор Федоровский⁶) – она служила там научным сотрудником. Печаталась в харьк[овских] журналах, где, кроме известной Вам статьи в “Сх[ідному] св[іті]” № 7/8 за 1928 г., опубликовала 2 статьи об миниатюрах армянских рукописей:

¹ Дашкевич Я. Андрій Ковалівський у листах 1961–1963 рр. С. 41.

² Меморіальна бібліотека-архів Я.Р. Дашкевича. Листування. 1962, папка 1, офіційна, А–Д. Щиро дякую Д.С. Гордієнку, В.В. Корнієнку та Г. Сварник за допомогу у пошуку потрібних архівних матеріалів.

³ Нікольський, Олександр Михайлович (1858–1942) – біолог, мандрівник, професор Харківського університету (з 1903 р.), академік ВУАН (з 1919 р.). Див.: Мазурмович Б.Н. Олександр Михайлович Нікольський (1858–1942). М., 1983.

⁴ Шміт, Федір Іванович (1877–1937) – візантолог, мистецтвознавець, історик мистецтва. Позаштатний академік РАІМК (з 1926 – ДАІМК), дійсний член ВУАН (1921). У 1922 р. очолював науково-дослідний інститут мистецтвознавства та був ректором інституту археології у Києві. Директор Російського інституту історії мистецтв у Ленінграді (1924–1930). Заарештований 1933 р., засуджений на 5 років виправних робіт. Вдруге заарештований 1937 р., засуджений до страти. Реабілітований 1956 р.

⁵ Новицький, Олексій Петрович (1863–1934) – історик мистецтва, археолог, пам’яткохоронець. Академік ВУАН (з 1922 р.). Голова Археологічного комітету при ВУАН (з 1924), Софійської комісії.

⁶ Федоровський, Олександр Семенович (1885–1939) – український геолог, палеонтолог, археолог. У 1920 рр. керував підсекцією археології етнологічно-краєзнавчої секції Науково-дослідної кафедри Історії України, перетвореної 1929 р. на Інститут історії матеріальної культури. Також очолював Харківський Археологічний музей. Професор Харківського державного університету.

1) “Мистецтвознавство”, зб[ірка] I, Х[арків], 1928/29 (сборн[ик] в честь ак[адемика] Н.Я. Марра).

2) “Наук[ові] зап[иски], Праці н[ауково-]д[ослідної] катедри іст[орії] європ[ейської] культури”, вип[уск] III, Х[арків]. 1929 (сборн[ик] в честь ак[адемика] Бузескула).

Насколько мне известно, Е.А. Н[икольск]ая скончалась либо в конце II мировой войны, либо вскоре после ее окончания. [...]

Позволю себе, кроме просимых Вами сведений, указать, что и я лично работал в области армяноведения. Кончил Харьк[овский] У[ниверсите]т, а в 1917 г. был избран Рос[сийской] АН адъюнктом Кавказского истор[ико]-археологич[еского] ин[ститу]та (КИАИ), в изданиях которого (изв[естия]¹ и бюлл[етени]²) и в изд[аниях] Рос[ийской] [потом союзн[ой] АН так же именуются] обо мне сведения (в отчетах³ с 1917 и в Осв[едомительных] бюлл[етенях]⁴). Кроме того, см[отрите] журнал “ARS”⁵ (Тифлис, 1918, №№ 1 и 2/3). Состоял руководителем Харьк[овской] секции киевск[ой] каф[едры] искусствоведения и зам[естителем] дир[ектора] И[нститу]та ист[ории] мат[ериальной] культуры (и не руководил кружком харьк[овских] искусствоведов-востоковедов”, как сказано в Вашем письме)”, до біографічної інформації адресант додав і деяку бібліографію: “Статьи Е.А. Никольской:

1) К изучению армянской миниатюрной живописи: 2. Иллюстрации рукописей мастера Ованеса из Гизана (табл. XLVII–LI). “Мистецтвознавство”. Збірник 1-й Харківської секції н/д катедри мистецтвознавства. Харків, 1928 [–1929], стр. 37–52.

2) К изучению армянской миниатюрной живописи: 1. Армянская рукопись XI века Эчмиадзинской библиотеки № 283 (ст. ф.), табл. III–IX. “Наукові записки. Праці н/д катедри історії європейської культури”, вип. III, ДВУ [Харків], 1929, стр. 425–431”.

Лишалось найти адресу С.А. Таранушенка. З цим проханням вчений звернувся до свого давно-знайомого киянина Ю.О. Меженка в листі від 6 листопада 1962 р., згадавши і про саму конференцію: “Прошу Вас вибачити мені таку довгу мовчанку. І у вересні, і в жовтні я повинен був приїхати в Київ (на конференції в Інституті мовознавства та Інституті історії) – але тому, що в нас, як правило, не дотримують раніше встановлених термінів – я досі ще сиджу у Львові.

¹ “Известия Кавказского историко-археологического института” – друкований орган Кавказького історико-археологічного інституту, що виходив у 1923–1927 рр.

² “Бюллетень Кавказского историко-археологического института” – друкований орган Кавказького історико-археологічного інституту, що виходив у 1929–1931 рр.

³ Щорічні друковані видання Академії наук СРСР (а також її попередниці Імператорської академії наук та наступниці – Російської академії наук), в яких подавалися короткі звіти про її діяльність.

⁴ “Осведомительный бюллетень Комиссии экспедиционных исследований” – академічний друкований орган, що виходив у 1926–1929 рр. з періодичністю двічі на місяць, у якому публікувались відомості про хід окремих експедицій та обробку здобутого матеріалу.

⁵ “ARS” – щомісячний літературний альманах, який виходив у Тифлісі у 1918–1919 рр. за урядування меншовиків.

Лякають, що 23.XI таки почнеться конференція, присвячена вірмено-українським зв'язкам, але я ставлюся до цього нового терміну з великим недовір'ям...

Якщо Ви знаєте, випадково, адресу С. Таранушенка – напишіть мені будь ласка. Мене цікавлять деякі справи про харківський гурток мистецтвознавців в 20-их рр. і я хотів з цим звернутися до нього.

Може, все ж таки, організатори вірмено-української сесії не підведуть – і сесія відбудеться в другій половині листопада? Не знаю...¹.

Адресант звертався по адресу. Вже 9 листопада 1962 р. Ю.О. Меженко повідомив колезі: “Повертаю довідку про “Бібл[іологічні] вісті” і картку з адресою проф. С.А. Таранушенка. Дехто називає його Таранушенко. Він сам себе називає так як[к] пишу”. Головне, що в листі була потрібна досліднику адреса: “Таранушенко Стефан Андрійович, Київ. Вул. Димитрова № 6 пом. 27”².

І вже 17 листопада Я.Р. Дашкевич надіслав першого листа С.О. Таранушенку³, в якому виклав причину свого звернення до київського колеги, відмітивши, що всі “На жаль, всі мої спроби довідатись щось докладніше про Олену Нікольську – зокрема, деякі біографічні дані, відомості про те, чи крім відомих трьох статей (“Наукові записки – праці науково-дослідної кафедри історії європейської культури”, вип. 3, Х[арків], 1929; “Мистецтвознавство”, зб. 1, Х[арків] 1928; “Східний світ”, Х[арків] 1929, № 7–8) вона ще щось друкувала і де саме – закінчилися невдачею.

Буду Вам дуже вдячний, якщо Ви зможете подати мені якісь докладніші відомості про О. Нікольську та про напрям її мистецтвознавчих досліджень”.

Так розпочалось знайомство цих двох видатних постатей української історії, яких С.І. Білокінь назвав двома масивами “національної культурної спадщини – Ярослава Дашкевича й Стефана Таранушенка. Обоє вони побували в ув'язненні. Стоячи на сторожі національної пам'яті, свято вірячи в незнищенність України, обоє створили й залишили по собі видатні пам'ятки наукової думки”⁴.

На лист Я.Р. Дашкевича С.О. Таранушенко, як і Д.П. Гордєєв, відповів швидко, листом від 20 листопада 1962 р.⁵, в якому подав і деяку, цікаву адресату інформацію: “Що я можу сказати? – Вона – донька професора академіка Академії наук УРСР Олександра Михайловича Нікольського, ботаніка. Вчилась вона на вищих жіночих курсах у Харк[ові]. Закінчила їх десь біля 1916 р. Слухачка проф[есора] Фед[ора] Ів[ановича] Шміта. Після закінчення працювала в Музеї мистецтв Харк[івського] університету. Пізніше – в науково-дослідних катедрах та в Харк[івському] музеї образотворчого мистецтва. В цьому музеї ще і зараз пра-

¹ Листування Юра Меженка з Ярославом Дашкевичем. С. 255–256.

² Там само. 374 с.

³ ІР НБУВ. Ф. 278. Од. зб. 2959. Арк. 1, автограф.

⁴ Білокінь С. Ярослав Дашкевич..., 2011. С. 66–67.

⁵ Меморіальна бібліотека-архів Я.Р. Дашкевича. Листування. 1962, папка 5, офіційна, Т–Я, автограф.

цюють люди, що в свій час працювали разом з Нікольською. Може збереглися і документи з біографією її, хоч це сумнівно. В 1933 р. вона була репресована.

Дату народження певно вміщено в “Списках наукових робітників ССРСР”, що видавала на початку 20^х рр. Академія Матеріальної культури в Ленінграді. Як що в Львові цього видання цього видання не знайдеться, можна написати директору бібліотеки Ермітажу, у нього безперечно збереглося.

Оце і все, на жаль, що можу я Вам написати. Що в Музеї вона відділом (якимсь) західно-єврейського мистецтва Ви певне знаєте”.

Пізніше в листи від 17 лютого 1965 р. С.О. Таранушенко надіслав Я.Р. Дашкевичу фото, на якому була зображена “групи харківських музейних робітників 1921 р. На ньому – Нікольська, Івановська, а також Б. Загайкевич (з галичан)”¹. На жаль, отримати копію фотографії з архіву Я.Р. Дашкевича не вдалося. Підписи до фото С.О. Таранушенко навів у листі від 4 квітня 1965 р., де під № 10 числилась і О.О. Нікольська².

Як було показано з листування Я.Р. Дашкевича з А.П. Ковалівським, дослідника цікавила і постаттю відомого тюрколога Т.І. Груніна (1898–1970), який, на відміну від О.О. Нікольської на той час ще був живий. Однак, враховуючи стан здоров’я вченого (на той час він майже осліп), Ярослав Романович листувався з його небогою – теж відомою дослідницею-тюркологом Ельвірою Олександрівною Груніною³, адресу якої дізнався за посередництва журналу “Вопросы языкознания”⁴. З наукових, основним питанням, що обговорювалось колегами, було видання праці Т.І. Груніна “Документы на половецком языке XVI века”. Окрім власне питання публікації дисертації Т.І. Груніна, Я.Р. Дашкевича цікавила і участь вченого у сходознавчій комісії ВУАН та його внесок в українське вірменознавство. З цього приводу Е.О. Груніна повідомила потрібну колезі інформацію у листі від 7 листопада 1961 р.: “1. Упомянутый о работе Тимофея Ивановича в 30^е годы, как он думает, не было, если не считать следующего: когда работа была кончена, она была послана на рецензию Самойловичу, Ляпунову, кажется Мещанинову и еще какому-то специалисту по армянскому яз[ыку]. Когда Самойлович был в Турции в научной поездке, то он сообщал об этой работе, а затем в “Правде” была заметка об этой поездке – кажется, там что-то есть, но Т[имофей] И[ванович] уже хорошо не помнит. Не помнит и года, но это было до 1936 г.

2. Тимофей Иванович в Харькове не работал, а работал до отъезда в Туркмению в Киеве, у Крымского, в составе Тюркологической комиссии при

¹ Меморіальна бібліотека-архів Я. Р. Дашкевича. Листування. 1965, папка 4, С–Я.

² Там само.

³ Див.: *Маєрін О.О.* З історії української едиційної археографії: листування Ярослава Дашкевича з Ельвірою Груніною щодо видання “Документов на половецком языке XVI века” Тимофія Груніна // V Международный Болгарский форум “Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и народов в постзолотоордынском пространстве (XV–XVI вв.): Тезисы”. Симферополь: Крокус, 2013. С. 59–62.

⁴ Чернетка листа Я. Дашкевича до Е. Груніної, від 29 вересня 1961 р.: Меморіальна бібліотека-архів Я.Р. Дашкевича. Листування. 1961, автограф.

АН (кстати, у Крымского в его “Тюрки, их мови...” есть указание на то, что Тюркологическая комиссия работает над армяно-половецкими документами).

3. Название диссертации “Половецкомовні документи Київського центрального архіву давніх актів”. Она была защищена летом 1944 года в Московском гос[ударственном] университете (на филологическом факультете)”¹.

Власне ця інформація й лягла в основу власних досліджень Я.Р. Дашкевича, присвячених Т.І. Груніну. Відповідаючи на лист колеги вчений писав: “На основі Ваших листів у мене склалася досить ясна картина про праці Тимофія Івановича. – Про роботу його в Києві (в Тюркологічній комісії) я знав з матеріалів, які збереглися в особистому архіві акад[еміка] А. Кримського в Києві (там є документи, що стосуються Тимофія Івановича)”².

З підготовкою доповіді на україно-вірменську сесію і матеріалами, присвяченими О.О. Нікольській пов’язаний ще один епізод з життя Я.Р. Дашкевича, про який він написав у листі до І.Л. Бутича³, Е.О. Груніної, а також Д.П. Гордєєва: “Вчера у меня случился пренеприятнейший случай. Когда я возвращался домой вечером из библиотеки, на меня напали несколько грабителей, которые отняли у меня портфель с бумагами (между прочим – единственный экземпляр статьи, над которой работал полгода...). Вместе с бумагами погибло и Ваше письмо, которое я смог только частично использовать. Буду Вам очень благодарен, если Вы сможете еще раз написать мне адрес родственницы Е. Никольской, проживающей в Харькове, – этот адрес я не успел выписать отдельно, и он у меня погуб. – Такие глупые и непредвиденные случаи, выходит, случаются и сейчас...”⁴. На щастя Д.П. Гордєєв мав звичку робити копії листів під копірку і зміг частково відновити колезі втрачену інформацію⁵.

Таким чином, завдяки своїй комунікабельності Я.Р. Дашкевичу вдалося за допомогою колег з різних міст Радянського союзу: Ленінграда, Москви, Тбілісі, Харкова та Києва, здобути потрібну інформацію, що і лягла в основу цілих сюжетів дослідження вченого з історіографії україно-вірменських зв’язків.

Загалом у своїй доповіді Я.Р. Дашкевич проаналізував близько 150 праць 60 науковців⁶. Однак у вітчизняних публікаціях доповіді ім’я О.О. Нікольської

¹ Лист Е. Груніної до Я. Дашкевича, від 7 листопада 1961 р.: Меморіальна бібліотека-архів Я.Р. Дашкевича. Листування. 1961, автограф.

² Чернетка листа Я. Дашкевича до Е. Груніної, від 14 листопада 1961 р.: Меморіальна бібліотека-архів Я.Р. Дашкевича. Листування. 1961, автограф.

³ Лист до І.Л. Бутича від 17 вересня 1962 р. “Вечером, коли повертався я додому, напали грабіжники та вихопили портфель, в якому був рукопис статті (на якусь там вірменську тему) та всі матеріали до неї... А працював я над нею декілька місяців” [Листування Ярослава Дашкевича та Івана Бутича (1960–1986) / Упор. А. Фелонюк. Львів, 2012. С. 52]. Відповідь І. Бутича від 20 жовтня 1962 р.: “Як матеріали Вашої статті – так і не знайшлися? Мене ця звістка вразила” [Листування Ярослава Дашкевича та Івана Бутича... С. 55].

⁴ ЦДАМЛМУ, ф. 208, оп. 1. од. зб. 147, арк. 2–2 зв, автограф.

⁵ Лист Д. Гордєєва від 21 вересня 1962 р.: Меморіальна бібліотека-архів Я. Р. Дашкевича. Листування. 1962, папка 1, офіційна, А–Д.

⁶ Дашкевич Я.Р. Вклад украинской историографии в исследование армянских колоний на Украине // Вторая научная сессия..., посвященная историческим связям и братской дружбе украинского и ар-

відсутнє. У статті лише зазначено, що “Вірменська тематика зайняла міцне місце в українському сходознавстві, яке почало бурхливо розвиватись на кінець 20-х років ХХ ст. В 1926 р. в Харкові була створена Всеукраїнська наукова асоціація сходознавців, що видавала журнал “Східний світ” (1927–1931 рр.). В журналі друкувались статті вірменських, українських, російських сходознавців, що стосувались історії вірмен”¹. Жодної згадки про О.О. Нікольську у публікації немає. Натомість інформація про харківську дослідницю присутня у французькому варіанті статті – значно більшому за обсягом², хоча й досить лаконічна. Так, до наведеної вище цитати щодо Харківського осередку сходознавства 20-х рр. ХХ ст. Я.Р. Дашкевич додав: “Особливо згадки заслуговують дослідницькі праці сходознавця і мистецтвознавця О. Нікольської з Харкова, автора серії статей, присвячених вірменській середньовічній мініатюрі”³, а також навів 6 бібліографічних позицій дослідниці⁴. Саме ця, наведена Я.Р. Дашкевичем у французькій статті інформація про О.О. Нікольську, була протягом багатьох років єдиною згадкою про харківську дослідницю. Покажемо є і те, що на сьогодні в науці О.О. Нікольська відома саме як сходознавець і мистецтвознавець, натомість Д.П. Гордєєв у листі до Я.Р. Дашкевича від 8 вересня 1962 р. характеризує її насамперед як візантиніста.

Деяку інформацію містять листи і щодо **другого питання** – перипетій з організацією сесії. Так, у листі до І.Л. Бутича від 9 жовтня 1962 р. Я.Р. Дашкевич між іншим писав і про сесію: “У половині листопада передбачається провести у Києві та у Львові вірмено-українську наукову сесію. Якщо доповідь, яку я повинен виголосити, внесуть у київське відділення сесії – тоді зможу приїхати в Київ”⁵. Однак уже в одному з дальших листів додавав, що “якщо вірмено-українська сесія справді відбудеться в кінці листопада – тоді десь через місяць я буду в Києві”⁶. Свою доповідь вчений дійсно виголосив на другому засіданні в Києві 23 листопада 1962 р. як то впливає з програми конфере-

---

мянського народів, Киев, Львов, 23–27 нояб. 1962 г.: Тезисы докладов. К., 1962. С. 11–13; *Дашкевич Я. Р.* Вклад украинской историографии в исследование армянских поселений на Украине // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Сборник материалов Второй украинско-армянской научной сессии. К., 1965. С. 57–63.

¹ *Дашкевич Я. Р.* Вклад украинской историографии в исследование армянских поселений на Украине. С. 60.

² *Dachkevych Ya.* Les études arméniennes en Ukraine aux XIX-e et XX-e siècles. P. 389–411. Рецензії на цю статтю: [Batikyan G.] // *Sovetakan Hayastan*. Erevan, 1965. № 7. P. 18; *Minasyan M.* // *Patmbanasirakan handes*. Erevan, 1966. № 2. P. 289; *Ter-Polosean H. P.* // *Handes amsawrey*. Vienna, 1965. № 1/3. P. 150.

³ *Dachkevych Ya.* Les études arméniennes en Ukraine. P. 400.

⁴ На жаль, вірменський варіант статті на час підготовки цієї статті був недоступний: *Ukrainakan ratmagrut`yan nerdrume hay-ukrainakan p`oxharberut`yunneri usumnasirut`yan gorcum* // *Telekagir. Nasarakakan gitut`yunner*. 1964. № 6. P. 27–40.

⁵ Листування Ярослава Дашкевича та Івана Бутича.. С. 54.

⁶ Там само. С. 57.

нці¹. У листуванні з І.Л. Бутичем також натрапляємо і на пошук інформації для власної доповіді. Так у листі до київського колеги від 29 жовтня 1962 р. Я.Р. Дашкевич писав: “Звертаюсь до Вас, Іване Лукичу, за довідкою. Чи не можете Ви подати мені якісь відомості про С.М. Семка² – колишнього начальника Архівної управи УРСР в 30-х рр. Відомості про нього потрібні мені в зв’язку з моєю наступною доповіддю на вірмено-українській сесії (повинна відбутися в кінці листопада в Києві)”³. Прикметно, що С.М. Семко також належав до числа репресованих українських істориків і, як писав сам Я.Р. Дашкевич, на той час “питання про його реабілітацію, правда, ледь чи колись піднімалось”⁴. Однак відповіді на це питання не отримав (або ж вона не збереглась) і на сьогодні по-стать С.М. Семка-Козачука залишається майже невідомою⁵.

Під час підготовки до другої україно-вірменської сесії Ярослав Романович звертався до Е.О. Груніної та Т.І. Груніна з пропозицією подати заявки на майбутній науковий форум: “Я хотел Вам сообщить более-менее определенные сведения о предстоящей армяно-украинской сессии, на которой столь желательным было бы заслушать сообщение Тимофея Ивановича и Ваше”⁶.

Т.І. Груніна зацікавила конференція і з листа Е.О. Груніної до Я.Р. Дашкевича випливає, що він планував подати якісь матеріали на неї: “Так что я думаю, если эта конференция будет, можно будет планировать и сообщение по работе Тимофея Ивановича”, серед тем, які могли бути представлені, Е.О. Груніна пропонувала охарактеризувати мову, якою були написані половецькі документи та її співвідношення з іншими куманськими пам’ятками. Хоча й обумовлювалась, що “может быть, такая чисто филологическая постановка вопроса будет не очень интересной для конференции историков, а было бы интересней показать характер самих документов, но это не в компетенции Тимофея Ивановича, и я тоже здесь ничем помочь не могу – я тоже только филолог”⁷.

Сумніви колеги щодо мовознавчої тематики Я.Р. Дашкевич розвіював у листі від 5 травня 1962 р. Вчений повторював важливість участі Ельвіри Олександрівни та Тимофія Івановича Груніних і відмічав, що окрім них планується ще одна доповідь про польські тексти, писані вірменським алфавітом. Проте, як засвідчують програми сесії, ані у Києві, ані у Львові, доповідей вони не зробили.

¹ Вторая научная сессия, посвященная историческим связям и братской дружбе украинского и армянского народов. Программа сессии. Первое заседание в Киеве. К., 1962. С. 4 // Меморіальна бібліотека-архів Я.Р. Дашкевича. Статті. 1962.

² Семко-Козачук, Семен Михайлович (1889–1938) – історик, архівіст, суспільно-політичний діяч. В 1925–1929 рр. був ректором Київського інституту народної освіти, протягом 1931–1933 рр. – завідувач Центрального архівного управління УСРР. Загинув у сталінських таборках.

³ Листування Ярослава Дашкевича та Івана Бутича... С. 56–57.

⁴ Там само. С. 57.

⁵ Він відсутній і у словнику: Сходознавство і візантологія в Україні в іменах: бібліогр. слов. / Упоряд.: Е. Г. Циганкова, Ю. М. Кочубей, О. В. Василюк; редкол.: Л. В. Матвєєва (голов. ред.) [та ін.]. К., 2011.

⁶ Меморіальна бібліотека-архів Я.Р. Дашкевича. Листування. 1962, чернетка, автограф.

⁷ Лист Е. Груніної до Я. Дашкевича, від 20 січня 1962 р.: Меморіальна бібліотека-архів Я.Р. Дашкевича. Листування. 1962, автограф.

Тим не менше, отримана інформація щодо окремих питань біографії Т.І. Груніна (особливо у листі від 7 листопада 1961) увійшла до виголошеної Я.Р. Дашкевичем у Києві 23 листопада 1962 р. доповіді “Вклад украинской археологии в исследование армянских колоний на Украине”¹. Пізніше життєвому і творчому шляху Т.І. Груніна Я.Р. Дашкевич присвятив низку публікацій².

Таким чином друга вірмено-українська сесія, що проходила в Києві та Львові восени 1962 р. була не лише помітним явищем наукового життя Радянського Союзу, а й стала важливою віхою в житті Я.Р. Дашкевича. Окрім безпосередньої участі в цьому науковому форумі, саме завдяки йому вчений зав’язав контакти з багатьма відомими українськими та російськими дослідниками, серед яких А.П. Ковалівський, Д.П. Гордєєв, С.А. Таранушенко, Т.І. Грунін та Е.О. Груніна, з якими і в подальшому підтримував тісні листовні контакти.

К ИСТОЧНИКАМ УКРАИНСКОГО АРМЯНОВЕДЕНИЯ: ВТОРАЯ УКРАИНО-АРМЯНСКАЯ СЕССИЯ 1962 Г. В ЭПИСТОЛЯРИИ Я.Р. ДАШКЕВИЧА

А.А. Маврин

Статья посвящена источниковедческому анализу эпистолярного наследия выдающегося украинского историка Я.Р. Дашкевича. Внимание сосредоточено на письмах, в которых поднимались вопросы, связанные со второй украино-армянской научной сессией, которая проходила в Киеве и Львове в 1962 г. Установлено, что эта информация присутствует в переписке ученого с И.Л. Бутичем, Ю.А. Меженко, А.П. Ковалевским, Д.П. Гордеевым, С.А. Таранушенко и Э.А. Груниной. В письмах затрагиваются вопросы относительно подготовки собственного доклада, а также и некоторые вопросы, связанные с подготовкой самой сессии.

Ключевые слова: Я.Р. Дашкевич, армяноведение, эпистолярные источники.

THE SOURCES OF UKRAINIAN ARMENIOLOGY: THE SECOND UKRAINIAN-ARMENIAN SESSION IN 1962 ON THE EPISTOLARY OF Y.R. DASHKEVYCH

A.A. Mavrin

The article is devoted to the source analysis epistolary heritage of the outstanding Ukrainian historian Y.R. Dashkevych. The attention is focused on the letters related to the second Ukrainian-Armenian scientific session held in Kyiv and Lviv in 1962. It was found that the information exists in the correspondence between scholar and J.L. Butych, Y.O. Mezhenko, A.P. Kovalevsky, D.P. Gordeev, S.A. Taranushenko and E.A. Grunina. The letters touch upon subjects about preparing Y.R. Dashkevych's report, as well as some issues on the session preparation.

Keywords: Y.R. Dashkevych, Armenianology, epistolary sources.

¹ Вторая научная сессия... Программа сессии..

² [Дашкевич Я.] Сходознавець Тимофій Іванович Грунін // Архіви України. 1971. № 1. С. 16; *Dashkevich Ia. R. Grunin Timofej Ivanovič* // *Haykakan sovetakan hanragitaran*. Erevan, 1977. Hat. 3. P. 237.

Содержание

Кондаковские чтения 2013 г.	3
ГОРДИЕНКО Д.С. Труды Н.П. Кондакова в оценке М.С. Грушевского....	5
КУЙБИДА К.И. Изображения животных в гомеровском эпосе (в свете художественных определений)	17
КЛЕЙМЕНОВ А.А. Спартанская мора и мора македонская: анализ одной гипотезы	23
НЕФЕДКИН А.К. Битва при Иссе (333 г. до н.э.) в современной историографии	29
ЕРМОЛИН А.А. Изображение боспорян в произведениях античной торевтики	33
КЛЕЙМЕНОВА А.В. Римские легионы в Британии в I–II вв. н.э.	37
ДАНИЛОВ Е.С. Античные стратегемы в «Записках» Монтекукколи	44
ТОРКАНЕВСКИЙ А.А. «Вторые узы» апостола Павла	49
ЯРЦЕВ С.В. Поход Филимера и проблема гибели Крымской Скифии	55
ФОМИН М.В. "Царствие небесное" в раннехристианском искусстве Херсонеса – Херсона	67
СИНИЦА М.М. Истоки римской государственности в представлении византийской интеллигенции VI в.	72
БОЛГОВ Н.Н., БОЛГОВА А.М., АГАРКОВА Ю.Н. К истории Кесарии Палестинской в ранневизантийское время	78
ГРАЦИАНСКИЙ М.В. Падение византийской власти в Средней Италии в VIII в. и папство	83
РОМЕНСКИЙ А.А. Варда Фока и Василий II: борьба за власть в Византии 987–989 гг.	85
БЫСТРИЦКИЙ Н.И. Использование информационного ресурса "Византийский временник"	89
КОРНИЕНКО В.В. Святительский чин алтаря Георгиевского придела Софии Киевской по данным эпиграфики	92
ЛИТВИНЕНКО Я.В. Граффити варяжских пещер Киево-Печерской Лавры	101
ПИТАТЕЛЕВА Е.В. Экскурс в иконографию Святителей Кирилла и Мефодия (на примерах изобразительного искусства Восточной и Центральной Европы)	117
МАВРИН А.А. К источникам украинского армяноведения. Вторая украино-армянская сессия 1962 г. в эпистолярии Я.Р. Дашкевича	135
Содержание	147

Научное издание

КОНДАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – IV.
Античность – Византия – Древняя Русь

Материалы международной научной конференции

План 2013 г.

Ответственный редактор-составитель
Николай Николаевич Болгов

Сдано в печать 19.12.2013 г.

Тираж 300 экз.